

Российская Академия Наук

Кольский научный центр
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина

СЕВЕР И РЫНОК:

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

4/2014 (41)

В этом номере представлены научные статьи, подготовленные по материалам выступлений на VII международной научно-практической конференции «Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения - 2014», Апатиты, 10-12 апреля 2014 г.

Конференция проводится в рамках выполнения Программы Президиума РАН №31 «Роль пространства в модернизации России», Гранта РГНФ, проект №12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития», при финансовой поддержке Гранта РГНФ, проект №14-02-14018.

Апатиты
2014

СЕВЕР И РЫНОК:

формирование экономического порядка
№ 4 (41) 2014

Научно-информационный журнал

Основан в 1998 году

чл.-корр. РАН Геннадием Павловичем Лузиным

Выходит 4 раза в год

Учредитель – Институт экономических проблем
им. Г.П.Лузина Кольского научного центра
Российской академии наук

ISSN 2220-802X

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Акулов В.Б.;
к.э.н., доц. Башмакова Е.П.;
к.э.н., доц. Дидык В.В.;
к.э.н., доц. Залкинд Л.О.;
к.э.н. Иванова Л.В.;
к.э.н., доц. Кобылинская Г.В.;
чл.-корр. РАН Лаженцев В.Н.;
д.э.н., проф. Ларичкин Ф.Д.;
Павлова С.А. (отв. секретарь);
д.т.н., проф. Маслобоев В.А.;
к.э.н., доц. Рябова Л.А.;
д.э.н., проф. Селин В.С. (главный редактор);
д.э.н. Скуфьина Т.П. (зам. главного редактора);
к.э.н., доц. Шпак А.В.;
к.т.н., доц. Цукерман В.А.

184200, г.Апатиты Мурманской области,
ул. Ферсмана, 24а
Тел.: 8-81555-79-257
E-mail: pavlova@iep.kolasc.net.ru

Позиция редакции необязательно
совпадает с мнением автора

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования

Журнал включен в Реферативный журнал
и Базы данных ВИНТИ

© Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина
КНЦ РАН, 2014

© Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки Кольский научный центр РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Секция III. Социальная политика России в Арктике в XXI веке: новая парадигма и новые приоритеты

Башмакова Е.П. Государственное регулирование развития корпоративной социальной ответственности (КСО): зарубежный и российский опыт.....	4
Белевских Т.В. Компенсирующие различия и северный рынок труда: теория и практика российской экономики.....	8
Виноградова С.Н. Коренные народы в городской среде: проблемы и интересы (на примере Мурманской области).....	10
Гущина И.А., Довиденко А.В. К вопросу об удовлетворенности социальными услугами жителей отдельных городов Мурманской области (по результатам социологического мониторинга 2008, 2013 гг.).....	13
Гущина И.А., Положенцева О.А. К вопросу о социальном самочувствии населения Мурманской области (по результатам социологических исследований).....	16
Кожевников С.А. Состояние жилищно-коммунального хозяйства в муниципальных образованиях северного региона.....	21
Козырева Г.Б. Проблемы формирования социальных институтов устойчивого развития северных сырьевых регионов.....	25
Кондратович Д.Л. Социологический анализ некоторых аспектов социально-экономического развития северного региона (на примере Мурманской области).....	28
Коровкин А.Г., Единак Е.А., Королев И.Б. Оценка перспектив развития рынка труда Мурманской области.....	31
Корчак Е.А. К вопросу о социальном лицензировании горнодобывающей деятельности.....	35
Логинов В.Г. Проблемы социально-экономических взаимоотношений коренных этносов Севера и хозяйствующих субъектов. Морозов А.А. Институциональные предпосылки формирования и развития КСО в России.....	42
Мосина Л.Л., Широкова Л.Н. Проблемы уровня и дифференциации оплаты труда работников арктических регионов.....	45
Попова Л.А. Смертность и продолжительность жизни населения северных регионов России.....	49
Прохорова Д.В., Карначев И.П., Никанов А.Н.	

Вопросы методологии оценки профессионального риска для ущерба здоровья работоспособного населения, занятого освоением рудных месторождений Мурманской области.....	53	Турчанинова Т.В., Храпов В.Е. Оценка перспектив развития машиностроительных предприятий с единичным и мелкосерийным производством Кольского региона.....	122
Рябова Л.А. Социально устойчивое развитие и отражение его идей в концептуальных и институциональных основаниях государственной политики на Севере и в Арктике РФ..	56	Устинова К.А. Инновационное развитие территорий в оценках населения.....	125
Сковпень В.А. Минимальная заработная плата в арктических регионах России.....	62	Цукерман В.А. Подготовка и переподготовка управленческих кадров для инновационной индустриализации Севера и Арктики.....	129
Тимаков И.В. Место жилищной проблемы в миграционных установках населения северного приграничного региона.....	64		
Тихомирова В.В. Социальные инвестиции и их эффективность в северном регионе.....	68		
Тоичкина В.П. Тенденции изменения процесса младенческой смертности северных и арктических регионов РФ за 2007-2012гг. реализации государственной демографической политики.....	70		
Торопушина Е.Е. Муниципальная политика в сфере охраны здоровья северных стран: зарубежный опыт.....	74		
Торопушина Е.Е. Тенденции развития социальной инфраструктуры в регионах Арктики России.....	78		

Секция IV. Инновационное развитие экономики Арктики

Березиков С.А. Особенности инновационного развития российской Арктики.....	85
Гаджиев Ю.А., Шляхтина Н.В. Методологические подходы к оценке научно-инновационного потенциала региона.....	88
Горячевская Е.С., Цукерман В.А. Инновационное промышленное развитие экономики Севера и Арктики Российской Федерации.....	92
Дружинин П.В., Поташева О.В., Прокопьев Е.А. Климатические изменения и инновационные процессы в сельском хозяйстве на Севере.....	97
Жаров В.С. Проблемы формирования системы стратегического управления инновационным промышленным развитием экономики регионов Севера.....	99
Иванова М.В., Щеглова А.Н. Инновационное развитие Мурманской области: проблемы и перспективы.....	100
Куранов Ю.Ф. Структурные изменения в составе промыслового флота северного бассейна.....	103
Павлов К.В. Отраслевые и региональные особенности использования инвестиций и инноваций интенсивного типа в условиях Севера.....	107
Савоткин Н.А. Закон изменения среднесуточных температур.....	115
Сухарев М.В. Проблемы развития инновационной системы северного приграничного региона.....	117

III. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В АРКТИКЕ В XXI ВЕКЕ: НОВАЯ ПАРАДИГМА И НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (КСО): ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ*

**Башмакова Е.П., к.э.н., доц., уч. секретарь
Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН, г. Апатиты**

Тема корпоративной социальной ответственности (КСО), получившая особую популярность, начиная с 70-х годов предыдущего столетия, и в XXI веке, по-прежнему вызывает активный интерес, как в зарубежном, так и в российском научном пространстве.

Теоретические дискуссии по поводу КСО обусловлены, в том числе, отсутствием единого мнения в экономических и социальных науках по поводу необходимости, возможности и перспектив социальной ответственности бизнеса, что связано с различными идеологическими взглядами исследователей. В тоже время значительная часть бизнеса в своей реальной деятельности учитывает не только необходимость максимизации финансово-экономических результатов, но и социальные потребности того общества, в рамках которого осуществляется предпринимательская деятельность.

Роль государства в отношении к корпоративной социальной ответственности имеет значительные отличия в зависимости от страны, в которой действует бизнес. Наибольшее развитие регулирующих воздействий на КСО принадлежит странам Европы, входящим в Европейский Союз.

Активное государственное участие в развитии КСО во многом обусловлено особенностями европейской политической культуры и социализации, которые характеризуются высоким уровнем информированности общества, его активным участием и способностью формировать требования к корпоративному сектору, плюрализмом мнений, консенсусом в понимании базовых ценностей, открытой конкуренции политических платформ и так далее.

В европейских странах наблюдается эффективная работа многочисленных групп интересов, развивающих и продвигающих принципы устойчивого развития и КСО: некоммерческие организации (НКО), негосударственные (неправительственные) организации (НГО), профсоюзы, представительства различных международных организаций и так далее. Это позволяет интегрировать КСО в сферу публичной политики.

Наиболее законодательно проработанными в Европе являются два направления — социальная сфера и сфера охраны окружающей среды, большое внимание также уделяется правилам взаимодействия с местными сообществами, соблюдению прав потребителей, ответственному корпоративному управлению и, в последнее время, содействию развитию среднего и малого бизнеса.

Наиболее полные примеры политики национальных правительств в сфере КСО представляют Великобритания и Франция [1].

* Часть результатов получена в рамках выполнения проекта № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития» на 2012-2014 гг., грант целевого конкурса Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Россия в Арктике: история, современность, перспективы».

В Великобритании с 2000 года, введена должность министра по КСО. Это содействовало расширению деятельности Правительства в сфере КСО., в том числе: развитию финансовых механизмов и стимулов поощрения КСО, внедрению КСО в систему государственных закупок, созданию программы повышения прозрачности ряда отраслей экономики, расширению рамок корпоративной отчетности. Правительство разрабатывает стандарты вклада компаний в устойчивое развитие, стимулирует общественный диалог о КСО, используя авторитет политических лидеров, ресурсы интернета и законотворческую деятельность¹. Парламентом установлены налоговые льготы на инвестиции в социальную сферу, которые зависят от объема инвестированных средств и сокращают налог на доход инвесторов и корпоративные налоговые обязательства до 25% от объема инвестированных средств.

Во Франции развитие и регулирование КСО также выделилось в отдельное направление работы национальных и местных властей. Развитие и регулирование КСО происходит в рамках «Национальной стратегии устойчивого развития». Она была принята в 2003 году Правительством Франции на 5 лет и затем обновлена в 2006 году [2].

Главное направление стратегии — добровольное формирование обязательств бизнеса в сфере КСО через работу с отраслевыми объединениями работодателей по соблюдению обязательств для улучшения показателей выбросов углекислого газа, безопасности условий труда, управления энергией и потребления воды, управления отходами, доступа к инновациям и так далее.

Как способ продвижения идей устойчивого развития и КСО выделяются обращения первых лиц государства². На уровне публичной политики за распространение ответственного делового поведения отвечают Премьер-министр, Министерство экологии и устойчивого развития, Национальный совет по устойчивому развитию, Межведомственный делегат по устойчивому развитию и ряд других органов власти, в том числе на местах.

Для Франции, больше, чем для Великобритании, характерно активное законотворчество в вопросе КСО. Обращает на себя внимание закон 2001 года «О новом экономическом регулировании», — первый в ЕС в области корпоративного управления, определяющий обязательную и подробную корпоративную нефинансовую отчетность³. Важными методами, призванным воодушевить бизнес на развитие КСО, являются информационные проекты и стимулирующие меры⁴.

Крупный бизнес, в частности, ТНК, заинтересован в участии в общественно-политической жизни, прежде всего, ради поддержания выгодного для себя климата на рынке и сохранения конкурентоспособности. Европейские корпорации активно лоббируют свои интересы на уровне Евросоюза, воздействуя на национальные политические курсы. Корпорации составляют более половины из 3 тыс. групп интересов, оперирующих на уровне ЕС в Брюсселе. В свою очередь, гражданское общество и государство также заинтересованы в сотрудничестве с компаниями, поскольку имеют возможность возлагать часть своих традиционных функций, в том числе в социальной сфере, на частный бизнес.

¹ В законотворческой деятельности необходимо отметить новый закон Companies Act 2006 года. Он ввел регулярную отчетность — Business Review, требующую от компаний раскрытия общей информации по вопросам охраны окружающей среды, политики взаимоотношений с сотрудниками и взаимодействием с местным сообществом. Закон вступил в силу 1 октября 2008 года.

² В 2003 году президент страны Ж. Ширак лично призывал компании, присоединившиеся к Глобальному Договору ООН, организовать координационную сеть для представления страны на международной арене, обмена опытом и распространения принципов КСО.

³ Нужно отметить, что в данном законе санкции за не раскрытие информации не предусмотрены.

⁴ Предложенная правительством в 2004 году «Эмблема равенства». Эта эмблема является знаком отличия, разработанным в результате работы правительства со стейкхолдерами. Этот знак демонстрирует, что в отношении сотрудников, заказчиков и акционеров компания придерживается высших принципов равенства и многообразия. Право на присвоение эмблемы выдает специальный независимый орган AFAQ-AFNOR после консультаций со специальным комитетом.

Примеры Франции и Великобритании показывают возможности успешного развития КСО, так как при соблюдении множества условий практика КСО не только соответствует передовым международным подходам, но и становится в полной мере капиталобразующей.

В России взаимодействие государства и бизнеса, следовательно, и условия для развития КСО проходят этап формирования, который пока еще не привел к интеграции КСО и устойчивого развития в сферу публичной политики, как в ЕС.

На правительственном уровне и уровне Администрации Президента РФ пока нет официально оформленной политики в области КСО и УР. Проект государственной стратегии устойчивого развития России в последний раз рассматривался Правительством РФ в 1997 году. В отношении КСО все остается на уровне лозунга Президента РФ от 2004 года: «Российский бизнес должен быть социально ответственным!». Ничего похожего на национальные стратегии (рамочные политики) в областях КСО и УР, уже принятые во многих развитых и развивающихся странах, или Политики КСО в ЕС, в России нет. Пока что фактический подход государства – главное экономический рост, а его качество – вопрос, который даже не анализируется и не обсуждается⁵ [3].

Характерно, что за редким исключением, высказывания политических лидеров отталкиваются от «презюмции безответственности» бизнеса. Тон заявлений, как и сам политико-экономический курс, существенно не изменились до сих пор. Особенно это проявилось с наступлением международного финансового кризиса 2009-2011 гг.⁶

Практически не находят оценки многочисленные усилия крупных компаний, их существенный вклад в поддержку территорий присутствия, их позитивная роль в социальных изменениях. Явные позитивные сдвиги в данной сфере, как то разворот в сторону международных стандартов, системный подход к социальным инвестициям и их объемы, совокупные усилия бизнеса в развитии человеческого капитала, построении информационного общества, сохранении экологии регионов и так далее, пока не получают огласки на высоком политическом уровне. Это существенно отличается от ситуации в ЕС⁷.

Вместе с тем проведение политики стимулирования КСО — это, в первую очередь, признание той роли, которую бизнес играет в развитии страны, а также в создании условий для более эффективного добровольного вклада компаний в социальную, экономическую и экологическую сферы.

Федеральные власти имеют потенциал расширения своего участия в стимулировании КСО, однако формат будущих мер во многом зависит от тех закономерностей, которые сегодня определяют реализацию КСО на региональном уровне, поскольку российский бизнес осуществляет программы КСО, главным образом, в регионах присутствия. Именно региональная социальная политика компаний становится политикой в отношениях с местным сообществом и с региональной и местной властью.

На региональном уровне действия властей носят более выраженный характер, но в значительной степени ориентированы на привлечение бизнеса к решению социальных проблем, а

⁵ Поручения Президента Д.А. Медведева от 2011 года Правительству РФ, инициированные российскими НКО, в области повышения экологической прозрачности и отчетности, а также присоединения РФ к Орхусской конвенции Европейской Экономической Комиссии ООН «О доступе к информации, участию общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» (из стран СНГ только Россия и Узбекистан до сих пор не присоединились) так и остаются невыполненными, затерявшись в «болоте» межведомственных согласований.

⁶ Сохраняющееся отношение федеральных властей к КСО передает заместитель председателя Комитета Государственной Думы по собственности, член фракции «Единая Россия» Ю. Медведев: «Бизнес вообще вряд ли может чувствовать какую-либо ответственность перед обществом, поскольку ни бизнес, ни сама власть пока еще не подошли серьезно к теме социальной ответственности бизнеса. На мой взгляд, социальная ответственность бизнеса должна быть четко прописана в правилах его ведения».

⁷ В таких условиях ведения бизнеса можно констатировать, что зачастую компании развивают КСО не благодаря, а вопреки действиям государства.

не направлены на развитие КСО. При этом пока сохраняются неформальный и индивидуальный характер договоренностей представителей бизнеса и власти на региональном и местном уровнях. Региональные органы власти сами разрабатывают методы и способы сотрудничества с компаниями, в отдельных случаях добиваясь значительных успехов.

Особое значение сотрудничество регионов и местных сообществ с бизнесом имеет для северных и арктических территорий, которые, в силу своего экстремального природно-климатического положения и отсутствия четко выраженной северной/арктической государственной социальной политики, попадают в ситуацию заложников и зависимости от действия сырьевых компаний. Для таких территорий социальная политика компаний и реализация ими КСО является одним из важнейших факторов обеспечения достойного уровня социально-экономического и экологического развития регионов, местных сообществ, моногородов и территории в целом.

Как пример эффективного взаимодействия региональной власти с компаниями, практикующими КСО, можно привести сотрудничество правительства Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) с действующими на территории этого арктического региона ресурсными корпорациями.

Одним из наиболее действенных инструментов такого сотрудничества являются Соглашения, которые заключаются между компаниями, региональной и муниципальной властью. Таких соглашений в ЯНАО насчитывается более 200, причем соглашения распространяются и на коренные малочисленные народы Севера (КМНС), проживающие на территории ЯНАО.

Соглашения определяют объем и направления социально-ориентированного финансирования на среднесрочный период, планы совместного решения социально-экономических проблем региона, а также регулируют вопросы, связанные с функционированием производственных объектов компаний и экологическими аспектами. Кроме того, между Администрацией округа и компаниями подписываются дополнительные ежегодные соглашения, содержащие перечень социально-экономических проектов и мероприятий, которые будут реализованы в отчетном периоде на территории муниципальных образований ЯНАО.

По условиям соглашений финансируются общеобразовательные и дошкольные учреждения; проекты в поддержку детей, инвалидов, пожилых людей, укрепления семьи, приобретаются оборудование для дошкольных, школьных и медицинских учреждений, проводятся капитальные ремонты социальных объектов и строятся новые объекты, в том числе на факториях. Компания и местные администрации способствуют развитию самодеятельности и творчества детей и молодежи, детского и подросткового спорта.

В ЯНАО работают крупнейшие нефтегазовые компании России: Группа компаний Газпром, ОАО Лукойл, ОАО «Новатэк», французская фирма «Тоталь» и еще большое количество сервисных компаний, обслуживающих нефтегазовую отрасль⁸ [4]. Нефтегазовые компании в ЯНАО являются крупнейшими налогоплательщиками в местный и региональный бюджеты⁹, обеспечивают занятость значительной доли населения моногородов, городских поселений, территории в целом, финансируют широкий спектр объектов социальной инфраструктуры образования, здравоохранения, спорта, стимулируют активность населения, способствуя формированию гражданского общества.

⁸ Из выступления губернатора ЯНАО Кобылкина Д.Н. «... подписание соглашений о сотрудничестве с крупными нефтегазовыми компаниями, которые не только обеспечивают значительную часть поступлений в бюджет округа, но и принимают активное участие в социальных программах. От имени поколения первопроходцев, Правительства округа и жителей Ямала хочу выразить слова благодарности Алексею Борисовичу Миллеру, всему Газпрому за участие в судьбе ямальцев. С Газпромом мы запустили несколько серьезных инфраструктурных проектов, компания - постоянный участник благотворительных и социальных акций...».

⁹ Компании Группы Газпром направили в бюджет ЯНАО в 2009 г. более 28 млрд. руб., в 2013 – 45 млрд. руб., к 2016 г. планируют – более 70 млрд. руб.

Возрастающее значение Арктики и ЯНАО как одной из развивающихся арктических территорий России требует нахождения сбалансированного решения важнейших экономических задач, связанных с освоением природных богатств территории, и социальных проблем повышения качества жизни населения. Благодаря реализации КСО и социально-экономических проектов арктических компаний развиваются экономическая, транспортная и социальная инфраструктура, формируются новые пространственные ареалы и точки развития (города, поселки и т.д.), новая система расселения. Трехстороннее сотрудничество власти, бизнеса и общества способствует формированию бесконфликтной среды и создает условия для социально-экономического партнерства, которое является единственной формой сосуществования всех акторов на арктических территориях.

Вся социальная политика нефтегазовых компаний на арктических территориях, включая КСО, осуществляется на добровольной основе, практически не поощряется на федеральном уровне, то есть реальная практика КСО на региональном уровне опережает деятельность правительства в сфере развития КСО в России. В то же время развитие КСО, на основе формирования специальных структур в системе государственной исполнительной власти для продвижения идеологии устойчивого развития и КСО, может содействовать долгосрочному устойчивому развитию регионов и страны в целом. Методы, направленные на развитие КСО не требуют существенных бюджетных затрат, но активизируют необходимое для полноценного развития устойчивого развития и КСО участие представителей развивающегося гражданского общества.

Литература

1. Яровой А.И. Влияние институтов власти на развитие корпоративной социальной ответственности в России и Европейском Союзе. [Эл. ресурс]: URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/05/18/1214035417/Yarovoj_Vliyanie_institutov_vlasti_RF_ES.pdf
2. Французская политика по корпоративной социальной ответственности и устойчивому развитию. [Эл. ресурс]: URL: <http://www.institutmontaigne.org/charte-de-la-diversite-dans-l-entreprise-2050.html>
3. Экспертные предложения по основным направлениям государственной политики стимулирования и поддержки КСО и УР бизнеса. Эксперт Алексей Костин, к.э.н., исполнительный директор НП «КСО – Русский Центр» Москва, 23.10.2013 г. [Эл. ресурс]: URL: <https://www.google.ru/#newwindow=1&q=>
4. Национальный регистр корпоративных нефинансовых отчетов РСНП. - [Эл. ресурс]. URL: <http://archive.rspp.ru/Default.aspx?CatalogId=2220>

КОМПЕНСИРУЮЩИЕ РАЗЛИЧИЯ И СЕВЕРНЫЙ РЫНОК ТРУДА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Белевских Т.В., к.э.н., доцент кафедры технологии и сервиса

ФГБОУ ВПО «Мурманский государственный гуманитарный университет», г. Мурманск

Рынок труда северных территорий представляет собой сложное социально-экономическое явление, где особо дискомфортные условия проживания и трудовой деятельности оказывают серьезное влияние на поведение основных участников рынка труда (наемный работник, фирма и государство) [2]. В разрезе исследуемой проблемы территориальное сегментирование национального рынка труда осуществляется, главным образом, не физико-географическими характеристиками, а наличием особого фактора - дискомфортом проживания человека. Наиболее очевидный результат влияния дискомфорта для всех участников рынка – повышение цены труда (заработной платы) на Севере.

Российская экономическая наука накопила значительный объем научных работ по проблеме влияния дискомфорта на увеличение цены труда на Севере. Следует заметить, что эта проблема поднималась еще советскими экономистами. Основные точки исследования проблемы – это наличие влияния (не влияния) дискомфорта, сущность влияния, степень и размеры влияния в денежном эквиваленте, тенденции влияния (не влияния).

Одним из подходов, объясняющих сущность дифференциации заработной платы работников национальной экономики, выступает теория компенсирующих различий. В основе этой теории находится предположение о том, что работник стремится максимизировать свою полезность, выбирая рабочее место. При выборе рабочего места будут учитываться не только денежные, но и «неденежные» аспекты деятельности (позитивные и негативные), по отношению к которым у наемного работника есть предпочтения [5]. При одинаковом уровне оплаты труда работник будет выбирать такое рабочее место, где «неденежные» параметры (безопасность труда, условия труда, престижность профессии, организации, региона) по его мнению будут лучше. Если же рабочее место или параметры трудовой деятельности не соответствует субъективным предпочтениям работника, то работодатель с целью привлечения рабочей силы будет вынужден повышать ставки оплаты труда [4]. Работник, выбирая такое рабочее место, может претендовать на компенсирующие выплаты, которые носят упреждающий характер.

Возникает вопрос - насколько применима теория компенсирующих различий в объяснении влияния северного фактора на территориальную дифференциацию заработной платы в России?

Действительно, трудовая деятельность на Севере для наемного работника должна принести повышенный доход (увеличение заработной платы) в счет компенсации дискомфортных условий проживания и труда. Однако важно отметить, что для практической реализации теории компенсирующих различий необходима некоторая степень ограниченности трудовой мобильности рабочей силы между отдельными сегментами рынка труда. Вместе с тем, в экономической теории труд как фактор производства в территориальном разрезе исследования проблемы выступает одним из самых мобильных факторов. Т.е. наемный работник отслеживает информацию по наиболее привлекательным территориальным сегментам национального рынка труда (возможно и международного) и стремится обеспечить занятость в условиях повышения ставок заработной платы на отдельных привлекательных региональных сегментах. Но, как результат, движение фактора должно приводить к росту степени конкурентности рынка и, как следствие, выравнивать ставки заработной платы. Поэтому «территориальная» компенсация носит временный характер, и продолжительность ее получения определяется степенью мобильности рабочей силы в рамках национальной экономики. Однако российский рынок труда характеризуется слабой трудовой территориальной мобильностью, поэтому данное ограничение теории в российской практике соблюдается.

Применительно к рынку труда северных территорий теория компенсирующих различий означает, что повышение ставки заработной платы призвано обеспечить внимание наемного работника к занятости на территориях, несмотря на неблагоприятные условия проживания. Наемный работник выбирает занятость между территориями благоприятными по условиям проживания и дискомфортными в рамках национального (международного) рынка труда, и главным решающим фактором в данном случае выступает заработная плата (повышение заработной платы за счет формирования территориальной премии в счет компенсации особых условий проживания и трудовой деятельности).

Северная территориальная премия в данном случае включает в себя денежную компенсацию следующих элементов [1]:

- компенсация повышенных затрат по воспроизводству рабочей силы на Севере;
- формирование потенциального спроса на товары и услуги других территориальных рынков (текущий и стратегический);
- компенсация потенциальных рисков, связанных с проживанием на Севере;
- плата за переход к другим территориальным сегментам национального рынка труда;

- выполнение геоэкономической и геополитической функций жителями северных территорий.

Однако, применение теории компенсирующих различий к условиям российской экономики и северному рынку труда России имеет ряд ограничений. Российская экономика демонстрирует уникальный опыт одновременного влияния и не влияния северного фактора в объяснении причин межрегиональной дифференциации заработной платы работников. Выше перечислены объективные условия влияния фактора «северности» в объяснении увеличения заработной платы для наемного работника северного рынка труда. Однако, российская практика показывает и обратные тенденции – не влияние северного фактора. Можно назвать следующие объективные причины к снижению фактора «северности» в реализации территориальной дифференциации заработной платы работников Крайнего Севера и территорий, приравненных к ним [1]:

- территория Севера уже освоена и характеризуется развитой социальной инфраструктурой;
- численность населения северных территорий достаточная, что соответствует запросам работодателя;
- развитие технологий проживания и трудовой деятельности на Севере, снижающие издержки ведения экономической деятельности на Севере;
- отсутствие условий к свободному перемещению трудовых ресурсов на территории России.

Кроме того, на территории России выделяется группа несеверных регионов, где отмечается повышение уровня заработной платы. Да и в целом, можно отметить, что теория компенсирующих различий связана с субъективными оценками наемного работника, которые могут отличаться от объективных характеристик занятости на определенной территории. Россия – большая страна, где представлены различные природно-климатические условия, регионы различаются по внутренней структуре занятости населения, имеют разную стоимость воспроизводства рабочей силы, дифференцированы по развитию социальной инфраструктуры и удаленности от центра. Поэтому можно определить следующие проблемы применения теории компенсирующих различий применительно к российской практике:

1. Существуют внутренние территориальные особенности занятости, что затрудняет сравнительный анализ по работникам одной профессионально-квалификационной группе разных региональных сегментов национального рынка труда;

2. Регионы России имеют особенности в структуре и цене потребительской корзины, что определяет необходимость анализа показателей не только номинальной, но и реальной заработной платы работников различных территорий;

3. В повышении заработной платы на Севере участвует не только спрос и предложение, но и особое территориальной государственное регулирование заработной платы;

4. Отсутствует активная трудовая мобильность на территории России;

5. Отсутствует единая информационная база по российскому национальному рынку о возможностях и условиях занятости в отдельных регионах страны.

В заключении необходимо отметить, что проблема дифференциации доходов населения, в целом, и заработной платы, в частности, выступает актуальной и сложной социально-экономической проблемой для всех стран. Теория компенсирующих различий, которая сейчас активно применяется экономистами в анализе дифференциации заработной платы, практически не применима к российской экономике, которая имеет в большей степени объективные условия к территориальной дифференциации оплаты труда работников разных региональных рынков, чем субъективные ожидания отдельных участников рынка.

Система территориального регулирования заработной платы, созданная советской экономикой, требует реформирования на предмет определения целевых установок ее реализации, практики применения повышающих коэффициентов, определения льгот и гарантий для граждан на уровне государства. Но ключевой проблемой выступает выбор научно-методической базы, которая выступит основой построения новой системы регионального регулирования заработной платы, применимой к рыночным условиям.

Литература

1. Акулов, В.Б., Белевских, Т.В. О территориальной дифференциации заработной платы [Текст] / В.Б. Акулов, Т.В. Белевских // Проблемы развития территории. - № 6 (68). – Вологда: Изд-во ИСЭРТ РАН, 2013. – С.57-65
2. Белевских, Т.В. Понятие рынка труда северных территорий [Текст] / Т.В. Белевских // Вестник Костромского Государственного Университета им. Н.А. Некрасова: научно-методический журнал. Основной выпуск №11. – Издательство КГУ, 2006 – С. 32-35
3. Белоконная, Л.А. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация [Текст]: монография / Л.А. Белоконная / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой. – 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2008. – 571 с.
4. Гальперин, В.М., Игнатъев, С.М., Моргунов, В.И. Микроэкономика // В 2-х томах. Институт "Экономическая школа", Санкт-Петербург, 2004. / [Электронный ресурс]: http://www.economicus_Ru - Микроэкономика (Учебник) - 13_1_ Предложение труда.mht (Дата обращения 09.01.14)
5. Ощепков, А.Ю. Межрегиональные различия в заработной плате в России Межрегиональные различия в заработной плате в России [Электронный ресурс]: http://www.pandia_ru.mht (Дата обращения 25.01.14)
6. Экономические теории о природе компенсаций [Электронный ресурс]: <http://www.экономические теории о природе компенсаций> - разработка и реализация компенсационной политики организации - монографии - российская академия естествознания.mht (Дата обращения 30.01.14)

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ИНТЕРЕСЫ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)*

Виноградова С.Н., к.э.н., ученый секретарь

Центр гуманитарных проблем Кольского НЦ РАН, г. Апатиты

Одним из глобальных трендов современного развития Севера и Арктики является процесс усиливающейся урбанизации, в который все активней вовлекаются и представители коренных народов. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. доля городских жителей среди представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ составила около 35% [1].

Мурманская область является одним из наиболее индустриально развитых и урбанизированных районов российского Севера, и, как следствие, доля городского населения среди коренных жителей здесь достаточно значительна, а их проблемы имеют особую чувствительность. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г. 41% кольских саами проживает в городах региона (табл. 1). При этом анализ общей ситуации в регионе показывает, что в реальной жизни этот показатель еще выше, т.к. существует тенденция переезда коренного населения в города без оформления официальной регистрации своего статуса городского жителя. В эту категорию попадают представители молодого поколения, переезжающие для учебы, а также наиболее активные представители коренного сообщества (традиционно преимущественно женщины), выбирающие более комфортные условия жизни для себя и своих детей.

В рамках существующего в настоящее время законодательства РФ, особая политика в отношении коренных малочисленных народов Севера осуществляется лишь на отдельных территориях – так называемых местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной

* Работа выполнена при поддержке Правительства Мурманской области и РГНФ по результатам совместного регионального конкурса «Русский Север: история, современность, перспективы», проект № 13-12-51010 «Коренные народы и устойчивое развитие местных сообществ Севера и Арктики РФ».

деятельности коренных малочисленных народов РФ, перечень которых утверждается Правительством РФ [2]. Для российских саами такими территориями являются лишь 4 муниципальных района Мурманской области: Ловозерский, Кольский, Ковдорский и Терский районы [3]. Таким образом, проживающие в городах представители коренных малочисленных народов Севера лишены возможности пользоваться основными льготами, в том числе не могут создавать родовые общины, получать квоты на вылов рыбы, предусмотренные в регионе для этой категории граждан, и т.д. В таких условиях для представителей коренного населения сохранение статуса жителя территорий традиционного проживания становится выгодным, т.к. дает дополнительные возможности по реализации их интересов и прямые экономические преимущества.

Большинство городского саамского населения (21%) проживает в г. Мурманск (табл. 1). Мотивация переезда в областной центр представляется достаточно очевидной: здесь больше возможностей для обучения, сосредоточены органы регионального управления и формируются этнические политические элиты. Положение коренного населения в других городах представляется своего рода белым пятном на этнической карте региона.

В данной работе представлены результаты исследования, проведенного в одном из промышленных центров Кольского полуострова – районе, включающем города Кировск и Апатиты. Исторически данная территория относилась к угодьям одного из традиционных саамских погостов, а именно – Екостровского [4]. В 1930-е гг. здесь начинается интенсивное промышленное освоение Хибинских горнорудных месторождений. На первом этапе разработок местное саамское население активно привлекалась к работам в качестве проводников, информаторов и для транспортировки грузов с использованием оленьих упряжек [5]. В дальнейшем, в ходе коллективизации и перевода саами на оседлость, Екостровский погост был ликвидирован, а его жители расселились по различным населенным пунктам Кольского полуострова [6].

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в г. Апатиты проживает 53 человека из числа саами [7], что составляет 4% от общей численности кольских саами и 10% от численности городского саамского населения Мурманской области. В г. Кировске проживает 13 человек из числа саами [7].

Таблица 1

Динамика общей численности кольских саами, городского саамского населения и саами, проживающих в городах Апатиты и Кировск [7,9,10]

	2002 г.	2010 г.
Общая численность саами МО, чел.	1769	1599
Городское саамское население МО, чел.	680	652
Доля городского населения среди саами, %	38	41
Численность саами в г. Мурманск	142	139
Доля мурманских саами среди городского саамского населения МО, %	21	21
Численность саами в г. Апатиты, чел.	73	53
Доля апатитских саами среди городского саамского населения МО, %	11	8
Численность саами в г. Кировск, чел.	17	13
Доля кировских саами среди городского саамского населения МО, %	2,5	2

Отсутствие официальной статистической информации, отражающей ситуацию в отношении представителей коренного населения Мурманской области на муниципальном уровне, не позволяет дать оценку современного социально-экономического положения данной группы населения статистическими методами. Представленный в данной работе анализ основан на данных, полученных в результате экспертных опросов, проведенных автором среди руководителей саамских организаций.

Выявлено, что в настоящее время современное саамское сообщество городов Кировск и Апатиты, лишь частично сформировано потомками Екостровских саами. Однако в целом, несмотря на слабую историческую преемственность и городской образ жизни они демонстрируют сохранение своей этнической идентичности. В целях реализации этнокультурных интересов данной группой саами создана общественная организация «Апатитская местная национально-культурная автономия коренного малочисленного народа саами» [8], которая интегрирована в общерегиональные саамские процессы. Например, председатель данной организации Н. Гаврилова на XX международной саамской конференции была избрана одним из членов от России в новый состав международной общественной организации «Союз саами», объединяющей представителей саамского народа из всех стран, где они проживают. Характерно, что Апатитская саамская национально-культурная автономия объединяет саами не только г. Апатиты, но и г. Кировска. В г. Апатиты работают курсы саамского языка.

Установлено, что в круг этно-экономических интересов саами, проживающих в городах Кировск и Апатиты, входит занятие традиционным рукоделием, развитие этно-туристических проектов, возможность развития традиционных хозяйственных практик. Однако реализация этих интересов для данной группы населения затруднена. Городские территории Мурманской области, в том числе и рассматриваемые города, в Перечень мест традиционного проживания и традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока не включены. На практике это означает, что городские саами могут осуществлять свои проекты (например, организовать туристическое предприятие) лишь на общих основаниях с остальным населением. Кроме того, они не могут пользоваться дополнительными возможностями, например, организовать общину для занятий традиционными видами хозяйственной деятельности.

Основные этнополитические интересы саами городов Апатиты и Кировск направлены на получение возможности по реализации прав коренных малочисленных народов в полном объеме на всей территории Мурманской области. Это позволило бы городским саами развивать традиционные виды хозяйственной деятельности, получать льготы, предусмотренные в регионе для КМНС и позиционировать себя в качестве представителей коренного народа на муниципальном уровне.

С точки зрения взаимоотношений коренного населения и хозяйствующих субъектов, ситуация в рассматриваемом районе, который является одним из промышленных центров региона, представляется типичной для России. В целом в настоящее время признается необходимость учитывать интересы местных сообществ, в том числе и коренных народов, в рамках крупных ресурсодобывающих проектов. Однако на практике это сводится к оценке (с возможной компенсацией) прямого ущерба, наносимого коренным народам в процессе промышленного освоения их территорий, например при отчуждении традиционных пастбищных угодий. При этом подобные оценки, согласно существующему законодательству, не являются обязательными и проводятся, как правило, в случае неизбежных конфликтов на этапе проектирования. В моногородах взаимоотношения градообразующих предприятий и коренного населения, проживающего здесь и не имеющего законодательных оснований для реализации своих прав (в рамках общепризнанных мировым сообществом принципов и норм), могут складываться исключительно на принципах волонтаризма. Например, в 2012 г. Апатитская местная национально-культурная автономия коренного малочисленного народа саами получила финансовую поддержку от компании «Апатит» на проведение саамского праздника в рамках празднования международного Дня коренных народов. Однако это была поддержка не столько коренного населения и их интересов, сколько городского культурного мероприятия. Характерно, что ожидания саами, проживающих в городах Апатиты и Кировск, в отношении реализации своих интересов не связаны с горнорудными предприятиями, которые расположены в данном районе, а ориентированы на взаимодействие с региональными и местными властями.

Литература

1. Результаты Всероссийской Переписи населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство./ [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
2. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», ч.1 ст.3. Правовая система «Гарант»./ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/180406>
3. Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. №631-р об утверждении Перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и Перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ. Правовая система «Гарант». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/195535>
4. Ушаков И.Ф. Избранные произведения – Мурманск, 1997. Т.1., с. 213
5. Александр Евгеньевич Ферсман. Жизнь и деятельность. М.: Наука, 1965
6. Киселев А.А., Киселева Т.А. Советские саамы: история, экономика, культура – Мурманск: Кн. Изд-во, 1987, с.30
7. Коренные малочисленные народы Севера в Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года – Мурманск: Мурманскстат, 2007
8. Мурманская область. Официальный портал./ [Электронный ресурс]: URL: <http://gov-murman.ru/natpers/orgz>
9. Коренные малочисленные народы Севера в Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – Мурманск: Мурманскстат, 2007
10. Численность саамы по возрастным группам и полу по Муниципальным образованиям Мурманской области (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.) – Мурманск: Мурманскстат, 2013 г.

К ВОПРОСУ ОБ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫМИ УСЛУГАМИ ЖИТЕЛЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ ГОРОДОВ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА 2008, 2013 гг.)*

Гущина И.А., к.э.н., доцент, зав. сектором,

Довиденко А.В., н.с.

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН, г. Апатиты

Государственная политика устойчивого развития Севера и Арктики предполагает совершенствование системы государственного управления социально-экономическим развитием Севера и Арктической зоны РФ, а также улучшение качества жизни населения и обеспечение социальных условий хозяйственной деятельности Севера и Арктики РФ.

В этой связи особую значимость приобретают исследования тех аспектов социальной сферы, которые затрагивают жизнедеятельность населения проживающего в данном регионе. Большую роль в изучении происходящих изменений имеют мнения и оценки жителей регионов Севера и Арктики, которые вынуждены приспосабливаться к сложным условиям осуществления как трудовой, так и социальной деятельности.

Изучение методами социологической науки специфики организации социальной жизни в монопрофильных городах и городах с диверсифицированной экономической деятельностью неоднократно становилось предметом наших исследований. В отношении Мурманской области было выявлено, что последовательность проблем формируется в зависимости от силы воздействия внешних и внутренних (местных) факторов, специфических для данного города. Для моногородов

* Часть результатов получена в рамках выполнения проекта № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития» на 2012-2014 гг., грант целевого конкурса Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Россия в Арктике: история, современность, перспективы».

это проблемы трудоустройства, материального благополучия, для городов с диверсифицированной экономикой – проблемы развития социальной инфраструктуры [1]. В основу анализа был включен ряд вопросов по удовлетворенности населения деятельностью государственной и местной власти, ситуацией в экономике, работой сферы обслуживания и развитостью социальной инфраструктуры. Кроме того, респондентам предлагался блок вопросов для оценки социального самочувствия, выявлялись миграционные настроения и ориентиры на перспективу.

В данном исследовании акцент сделан на удовлетворенности населения качеством и разнообразием необходимых услуг социальной сферы, в наибольшей степени востребуемых населением. В качестве модельных объектов определены города Апатиты – как город с диверсифицированной экономикой, и Оленегорск – как монопрофильное поселение. Сопоставление городов по каждому рассматриваемому аспекту проиллюстрировано аналогичным показателем по Мурманской области для понимания общей ситуации.

В основе параметров сопоставления – изменение оценок удовлетворенности услугами социальной сферы за период с 2008 г. по 2013 г. Именно в 2008 г., в ходе социологического мониторинга, проводимого в Мурманской области, нами была исследована степень удовлетворенности населения качеством оказываемых услуг в сферах здравоохранения, дошкольного и школьного образования, культурно-досуговой и жилищно-коммунального хозяйства [2]. Кроме того, 2008 год определен как начало экономического кризиса в мире и России. Такой подход позволяет представить динамику произошедших изменений за пятилетний период, который отличался активной деятельностью по реформированию отраслей социальной сферы в условиях нестабильности экономической ситуации. Оптимизация сфер социальной инфраструктуры ориентирована, в первую очередь, на повышение эффективности ее функционирования при сокращении нерациональных финансовых и иных ресурсных затрат. При этом зачастую не учитываются потребности и запросы населения, что приводит, в конечном итоге, к снижению доступности и качества ряда услуг учреждений социальной сферы. Специфика организации жизнедеятельности в северных регионах (климатические условия, полярные день и ночь и т.д.) усугубляет проявления неэффективного реформирования, что негативно сказывается на социальном самочувствии, настроении северян и их здоровье.

Показатели обеспеченности врачами, средним медицинским персоналом, мощностью врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений, а также больничными койками круглосуточных стационаров выглядит следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

Обеспеченность медицинским персоналом в городах Апатиты и Оленегорск в 2008 и 2013 (человек) [3]

	Апатиты	Оленегорск	Мурманская область
Численность врачей всей специальностей на начало года, на 10000 человек населения			
2008	48,7	27,9	49,2
2013	67,0	30,5	56,6
Численность среднего медицинского персонала на начало года, на 10000 человек населения			
2008	229,8	103,0	135,1
2013	292,2	109,4	151,5
Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на начало года, на 10000 человек населения, посещений в смену			
2008	285,6	180,8	262,6
2013	514,3	180,2	298,2
Численность больничных коек круглосуточных стационаров на начало года, на 10000 человек населения, единиц			
2008	83,6	72,3	111,8
2013	112,1	58,3	117,9

Согласно статистике, формальные показатели, характеризующие уровень обеспечения населения услугами здравоохранения в Апатитах в 2013 г. значительно выше, чем в 2008 г. и чем в Оленегорске. Однако здесь присутствует значительная доля лукавства: объединение в 2013 г. больниц городов Кировск и Апатиты в единое медицинское учреждение – Апатитско-Кировскую центральную городскую больницу привело к тому, что, наоборот, многие виды медицинской помощи для жителей г. Апатиты стали труднодоступны, поскольку основная лечебная база сконцентрирована в Кировске. Нарекания на это, с описанием множества критических обстоятельств, регулярно появляются в городских газетах. При этом и городские, и областные власти полагают, что так называемая «оптимизация» в данном случае себя оправдала.

Реальную ситуацию по удовлетворенности предоставляемой медицинской помощи отражают мнения горожан указанных городов, приведенные в таблице 2:

Таблица 2

Оценки удовлетворенности населения городов Апатиты и Оленегорск доступностью и разнообразием медицинской помощи в 2008 и 2013 гг., %.

	Апатиты		Оленегорск		Мурманская область	
	2008	2013	2008	2013	2008	2013
Полностью удовлетворен	6,8	-	2,7	8,6	4,6	2,5
В основном удовлетворен	17,8	11,0	12,2	12,3	21,8	14,0
Удовлетворен частично	27,4	30,5	29,7	27,2	38,1	29,2
В основном не удовлетворен	31,5	26,8	39,2	27,2	25,2	27,5
Полностью не удовлетворен	16,4	31,7	16,1	24,7	10,5	26,7

К 2013 г. в распределении ответов респондентов по г. Апатиты исчезла такая оценка, как «полностью удовлетворен», сумма оценок неполной удовлетворенности (2, 3, и 4 варианты) незначительно сократилась, при перераспределении весомой доли оценок в категорию негативных. В противовес этому, в Оленегорске за период с 2008 по 2013 годы оценки доступности и разнообразия медицинской помощи существенно возросли. В обоих городах и в Мурманской области в целом уровень негативных оценок «полностью не удовлетворен» к 2013 г. стал существенно выше, причем в г. Апатиты зафиксирован наибольший показатель - 31,7%.

Статистика не отражает реальный уровень качества предлагаемых услуг, в то время как социологическая информация позволяет оценить восприятие респондентами качества той или иной услуги. Здесь присутствуют те же тенденции, что и в оценках доступности и разнообразия: к 2013 г. в Апатитах наблюдается более существенный рост негативных мнений, нежели в Оленегорске. По варианту «полностью не удовлетворен» показательно общее мнение жителей Апатитов: к таковым себя отнесли практически 40%. Стоит заметить, что и в Оленегорске (16,2%), и в Мурманске (28,5%) доли ответов по этому варианту также возросли. Таким образом, при благоприятной картине, в рамках официальной статистики, важнейший аспект сферы социальных услуг - здравоохранение, предстает как весьма неблагоприятный в оценках и мнениях северян.

Сфера образования включает все его уровни, начиная с дошкольного. В Мурманской области, согласно официальным данным, нехватка мест в детских дошкольных учреждениях составляет немногим более тысячи (1200 ед.) [4] и острее всего эта проблема ощущается закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО). В то же время, к 2013 ситуация с обеспеченностью местами в г. Оленегорске улучшилась и значительно превысила этот показатель как по г. Апатиты, так и средний по Мурманской области. В Апатитах, напротив, обеспеченность местами резко сократилась, и на начало 2013 г очередь для устройства детей в детский сады составила 43 недостающих места.

Сложившаяся ситуация коррелирует с оценками удовлетворенности качеством дошкольного образования: мнения жителей Оленегорска к 2013 г. стали более лояльными, по

сравнению с 2008 г. (табл. 3). В Апатитах доля тех, кто недоволен дошкольным образованием более чем в два раза выше, чем в Оленегорске и соответствует среднеобластным показателям.

Таблица 3

Оценки удовлетворенности качеством дошкольного образования в городах Апатиты и Оленегорск в 2008 и 2013 годах, %

	Апатиты		Оленегорск		Мурманская область	
	2008	2013	2008	2013	2008	2013
Полностью удовлетворен	25,0	25,7	23,5	30,0	31,3	30,3
В основном удовлетворен	25,0	42,9	52,9	40,0	43,8	36,1
Удовлетворен частично	41,7	17,1	11,8	25,0	16,0	19,7
В основном не удовлетворен	-	11,4	5,9	5,0	4,2	9,8
Полностью не удовлетворен	8,3	2,9	5,9	-	4,9	4,1

На протяжении многих лет организация обучения в рамках уровня школьного образования в Мурманской области отличалась стабильностью и достаточно высокой рейтинговой позицией среди других регионов России. Сложность демографической ситуации, пребывание в процессах перманентного, не всегда удачного реформирования, нехватка высокопрофессиональных учителей, не лучшим образом отразились на положении дел в этой сфере. Тем не менее, мнения населения о качестве школьного образования в Мурманской области в течение всех лет проведения мониторинга весьма положительны и составляют в сумме вариантов 70-80% одобрения. Аналогичны показатели и по рассматриваемым городам, при некотором вариативном перемещении (табл. 4). Стоит отметить, что преобладание двух первых вариантов «полностью удовлетворен» и «в основном удовлетворен», указывающие на более высокую степень удовлетворения качеством образования, приходится на г. Апатиты.

Таблица 4

Оценки удовлетворенности качеством школьного образования в городах Апатиты и Оленегорск в 2008 и 2013 годах, %

	Апатиты		Оленегорск		Мурманская область	
	2008	2013	2008	2013	2008	2013
Полностью удовлетворен	21,4	20,5	11,8	26,5	15,1	15,9
В основном удовлетворен	28,6	47,7	23,5	27,9	45,8	41,4
Удовлетворен частично	28,6	13,6	47,1	21,6	26,8	25,5
В основном не удовлетворен	-	11,4	17,6	12,0	9,5	10,2
Полностью не удовлетворен	21,4	6,8	-	12,0	2,8	7,0

Культурно-досуговая сфера социальной инфраструктуры призвана обеспечить комфортное проведение свободного времени населения. По статистическим данным за период с 2008 по 2013 год произошло некоторое сокращение, как числа учреждений культуры (20 ед.), так и проводимых мероприятий, чему основной причиной стало закрытие учреждений культуры Министерства обороны РФ. В целом, оценки удовлетворенности разнообразием услуг культуры и досуга по городам достаточно близки, кроме того, заметны позитивные изменения в каждом городе (табл. 5).

Жилищно-коммунальному хозяйству (ЖКХ) отводится определяющая роль в формировании цивилизованной среды обитания человека. Несмотря на уверения властей об ужесточении правил и контроля за деятельностью структур, в нее входящих, отмечен постоянный рост негативных мнений населения, жестко критикующих организацию и качество работы по обеспечению условий нормальной жизнедеятельности, при необоснованном росте оплаты услуг. В своих оценках жители проявили практически полное единодушие: неудовлетворительно оценили в 2013 г. работу сферы ЖКХ 55,6% населения г. Апатиты, 54,9% населения г. Оленегорска, и 53,9% в целом по Мурманской области. Приведенная социологическая информация позволяет сделать вывод о недостаточности и слабости рычагов государственного регулирования и воздействия по исправлению наболевшей ситуации.

Оценки удовлетворенности разнообразием услуг культуры и досуга в городах Апатиты и Оленегорск в 2008 и 2013 годах, %

	Апатиты		Оленегорск		Мурманская область	
	2008	2013	2008	2013	2008	2013
Полностью удовлетворен	2,7	18,1	5,4	21,6	8,5	13,2
В основном удовлетворен	17,8	27,7	18,9	31,1	22,3	23,1
Удовлетворен частично	38,4	33,7	14,9	20,3	35,8	29,3
В основном не удовлетворен	17,8	10,8	32,4	14,9	21,3	18,6
Полностью не удовлетворен	23,3	9,6	28,4	12,2	12,0	15,9

Таким образом, выполненный анализ степени удовлетворенности социальными услугами жителей городов с различными характеристиками организации экономической деятельности позволил заключить, что наиболее значительные расхождения в оценках зафиксированы по удовлетворенности услугами в сферах здравоохранения и дошкольного образования: в городе с диверсифицированной экономикой (Апатиты) и эти показатели значительно ниже. В то же время, общность позиций населения гг. Апатиты и Оленегорск прослеживается в отношении удовлетворенности качеством школьного образования и резко негативных мнениях по качеству услуг ЖКХ.

Литература

1. Гущина И.А., Довиденко А.В. Некоторые аспекты социальной жизни в малых городах Материалы конференции // Север и рынок: формирование экономического порядка.-№2 (28). – 2011. - С.80-83
2. Договор на выполнение НИР «Социокультурная стратификация и мобильность населения Мурманской области» с ИСЭРТ РАН № 16 от 20.04. 2103 г.
3. Электронные версии статсборников Мурманскстата./ [Электронный ресурс]: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/sphere/
4. Ковшира И.А. «О ходе реализации мероприятий «дорожной карты» «Изменения в отраслях социальной сферы Мурманской области, направленные на повышение эффективности образования и науки», доклад на коллегии Министерства образования и науки Мурманской области 31.10.2013./ [Электронный ресурс]: <http://minobr.gov-murman.ru/news/performances/>
5. Анализ обеспеченности дошкольными образовательными учреждениями в разрезе муниципальных образований Мурманской области и среднегодовых затрат на содержание 1 воспитанника ДОУ./ [Электронный ресурс]: <http://minec.gov-murman.ru/permalink/9b86cc75-afcb-11e1-a857-000c290d5291.pdf>

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ САМОЧУВСТВИИ НАСЕЛЕНИЯ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)*

Гущина И.А., к.э.н., доцент, зав. сектором,

Положенцева О.А., м.н.с.

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН, г. Апатиты

Социальное самочувствие является важным показателем, отражающим уровень удовлетворения социальных потребностей и позиционирование индивида в отношении с другими людьми и социальными группами. Основаниями того социально-психологического состояния,

* Часть результатов получена в рамках выполнения проекта № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития» на 2012-2014 гг., грант целевого конкурса Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Россия в Арктике: история, современность, перспективы».

которое понимается как социальное самочувствие, являются защищённость от опасностей, удовлетворённость жизнью, социальный оптимизм, уверенность в будущем, сравнение уровня жизни с предыдущим периодом, ожидания на ближайшую перспективу.

Так как это понятие характеризует объективно-субъективные показатели состояния индивида в социальной среде, то весьма актуальным становится изучение локально-территориальных, региональных индикаторов этого состояния [1].

Социальное самочувствие, с одной стороны, "обеспечивается" самим индивидом (группой, населением в целом), с другой стороны - властью, которая "задает" (определяет) параметры экономических, социальных, политических процессов в стране и регионе. Анализ социального самочувствия является важным и актуальным, поскольку его уровень может выступать показателем результативности проводимой социальной политики [2]. Отсюда следует, что преобладание у большей части населения негативных аспектов в социальном самочувствии является сигналом для оценки текущей социальной ситуации, эффективности процессов управления.

В рамках проводимого нами с 2002 г. социологического мониторинга, ориентированного на исследование различных аспектов социальной жизни северян, накоплен значительный эмпирический материал, позволяющий оценить динамику состояния социального самочувствия.

Изучение мнений о существующих опасностях позволяют выявить такой фактор социального самочувствия как уровень социальной защищенности от них (табл.1). Значительная часть жителей Мурманской области (сумма 4 и 5 вариантов) чувствуют себя незащищенными от таких негативных явлений, как преступность (60,6%) и произвол чиновников (60,3%). Далее следуют произвол правоохранительных органов (56,2%), бедность (55,5%) и экологическая угроза (53,9%). В наименьшей степени в Мурманской области проявляется такая социальная опасность как дискриминация по признаку пола, возраста, национальности (34,8%). Сопряжения зависимости указанных опасностей по категориям населения показали, что в большей степени свою незащищенность от преступности ощущают женщины, пенсионеры и те, кто по уровню материального достатка относит себя к бедным. Среднеобеспеченные граждане, госслужащие, управленческий персонал среднего звена в большей степени чувствуют на себе проявление произвола чиновников и работников правоохранительных органов.

Таблица 1

Оценки населением Мурманской области степени защищенности от тех или иных опасностей в 2013 г., %

	Защищен	Пожалуй, защищен	Трудно сказать	Пожалуй, не защищен	Совсем не защищен
От экологической угрозы	3,2	8,3	34,6	26,2	27,7
От притеснений по полу, возрасту, национальности	11,3	17,9	36,0	17,2	17,6
От произвола чиновников	3,4	4,7	31,6	28,2	32,1
От произвола правоохранительных органов	2,5	6,1	35,3	27,5	28,7
От бедности	3,7	9,3	28,4	23,0	35,5
От преступности	2,2	7,4	29,9	24,3	36,3

Социальное самочувствие часто рассматривают как интегрированный показатель, характеризующий общую удовлетворенность жителей социальной составляющей жизнедеятельности: удовлетворенность жизнью в целом, удовлетворенность проводимой социальной политикой, удовлетворенность деятельностью сфер здравоохранения, образования, ЖКХ. Указанные оценки формируют отношение населения к структурам власти различного уровня и представляют собой, по сути, рейтинг эффективности управления.

В проведенных в 2011 – 2013 гг. исследованиях, жителям городов Мурманской области было предложено оценить по пятибалльной шкале результативность деятельности органов исполнительной власти в следующих сферах: развитие экономики, предоставление населению качественных услуг, политика в сфере обеспечения населения доступным и качественным жильем, здоровье, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, развитие культуры, физической культуры, спорта, обеспечение общественной безопасности (табл. 2). Сравнение оценок эффективности деятельности власти в обозначенный период показало следующее: если в 2012 г. были зафиксированы положительные тренды по таким направлениям как «развитие экономики» и «улучшение материального положения населения», то в 2013 г. произошло снижение оценок по всем направлениям. Особенно провальными выглядят «предоставление населению качественных услуг ЖКХ» - 1,6 балла и «обеспечение доступным и качественным жильем» - 1,8 балла. Ситуация укладывается в общую картину по стране в целом. Реформирование сферы ЖКХ не привело к решению ключевых вопросов, связанных с модернизацией и переходом на новый, более качественный уровень всей этой системы. Провалилась и идея создания добросовестной конкурентной среды: появилось множество управляющих компаний и ТСЖ, деятельность которых, в основном, связана только с перераспределением, а часто, и с хищением получаемых от собственников и арендаторов жилья средств.

Таблица 2

Оценки эффективности деятельности власти в городах Мурманской обл. в 2011-2013 гг.
по 5-балльной шкале

	2011	2012	2013
<i>Развитие культуры, физической культуры и спорта</i>			
Средний балл	3,1	3,2	3,1
<i>Обеспечение доступности и качества общего (школьного) образования</i>			
Средний балл	3,1	3,1	3,0
<i>Обеспечение доступности и качества профессионального образования</i>			
Средний балл	3,0	2,9	2,9
<i>Усиление правопорядка и обеспечение общественной безопасности</i>			
Средний балл	2,8	2,8	2,5
<i>Развитие экономики</i>			
Средний балл	2,4	2,7	2,3
<i>Улучшение материального положения населения</i>			
Средний балл	2,1	2,4	2,1
<i>Обеспечение доступности и качества медицинской помощи населению</i>			
Средний балл	2,3	2,3	2,0
<i>Обеспечение населения доступным и качественным жильем</i>			
Средний балл	2,0	2,1	1,8
<i>Предоставление населению качественных услуг в сфере ЖКХ</i>			
Средний балл	1,9	2,0	1,6

Неэффективность управления в сфере здравоохранения проявилась в непродуманности осуществления процессов оптимизации, отсутствии необходимого медицинского персонала, оборудования, нерешенности логистических вопросов транспортировки пациентов и многом другом, что и определило низкие оценки респондентов – 2 балла. Таким образом, можно сделать вывод о низкой степени удовлетворенности населения проводимой социальной политикой: власть на местах работает на слабенькую тройку с большим минусом. Результативность деятельности региональной власти оценена несколько выше, но тенденций роста оценок не выявлено.

Важным условием социальной стабильности, как фактора социального самочувствия, является удовлетворенность собственной жизнью (рис.1). По результатам мониторинга в 2010-2013 гг. выявлены следующие тенденции: если в 2010-2012 гг. преобладали оценки неопределенности – более 40 % респондентов затруднялись с обозначением параметра

удовлетворенности собственной жизнью, то в 2013 г. доли позитивных и негативных оценок оказались практически равнозначными, при этом, доля тех, кто не доволен своей жизнью выросла, почти вдвое (38,2%). Большую часть этой категории составляют пенсионеры и малообеспеченные, в то время как среди довольных своей жизнью большинство составляет молодежь, которой априори присущ оптимистический настрой.

Рис. 1. Оценки удовлетворенности собственной жизнью населения Мурманской обл., 2010 – 2013 гг., %

Мнения северян по поводу эффективности власти нашли отражение в рейтинге наиболее острых проблем с достаточной степенью корреляции (табл. 3). В первую очередь населением обозначена проблема неудовлетворительного качества инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт) – на это указали 50% респондентов. Качество жилищных и коммунальных услуг оцениваются респондентами как очень низкие, платежи – как неоправданно завышенные, что негативно отражается на уровне жизни социально незащищенных слоев населения и малообеспеченных граждан. Помимо этого, жители критично оценивают состояние дорожной сети в регионе, которое самым негативным образом сказывается на состоянии экономики Мурманской области.

В 2013 г. впервые на второй позиции в рейтинге оказались коррупция и взяточничество. Это коррелирует с данными опроса, проведенного Институтом современного государственного развития в феврале 2013 г в Санкт-Петербурге, однако в Мурманской области ее показатель значительно выше: 35,3% против 12,8% [3].

Таблица 3
Рейтинг наиболее важных, по мнению населения, проблем Мурманской обл. в 2011-2013 гг., %

	2011	2012	2013
Неудовлетворительное качество инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и т.д.)	31,6	35,9	49,5
Коррупция, взяточничество	12,1	16,1	35,3
Плохая экология, загрязнение окружающей среды	28,2	30,6	32,1
Инфляция (постоянный рост цен)	47,8	36,0	31,9
Экономическая нестабильность	15,6	12,7	27,7
Низкий уровень жизни, бедность	26,7	28,1	26,0
Недоступность здравоохранения, низкое качество медицинских услуг	21,6	24,9	23,0
Социальная незащищенность граждан	22,6	19,9	21,8
Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	18,7	18,8	21,8
Рост алкоголизма	27,9	29,4	21,8
Некомпетентность властей	7,3	11,4	21,6
Обеспеченность жильем, низкая доступность жилья	24,0	23,3	18,4

Высокий уровень преступности	19,4	17,4	18,1
Увольнения персонала, безработица	14,9	9,6	17,4
Низкая продолжительность жизни, сокращение численности населения	14,4	16,0	16,9
Бездуховность, разгул безнравственности	13,4	14,7	13,7
Несправедливое налогообложение	7,3	8,8	6,9
Недоступность образовательных услуг, низкое качество образования	7,1	8,0	6,9
Притеснения на национальной почве, межнациональная рознь	3,9	3,4	3,9

Третьей по значимости проблемой жители региона назвали сложную экологическую обстановку (32,1%), что объясняется серьезной нагрузкой на природную среду со стороны предприятий горно-промышленного корпуса. К значимым проблемам региона респонденты отнесли, связанные между собой, инфляцию (32%) и низкий уровень жизни (26%). Стоит заметить, что острота этих проблем несколько ослабла, на что указывает их перемещение на более низкие позиции в рейтинге 2013 г.

Также отмечена важность для жителей области такой проблемы как экономическая нестабильность - 27,7%, причем этот показатель вырос в 1,7 раза в сравнении с 2012 г.

Проблема низкой удовлетворенности медицинскими услугами и их доступностью (23%) указывает на то, что модернизация этой сферы ощутимых результатов не принесла, наоборот, доступность медицинской помощи для населения сократилась, на что было указано в одном из выступлений президента.

Жителей региона стали больше волновать такие проблемы как расслоение на бедных и богатых - 21,8%, некомпетентность властей – 21,6% и безработица 17,4%.

Представления населения Мурманской области о будущем страны на ближайшие пять лет указывают на преобладание в территориальном социуме настроений социальной апатии и неопределенности: более 40% респондентов вообще затруднились ответить на этот вопрос, а 38,7% считают, что эти годы будут «ни хорошими, ни плохими». Скорее всего, в основе таких оценок – неверие населения в перспективы промышленного производства, экономической, социальной политики, подогреваемое информацией в СМИ о неизбежности новой волны экономического кризиса.

Для исследования социального самочувствия и уровня социальной адаптации используется социологическая информация о степени уверенности респондентов в своем будущем (рис. 2). Известно, что устойчивость текущей ситуации, положительное или негативное восприятие различных аспектов жизни формируют уровень позитива в отношении будущего. По результатам наших исследований последние годы отмечены ситуацией неопределенности. С одной стороны, наметилась тенденция роста доли тех, кто «вполне уверен» в своем будущем: с 5,2% в 2011 г. до 13,2% в 2013 г. С другой стороны, за этот же период с 12% до 16,7% выросла доля «совершенно не уверенных», а наибольшее количество мнений пришлось на вариант «не могу сказать точно», что указывает на нестабильность жизненной ситуации этой части населения.

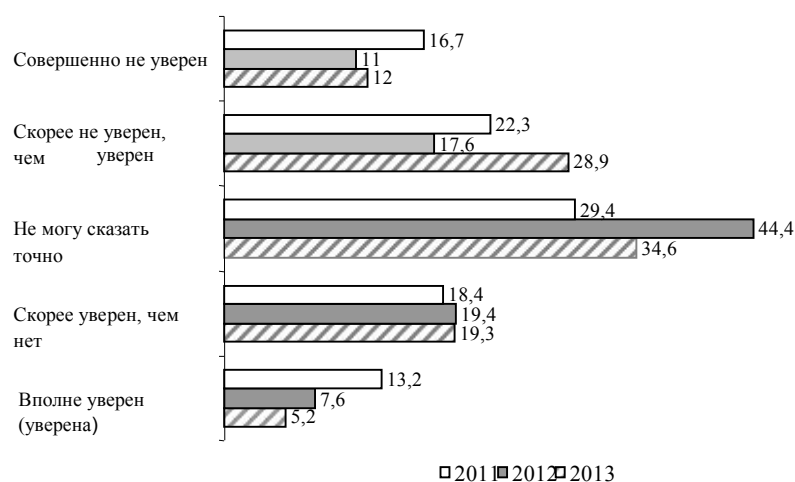
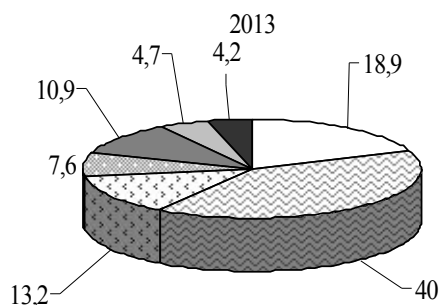

Рис.2. Оценки респондентами степени уверенности в своем будущем 2010-2013 гг., %

Значимым фактором формирования социального самочувствия является отношение (позитивное или негативное) к территории проживания. За период с 2011 по 2013 гг. на 10% увеличилась доля тех, кто считает, что «в нашем регионе люди живут лучше, чем в других», и на столько же сократился объем оценок по варианту «в нашем регионе люди живут хуже, чем в соседних» (рис. 3). Около 70% ответивших связывают свою дальнейшую судьбу с Мурманской областью, рассчитывая на «лучшее будущее». Оптимистические настроения, возможно, основаны на большом государственном интересе к Северу и Арктике и ожиданиях реализации государственной программы развития северных территорий. Стоит обратить внимание, что лишь 15,6% населения желали бы уехать из Мурманской области, при этом 10,9% хотели бы уехать в другой регион России, а остальные – за пределы нашей страны.

- Я рад, что живу здесь
- В целом я доволен, но многое не устраивает
- Не испытываю особых чувств по этому поводу
- Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать
- Хотел бы уехать в другой регион России по причине
- Хотел бы вообще уехать из России по причине
- Затрудняюсь ответить

Рис. 3. Отношение населения Мурманской области к месту своего проживания, 2013 г., %

Таким образом, социальное самочувствие населения Мурманской области в целом характеризуется довольно низким уровнем удовлетворенности своей жизнью и значительной долей неопределенности в отношении собственного будущего и будущего страны. Рейтинг проблем, основанный на оценках респондентов, отражает тот негатив, который снижает уровень

социального самочувствия и указывает на отсутствие понятной, последовательной социальной политики модернизации различных сфер жизнедеятельности.

Наличие социологической информации, возможность ее структурирования, обобщения и анализа представляет значимый информационный ресурс для повышения эффективности социального управления. Это определяет необходимость более широкого использования социологических методов в управленческой деятельности.

Литература

1. Е.В. Каргаполова. Социальное самочувствие населения региональный аспект./ [Электронный ресурс]: <http://www.utmn.ru/docs/5240.pdf> дата обращения 23.01.2014 г.
2. Я.Н. Крупец. Социальное самочувствие как интегрированный показатель адаптивности./ [Электронный ресурс]: ecsocman.hse.ru/data/549/394/1217/Krupec1.pdf дата обращения 23.01.2014 г.
3. Россияне выделили проблемы ЖКХ и коррупции как наиболее острые./ [Электронный ресурс]: URL: <http://news.rambler.ru/18346335/>

СОСТОЯНИЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

Кожевников С.А., м.н.с.

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, г. Вологда

Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) является одной из ключевых сфер региональной экономики, обеспечивающей население жизненно важными услугами, а промышленность, сельское хозяйство и другие отрасли – необходимыми ресурсами для производственной деятельности (электроэнергией, теплом, водой и др.).

Однако в настоящее время жилищно-коммунальное хозяйство Вологодской области, как и других северных регионов страны, продолжает оставаться в кризисном состоянии. Так, в течение последних лет отмечается увеличение доли ветхого и аварийного жилья, которая в 2012 году составила 6,0% общей площади жилищного фонда региона, что выше среднероссийского (3,0%) и среднего по СЗФО (3,2%) уровня (табл. 1).

Таблица 1

Ветхий и аварийный жилищный фонд, в % от общей площади жилищного фонда

Территория	Год							2012 г. к 2000 г., п.п.
	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	
Вологодская область	2,1	5,5	5,6	6,0	6,0	5,9	6,0	+3,9
СЗФО	2,2	3,3	3,3	3,2	3,3	3,2	3,2	+1,0
Российская Федерация	2,4	3,2	3,2	3,1	3,1	3,0	3,0	+0,6

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 990 с.; [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>

Причём за этой усредненной цифрой скрываются существенные территориальные различия. Так, в 2012 году крайне высокий удельный вес ветхого и аварийного жилья отмечался в Междуреченском (31,1%), Вытегорском (22%) и Белозерском (20,8%) районах. В лучшем состоянии находится жилищный фонд г. Череповец (0,1%) и Кадуйского района (1,6%) [1, с. 22].

Таким образом, очевидным становится тот факт, что устойчивое развитие жилищно-коммунального хозяйства невозможно без его стабильного функционирования на всей территории

региона. В связи с этим приобретает актуальность вопрос о проведении всесторонней и объективной оценки текущего состояния, определении основных проблем в муниципальном ЖКХ.

Для решения данной задачи необходимо разработать соответствующий методологический инструментарий. На основе обобщения результатов исследований по рассматриваемой проблематике [3, 4, 5] была сформирована система показателей, характеризующих текущее состояние данной сферы в муниципальных образованиях. При этом все показатели признаны равнозначными (табл. 2).

Таблица 2

Показатели, характеризующие состояние сферы жилищно-коммунального хозяйства муниципальных образований

Блоки	Показатели
1. Жилищное хозяйство	1.1. Удельный вес жилья, не относящегося к категории ветхого и аварийного, в % от общей площади жилищного фонда муниципалитета. 1.2. Жилищный фонд, оборудованный всеми видами благоустройства (водоснабжением, канализацией, отоплением, газом или электроплитами), в % от его общей площади. 1.3. Многоквартирные дома, находящиеся под управлением частных управляющих организаций, товариществ собственников жилья (ТСЖ), жилищно-строительных кооперативов (ЖСК), в % от их общего количества.
2. Коммунальное хозяйство (отрасли ресурсоснабжения)	2.1. Доля коммунальных сетей, не нуждающихся в замене, в % от их общей протяженности. 2.2. Потери ресурсов в сетях, %. 2.3. Объем коммунальных ресурсов, отпускаемых на основе приборов учёта, в % от общего объёма их потребления.
3. Благоустройство территории	3.1. Доля освещённых улиц, проездов, набережных, % в их общей протяженности. 3.2. Доля свалок твёрдых бытовых отходов (ТБО), на которых организован учёт утилизируемых отходов, в % от их общего количества
4. Финансовые процессы	4.1. Уровень собираемости платежей за жилищно-коммунальные услуги, % 4.2. Доля прибыльных организаций ЖКХ, в % от их общего количества. 4.3. Отношение дебиторской задолженности предприятий к стоимости оказанных жилищно-коммунальных услуг, %

Агрегирование показателей в интегральный индекс осуществляется в следующей последовательности.

1 этап. Определение значения частного индекса по каждому блоку показателей (R_j):

$$R_j = \frac{\sum_{i=1}^n k_i}{n};$$

(1)

где k_i – стандартизированный коэффициент;

n – количество показателей в блоке.

Для прямых показателей стандартизированный коэффициент рассчитывается по формуле 2, а для обратных¹⁰ – в соответствии с формулой 3:

¹⁰ Прямой показатель – это показатель, увеличение значений которого свидетельствует о положительных тенденциях, об улучшении ситуации в муниципальном жилищно-коммунальном хозяйстве. Обратный показатель – показатель, увеличение значений которого свидетельствует об ухудшении ситуации в данной сфере муниципального хозяйства.

$$k_i = \frac{x_i}{x_3}; \quad (2)$$

$$k_i = \frac{x_3}{x_i}; \quad (3)$$

где x_i – значение i -го показателя в муниципальном образовании;

x_3 – эталонное значение i -го показателя.

2 этап. Вычисление интегрального индекса, характеризующего состояние сферы ЖКХ в муниципальном образовании (R):

$$R = \frac{R_1 + R_2 + R_3 + R_4}{4}; \quad (4)$$

где R_1 – индекс по блоку «Жилищное хозяйство»;

R_2 – индекс по блоку «Коммунальное хозяйство»;

R_3 – индекс по блоку «Благоустройство территории»;

R_4 – индекс по блоку «Финансовые процессы».

3 этап. Выделение групп территорий, характеризующихся общими проблемами в сфере ЖКХ. Область возможных значений интегрального показателя находится в интервале¹¹ от 0 до 1. На основании этого были выделены 4 типа муниципальных образований. При этом четвёртая группа имеет более широкие интервальные границы, поскольку характеризует муниципалитеты, где жилищно-коммунальное хозяйство находится в критическом состоянии, глубоком и системном кризисе. Причём, чем хуже ситуация в данной сфере, тем ближе к нулю значения интегрального показателя. Вместе с тем следует отметить, что в реальности нулевое значение в принципе недостижимо (рис. 1).

Рис. 1. Интерпретация пороговых значений интегрального показателя (I) состояния ЖКХ муниципального образования

Предложенный инструментарий апробируем на материалах муниципальных образований Вологодской области. Результаты расчётов позволяют выявить 3 типа территорий по состоянию ЖКХ. При этом в 2012 году ни одно муниципальное образование не вошло в I группу, характеризующуюся хорошим состоянием данной сферы (табл. 3).

Таблица 3

Типологизация муниципальных образований Вологодской области по состоянию сферы ЖКХ в 2012 г.

Группа	Состояние ЖКХ	Территории
II	Удовлетворительное: $0,600 < I \leq 0,799$	г. Вологда (0,781), г. Череповец (0,758), Кадуйский (0,664), Шекснинский (0,623)

¹¹ С учётом того, что муниципалитет имеет эталонное значение по каждому показателю из всех четырёх блоков, максимальное значение интегрального индекса потенциально может быть равно 1.

III	Неудовлетворительное: $0,400 < I \leq 0,599$	Череповецкий (0,570), Сокольский (0,556), Чагодощенский (0,542), Верховажский (0,540), Тарногский (0,536), Вологодский (0,535), Усть-Кубинский (0,506), Нюксенский (0,491), Бабушкинский (0,490), Великоустюгский (0,470), Устюженский (0,470), Вожегодский (0,469), Междуреченский (0,468), Грязовецкий (0,445), Кирилловский (0,437), Тотемский (0,418), Никольский (0,418), Белозерский (0,416), Сямженский (0,409)
IV	Критическое: $0,000 < I \leq 0,399$	Вытегорский (0,391), Вашкинский (0,385), Харовский (0,383), Бабаевский (0,367), Кичм.-Городецкий (0,367)

Общая характеристика ЖКХ в различных типах муниципальных образований региона представлена в таблице 4.

На территориях, относящихся ко *II группе*, ЖКХ находится в удовлетворительном состоянии. Доля ветхого и аварийного жилья ниже среднеобластного значения (6,0%). Кроме того, уровень его благоустройства достаточно высокий. В среднем по группе всеми видами коммунальных услуг обеспечено почти 92% жилья.

В течение последних лет в жилищной сфере активно осуществляются рыночные преобразования. Так, в 2012 году уже около 90% многоквартирных домов обслуживалось управляющими компаниями частной формы собственности и товариществами собственников жилья (ТСЖ)¹². При этом доля муниципальных организаций сокращается.

¹² См. Сведения о структурных преобразованиях и организационных мероприятиях в сфере жилищно-коммунального хозяйства Вологодской области – форма № 22-ЖКХ (реформа) за 2012 год.

Характеристика состояния ЖКХ в различных типах муниципальных образований
Вологодской области

Показатель	Среднее значение по группе*			В среднем по области
	II	III	IV	
1. Удельный вес ветхого и аварийного жилья, в % от общей площади жилищного фонда муниципалитета	2,3	9,2	11,9	6,0
2. Жилищный фонд, оборудованный всеми видами благоустройства (водоснабжением, канализацией, отоплением, газом или электроплитами), %	91,7	25,6	16,7	57,6
3. Многоквартирные дома, находящиеся под управлением частных управляющих организаций, товариществ собственников жилья (ТСЖ), жилищно-строительных кооперативов (ЖСК), в % от их общего количества	89,2	47,3	48,6	54,8
4. Доля коммунальных сетей, не нуждающихся в замене, в % от их общей протяжённости:				
– водоснабжения;	72,4	64,7	73,4	67,9
– теплоснабжения.	45,2	74,7	70,7	59,2
5. Потери ресурсов в сетях, %:				
– водоснабжения;	19,7	29,2	22,1	21,7
– теплоснабжения.	6,2	11,2	12,8	8,5
6. Объём коммунальных ресурсов, отпускаемых на основе приборов учёта, в % от общего объёма их потребления:				
– тепловой энергии;	67,8	23,9	25,9	55,4
– горячей воды;	80,5	41,6	25,6	75,9
– холодной воды.	95,4	52,9	23,2	87,5
7. Доля освещённых улиц, проездов, набережных в их общей протяженности, %	86,0	65,4	69,4	76,4
8. Доля свалок (полигонов) твёрдых бытовых отходов (ТБО), на которых организован учёт утилизируемых отходов, в % от общего количества свалок ТБО	87,5	27,2	8,9	54,3
9. Отношение дебиторской задолженности предприятий к стоимости оказанных жилищно-коммунальных услуг, %	50,6	49,6	38,2	49,9
* Средние значения рассчитывались по формуле средней арифметической взвешенной.				

Коммунальные предприятия имеют большие производственные мощности, однако их деятельность характеризуется существенными потерями ресурсов, обусловленными высоким уровнем физического и морального износа основных фондов в ЖКХ. В частности, в 2012 году в среднем по группе почти 55% тепловых сетей и 28% сетей водоснабжения отслужили свои нормативные сроки и нуждались в замене [2, с.7, 33].

В свою очередь, финансовое состояние организаций ЖКХ является неустойчивым (в 2012 году их дебиторская задолженность превышала 50% от стоимости оказанных услуг), что ограничивает возможности для самостоятельного решения проблем и привлечения заёмного капитала.

Значительная часть муниципальных образований Вологодской области (19 из 28 муниципалитетов), жилищно-коммунальное хозяйство которых продолжает оставаться в глубоком и системном кризисе, относится к III группе. К их основным проблемам можно отнести:

- ✓ высокий уровень износа жилищного фонда (в 2012 году более 9% его площади являлось ветхим и аварийным);
- ✓ низкий уровень благоустройства (всеми видами коммунальных услуг обеспечено только ¼ жилья);

- ✓ высокий уровень износа инженерной инфраструктуры (более 35% сетей водоснабжения и 25% тепловых сетей нуждаются в замене);
- ✓ значительные непроизводительные потери коммунальных ресурсов в сетях (воды – 29,2%, тепла – 11,2%), обусловленные физической изношенностью основных фондов, технологической отсталостью большинства предприятий ЖКХ;
- ✓ неэффективная система учёта потребления (на основании приборов учёта отпускалось лишь 24% от общего объёма тепловой энергии, горячей воды – 42%, холодной воды – 53%);
- ✓ слабый уровень развития сектора благоустройства (в 2012 году лишь около 65% общей протяжённости улиц, парков, набережных было обеспечено услугами уличного освещения, на 27% свалок ТБО осуществлялся учёт утилизируемых отходов);
- ✓ неустойчивое финансовое состояние организаций ЖКХ (убыточность производственной деятельности, высокий уровень кредиторской и дебиторской задолженности);
- ✓ низкие темпы внедрения рыночных механизмов хозяйствования.

Состояние жилищно-коммунального хозяйства *IV группы* муниципальных образований можно признать критическим. Жилищный фонд находится в крайне неудовлетворительном состоянии, доля ветхого и аварийного жилья составляет 12%. При этом уровень его благоустройства остаётся очень низким. В связи с этим все более широкое развитие получают индивидуальные системы коммунального жизнеобеспечения населения (объекты водоснабжения и теплоснабжения).

Коммунальные предприятия данных муниципалитетов являются малыми и имеют небольшие производственные мощности. Кроме того, их деятельность характеризуется большими непроизводительными потерями ресурсов, в разы превышающими нормативные значения (тепла – 12,8%, воды – 22,1%), что связано не только с технологической отсталостью организаций ЖКХ, но и крайне низкой обеспеченностью жилищного фонда приборами учёта (с использованием счётчиков отпускалось 26% тепловой энергии, холодной воды – 23%).

В связи с выявленными различиями в состоянии ЖКХ в муниципальных образованиях приоритетной целью государственной политики должно стать создание условий для стабильного и устойчивого функционирования данной сферы на всей территории региона. При этом политика должна носить дифференцированный с точки зрения территориальной специфики характер, ориентироваться на концентрацию и эффективное использование ограниченных финансовых ресурсов.

Литература

1. Жилищный фонд Вологодской области [Текст]: информ. записка. – Вологда, 2013. – 35 с.
2. Коммунальное хозяйство Вологодской области в 2012 году [Текст]: стат. бюллетень. – Вологда: Вологдастат, 2013. – 53 с.
3. Скрипник, О.Б. Реформирование регионального жилищно-коммунального комплекса: методология и практика [Текст] / О.Б. Скрипник. – М.: Финансы и статистика, 2013. – 288 с.
4. Соргутов, И.В. Методический подход к оценке уровня безопасности системы территориального жизнеобеспечения [Текст] : автореф. дис. ... к-та экон. наук: 08.00.05 / И.В. Соргутов. – Екатеринбург, 2013. – 25 с.
5. Чернышов, А.Н. Управление жилищно-коммунальным хозяйством региона на основе программно-целевого подхода [Текст] : автореф. дис. ... к-та экон. наук: 08.00.05 / А.Н. Чернышов. – Челябинск, 2011. – 26 с.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ СЫРЬЕВЫХ РЕГИОНОВ

Козырева Г.Б., д.э.н., доцент, вед. науч. сотр.

В формате происходящих в России институциональных процессов существенно трансформируется качественная модель региона как социально-экономической системы. Республика Карелия, являясь северным регионом лесосырьевой ориентации, находится в состоянии выбора - продолжить путь сырьевого региона, в результате потеряв не только природные ресурсы, но и человеческий капитал или выйти на социальные модели развития. Под социальными моделями понимаются концепции регионального развития, ориентированные на поддержание устойчивости социума.

В настоящее время назрела необходимость переосмысления процессов, связанных с изучением социально-экономических последствий лесной политики, эффективность которой отражается через состояние и перспективы устойчивого развития приграничных лесосырьевых регионов России. В развитых странах (таких, как Финляндии, Швеции, США, где леса находятся в частной собственности) институты, регулирующие сферу лесного хозяйства, формируют условия для того, чтобы население, проживающее на лесосырьевых территориях, имело не только достойный уровень жизни, но и возможность участвовать в принятии решений, связанных с развитием лесопользования в местах своего жизнеобитания. Россия таких институтов пока не имеет.

Данные вопросы исследовались в рамках нескольких научных проектов РФФИ, РГНФ и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»¹³, реализованных на территории Республики Карелия в 1997-2011 гг. Социальные модели развития региона рассматриваются с позиций социальных практик ведения лесного бизнеса для территории: вопросы занятости, уровня жизни, техники безопасности, соблюдения прав работников, социальной роли в местном сообществе.

В исследовании обосновывается один из реальных для условий России компенсаторных механизмов устойчивого развития лесосырьевых регионов - лесная сертификация. Благодаря практике использования лесной сертификации, которая сложилась в мировой экономике к настоящему времени, западные страны добиваются успехов в установлении баланса между целями государства, бизнеса и социума.

Смысл сертификации как инструмента торговой политики состоит в изменении приоритетов ведения лесного хозяйства с учетом экологических и социальных аспектов. Лесной сертификат свидетельствует о том, что продукция заготовлена без ущерба природе и социуму. Такая система заложена в основу лесного хозяйства скандинавских стран и позволяет кардинально увеличить конкурентоспособность лесопродукции. На высокую конкурентоспособность работает открытость информации об условиях выращивания и заготовки древесины для покупателя лесопродукции. Местные сообщества и местный бизнес при этом получают дополнительные эффекты от перераспределения социально-экономических благ в их пользу.

В основе лесной сертификации заложены принципы концепции устойчивого развития. С точки зрения экономической теории идеи устойчивости, или, как они более точно звучат в английской версии, - сбалансированности, уравновешенности - имеют общие корни с принципами

¹³ Проект РГНФ «Социальное партнерство как инновационный механизм формирования социально-ориентированной политики занятости региона» (2003-2005 гг., № 03-0200385а, рук. Морозова Т.В.); Проект РФФИ «Проблемы формирования институтов рынка в условиях переходной экономики» (2002-2004 гг., №02-06-80482, рук. Козырева Г.Б.); Проект РФФИ «Проблемы формирования института собственности в условиях переходной экономики», (2006-2008 гг., № 06-06-80413а, рук. Козырева Г.Б.); Проект РФФИ «Организация и проведение экспедиционного экономико-социологического обследования процессов формирования института собственности в условиях лесной реформы» (№ 08-06- 80413а), 2008 г. – рук. Козырева Г.Б.; Проект РГНФ «Карельская модель трансграничного сотрудничества» (2007-2008 гг., №07-02-009а – рук. Морозова Т.В.); Проект ФЦП «Трансграничное сотрудничество как фактор экономического развития российских регионов в условиях глобализации и модернизации», рук. В.Б. Акулов («Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., № 01201066849).

оптимизации или «парето-улучшения», которые были предложены в начале прошлого века итальянским экономистом В.Ф. Парето. Они включают индивидуальную оптимизацию, рыночную эффективность и социальный оптимум [1].

Принцип «парето-оптимизации» дополняется принципом обязательной компенсации Калдора-Хикса (сформулирован в 1938-1939 гг.), согласно которому социальные группы, оказавшиеся в выигрыше при перераспределении ресурсов, автоматически компенсируют потери другим социальным группам [2]. На наш взгляд, на основании принципа обязательной компенсации Калдора-Хикса лесной сертификат может быть рассмотрен как компенсаторный механизм возврата местному населению доли человеческого капитала, вложенного им в формирование национального богатства страны в прошлые годы. Здесь заложена основа для социально ответственного поведения бизнеса.

«Социальная ответственность» – это концепция, которая обосновывает, что бизнес не только несет ответственность за соблюдение законов и производства качественного продукта или услуги, но и добровольно берет на себя обязательства перед обществом, работает на улучшение качества жизни людей. Принимая данную стратегию, бизнес объявляет о том, что он достиг в своем развитии определенного уровня зрелости.

Идеология социальной ответственности, уходя корнями в концепцию устойчивого развития, позволяет выстраивать такие отношения между бизнесом и обществом, которые основаны на возвращении бизнесом доли ренты от использования природных ресурсов обществу. Для системы лесного хозяйства, например, это означает, что предприятия компенсируют местным сообществам использование лесных ресурсов, которые принадлежат всему обществу, через свою социальную и экологическую политику. Этот компенсационный механизм может лечь в основу формирования стратегий лесосырьевых территорий России, и его можно рассматривать как адаптацию принципа обязательной компенсации Калдора-Хикса к системе лесопользования [3].

Индикатором «социальности» бизнес-стратегий лесных компаний Республики Карелия можно рассматривать состояние лесных поселков. В советский период леспромхозы отвечали за состояние лесных поселков через систему сложившихся формальных и неформальных институтов. Разрушение институциональной системы с началом рыночных реформ лишило поселки основ жизнеобеспечения – жители потеряли гарантии на труд, тепло и водоснабжение. На сегодня лесные поселки стали анклавами социального неблагополучия.

Не решаемые проблемы лесных поселков требуют поиска инновационных социальных институтов. Таким институтом и может стать лесная сертификация, которая, применительно к лесным поселкам, имеет двойной социальный эффект. С одной стороны она ориентирует бизнес на экономически, экологически и социально ответственное поведение, с другой – требует от региональной власти включения в лесную политику новых приоритетов, связанных с продвижением процесса лесного сертифицирования.

В ходе исследований лесных поселков Карелии были сопоставлены социальные позиции лесного бизнеса при соблюдении критериев лесной сертификации и оценены шансы прохождения на мировые рынки лесопродукции в условиях ужесточения требований. В качестве образца использован FSC стандарт, как наиболее популярный и распространенный на территории России. Одним из ключевых критериев социальной ответственности является занятость местного населения, что нашло отражение в четвертом принципе FSC стандарта, который устанавливает: *местному населению, живущему в пределах или вблизи территорий, включенных в лесохозяйственную деятельность, должна быть предоставлена возможность получения работы, обучения и других услуг*. В стандарте предлагаются следующие индикаторы, свидетельствующие о выполнении данного критерия: 1. *Предприятие проводит активную политику по найму работников из местного населения*. 2. *Предприятие проводит политику профессиональной подготовки новых кадров из местного населения* [4].

Результаты исследований свидетельствуют не только об отсутствии институциональных условий для реализации социальной ответственности лесного бизнеса, но и о неадекватном понимании ее роли со стороны менеджеров в стратегиях развития и предприятий, и территорий, где они функционируют. Социальная политика лесных предприятий не соответствует принципам устойчивости: не ведется эффективная политика занятости местного населения, нарушаются права акционеров. Это представляет угрозу не только для лесных поселков, но и для самого бизнеса. Отсутствие социальной политики в ближайшей перспективе для карельского лесного бизнеса потерей потенциальных западных рынков лесопродукции.

Исследования зафиксировали следующую структуру социально ответственного поведения лесных предприятий Карелии:

- Активная социальная деятельность – менее 5% предприятий.
- Посильное участие в жизни местного сообщества – 70% предприятий.
- Социальная индифферентность – около 25% предприятий [3].

Институциональные условия сформированы таким образом, что лесной бизнес попадает в ножницы. С одной стороны, социальная ответственность – это стимул для выхода на рынки, что хорошо понимают менеджеры. С другой стороны - для того, чтобы соответствовать всем критериям социальной ответственности, бизнес должен взять на себя практически непосильную социальную нагрузку. Государство сегодня не разделяет эту нагрузку. Данные обстоятельства исключают возможность формирования благоприятной среды для зарождения у самого бизнеса гуманистических принципов, связанных с социальной ответственностью.

Сегодня социальная ответственность лесного бизнеса остается неформальным институтом, который формируется под воздействием силового давления со стороны мирового рынка. Но нужно учитывать, что современная рыночная система уже наработала достаточный арсенал средств государственного участия в поддержке эффективных социальных институтов. Россия пока не продемонстрировала готовности поддерживать и защищать свой бизнес и формировать вместе с ним политику социальной ответственности. Вместе с тем ее приграничные лесосырьевые регионы, включаясь в мировые инициативы за устойчивое развитие, имеют шанс оторваться от сырьевой зависимости и начать полноценное социально-экономическое развитие.

Литература

1. Зотов А.А. Исследования равновесия обменов и начала теории социального равновесия в экономических работах Парето / Экономическая социология. 2007. Т.8 № 2 с.13-23
2. Хикс Д. Р. Четыре излишка потребителя // Вехи экономической мысли / сост. и общ. ред. В.М. Гальперина. СПб., 1999 г., - С. 190 - 207
3. Козырева Г.Б. Инновационные институты устойчивого развития лесосырьевых регионов России / Приложение к Журналу Новой экономической ассоциации: [сайт]. [2011]. URL: <http://econorus.org/onim/e.phtml>
4. Чучуров В. Различные системы сертификации: правильный выбор /эл. рес. /режим доступа: <http://drevesina.com//materials/http/>

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)*

Кондратович Д.Л., к.э.н., доцент, с.н.с.

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН, г. Апатиты

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 13-32-01266

Современные социологические исследования определения социально-экономического развития региона опираются, в основном, на системный подход, который позволяет определить его как целостную социальную систему, обладающую всеми характеристиками, присущими социуму. Северный регион можно охарактеризовать такими характерными качествами, как относительная обособленность, комплексность, целостность, подчиненность определенной цели, структурированность, связь с внешней средой и непрерывность. В современных условиях, когда социально-экономическая политика северных регионов переориентируется на диверсифицированный характер их развития, с неизбежными социальными изменениями, учет локального контекста протекания социальных процессов приобретает особую значимость. Во многих северных регионах, в том числе и Мурманской области, пересекаются энергетические, транспортные и информационные потоки. Наложение этих потоков определяет сложность и многообразие связей между структурными элементами системы. Кроме того, регион, как целостная система, представляет собой узел пересечения нескольких внешних по отношению к нему систем.

Если рассматривать в качестве основной цели исследования выявление социального аспекта экономического развития региона, то необходимо учесть влияние региона как социального пространства на процессы и взаимодействия, протекающие в социально-экономической сфере. Таким образом, регион обуславливает ряд пространственно-временных ограничений на объект исследования. Являясь пространственным воплощением социальных явлений и оказывая влияние на их протекание, регион обеспечивает устойчивость социальных процессов и формирует специфические механизмы, их детерминирующие.

При оценке социально-экономического развития северного региона Мурманской области мы столкнулись с проблемой формирования фактологической базы на основе статистических данных. В целях конкретизации проблемы, на наш взгляд, следует использовать метод социологической оценки, с использованием широкого набора оценочных показателей, в основе которых заложены субъективные оценки жителей по ряду наиболее сложных вопросов.

Исследование социально-экономического развития северного региона на основе анализа мнений жителей региона и изучение социального восприятия процессов, происходящих в различных сферах жизнедеятельности выражается через призму тех проблем, которые занимают ведущие позиции среди наиболее значимых в регионе (табл. 1).

Социологические оценки процессов, протекающих в таком регионе, как Мурманская область, находятся в прямой зависимости от экономической стабильности крупных градообразующих предприятий, так как данный регион является ресурсо-ориентированным и на его территории располагается 7 официально признанных моногородов. Спад производства промышленной продукции, оптимизация численности персонала на крупнейших предприятиях региона или, другими словами, увольнение персонала, ожидаемый в перспективе рост безработицы, не могли не повлиять на мнения жителей Мурманской области: значительно, почти в 2 раза, выросли негативные оценки уровня экономической стабильности в регионе. Набирает остроту проблема некомпетентности властей, на что в 2013 г. указало в 3 раза больше респондентов, чем в 2011 г. Все это указывает на неэффективность принимаемых властями различного уровня решений.

Таблица 1

Оценки наиболее важных, по мнению населения, проблем Мурманской области в 2011-2013 гг., %

	2011	2012	2013
Неудовлетворительное качество инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и т.д.)	31,6	35,9	49,5
Коррупция, взяточничество	12,1	16,1	35,3
Плохая экология, загрязнение окружающей среды	28,2	30,6	32,1
Инфляция (постоянный рост цен)	47,8	36,0	31,9
Экономическая нестабильность	15,6	12,7	27,7

Низкий уровень жизни, бедность	26,7	28,1	26,0
Недоступность здравоохранения, низкое качество медицинских услуг	21,6	24,9	23,0
Социальная незащищенность граждан	22,6	19,9	21,8
Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	18,7	18,8	21,8
Рост алкоголизма	27,9	29,4	21,8
Некомпетентность властей	7,3	11,4	21,6
Обеспеченность жильем, низкая доступность жилья	24,0	23,3	18,4
Высокий уровень преступности	19,4	17,4	18,1
Увольнения персонала, безработица	14,9	9,6	17,4
Низкая продолжительность жизни, сокращение численности населения	14,4	16,0	16,9
Бездуховность, разгул безнравственности	13,4	14,7	13,7
Несправедливое налогообложение	7,3	8,8	6,9
Недоступность образовательных услуг, низкое качество образования	7,1	8,0	6,9
Притеснения на национальной почве, межнациональная рознь	3,9	3,4	3,9

В целом произошло ухудшение оценок экономической политики, как руководства Мурманской области, так и местной власти: около 50% респондентов оценили экономическую политику руководства в регионе в 2013 году как отрицательную, на уровне муниципальных образований этот показатель чуть больше – около 57%. Ухудшение оценок наблюдается практически во всех сферах жизнедеятельности. Невозможность повлиять на сложившуюся ситуацию и на принятие управленческих решений в своем городе сформировало на протяжении последних трех лет тенденцию роста недоверия к власти.

В сфере здравоохранения также существует множество проблем, связанных с халатностью и непродуманностью осуществления процессов оптимизации, с отсутствием необходимого медицинского персонала, оборудования, нерешенностью логистических вопросов транспортировки пациентов и рядом других.

Социально-экономические аспекты развития северного региона охватывают и ряд вопросов относительно системы образования и профессионального обучения, охраны здоровья и поддержки физиологической (трудовой и социальной) активности людей, других социальных расходов, а также создания и развития социальной инфраструктуры и социально-культурной сферы.

Анализ общей структуры расходов консолидированного бюджета РФ на социально-культурные мероприятия с 2004 г. по 2012 г. показал сокращение расходов на образование с 40,0% до 19,7%. Запланированные расходы федерального бюджета на образование составят 0,91% ВВП в 2013 году, 0,74% ВВП - в 2014 г. и 0,69% ВВП - в 2015 году.

Следует отметить, что расходы федерального бюджета на общее образование в абсолютных цифрах сокращаются с 67,4 млрд. руб. в 2013 г. до 19,3 млрд. руб. в 2014 г. и до 19,0 млрд. руб. в 2015 году.

Как известно, общее образование финансируется на муниципальном уровне, при этом из региональных бюджетов в муниципальные поступают субвенции на заработную плату учителей и учебные расходы. А это означает, что предусмотренное сокращение расходов федерального бюджета на общее образование приведет к росту нагрузки на бюджеты субъектов Федерации.

Очевидно, что государственная поддержка образовательного процесса определяет конкурентные преимущества сферы образования, что, несомненно, положительно влияет на эффективность образовательного процесса и на социально-экономическую ситуацию в стране.

Образовательный уровень населения – одна из важнейших характеристик развития социального потенциала в регионе, определяющая его конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность. Повышение образовательного уровня населения требует длительного времени и значительных финансовых вложений.

Мурманская область – один из старообжитых регионов Севера РФ, где 62,5% населения (523,2 тыс. чел.) проживает в зоне Арктики [4]. Это один из наиболее урбанизированных северных регионов РФ, где 92% населения проживает в городах. На начало 2012 г. система образования Мурманской области была представлена всеми уровнями образования и видами образовательных учреждений. В области работают 304 дошкольных образовательных учреждения, 200 общеобразовательных школ, 11 учреждений начального профессионального образования, 28 учреждений среднего профессионального образования, 29 учреждений высшего профессионального образования.

Финансирование муниципальных образовательных учреждений по типам, видам и категориям (за исключением расходов на содержание зданий и коммунальных расходов) осуществляется из средств областного бюджета путем предоставления субвенций, на основе региональных нормативов финансирования, и из местных бюджетов, на основе муниципальных нормативов финансирования.

Финансовое обеспечение муниципальных нормативов финансирования муниципальных образовательных учреждений в части, превышающей региональные нормативы финансирования, осуществляется за счет средств местных бюджетов.

Однако развитие региональной системы образования области ограничивается наличием ряда проблем, к основным из которых относятся: недостаточная обеспеченность образовательных учреждений материальными и финансовыми ресурсами, невысокая эффективность работы учреждений общего образования по профессиональной ориентации.

В этих условиях реформа системы образования становится неэффективной и, вероятно, таковой останется, пока не будут четко определены приоритеты государственной экономической политики. По нашему убеждению, на 99% причины проблем, которые испытывает сфера образования, находятся за ее пределами. Эти причины – экономические. В инновационной экономике образование начинает играть на опережение, создавая кадровый задел для быстро развивающихся секторов экономики и способствуя созданию новых. А если о высоких технологиях и инновациях ведутся только разговоры, то система образования не получает нормального импульса к развитию [3].

Качество здравоохранения также оказывает существенное влияние на повышение конкурентоспособности региона. Уже сейчас жители Мурманской области столкнулись с проблемой нехватки кадров медицинского персонала, врачей. Во многих муниципальных образованиях отсутствует возможность прохождения медицинского обслуживания по месту жительства, обеспеченные граждане отправляются на лечение за пределы Мурманской области и страны. Такие страны как Финляндия и Норвегия уже предлагают свои услуги в сфере здравоохранения нашим гражданам. Это свидетельствует о серьезных проблемах, с которыми сталкивается в настоящее время Мурманская область.

Опросы показывают, что проблема низкого качества здравоохранения беспокоит жителей Апатитов, Кандалакши, Оленегорска, закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), что, к сожалению, происходит на фоне проводимой модернизации сфер здравоохранения и образования, декларативно ориентированной на позитивные изменения. Низкое качество и труднодоступность медицинской помощи негативным образом сказываются на уровне здоровья жителей Мурманской области. На уровень здоровья оказывает влияние и неблагоприятная ситуация в сфере социально-экономического развития, неблагоприятная экологическая ситуация, а также непосредственно негативные тенденции в развитии системы здравоохранения в последние годы.

Очевидным является и то обстоятельство, что устойчивое социально-экономическое развитие региона зависит от социальной стабильности в целом. Социальная стабильность определяется как сложная система, поддерживающая качественные условия жизнедеятельности людей, их материальное благополучие, а также уверенность в завтрашнем дне. Сохранение

стабильности невозможно без противодействия внешним и внутренним угрозам. К внутренним угрозам можно отнести рост алкоголизма и наркомании, рост коррупции и некоторые другие проблемы [2].

Социально-экономическое развитие Мурманской области определяется также наличием множества монопрофильных поселений, включающих города горнодобывающего комплекса с крупными градообразующими предприятиями и ЗАТО оборонного назначения. Они характеризуются узкой специализацией деятельности, что затрудняет процесс формирования естественных условий для развития [1].

Следует также отметить, что социально-экономическое развитие Мурманской области во многом определяется и возможностями удовлетворения основных потребностей населения, что неразрывно связано с процессом повышения уровня и качества жизни жителей. А это, в свою очередь, отражается на качестве воспроизведенных социальных, экономических и организационно-управленческих ресурсов городов Севера. Кроме того, развитие социального потенциала также является признаком устойчивого социально-экономического развития региона.

В целом, социологические опросы последних лет показывают, что назрела необходимость создания такой системы социально-экономического устройства, которая открывала бы простор для всестороннего совершенствования каждого жителя, проживающего в сложных климатических условиях. Единого рецепта построения такой системы не существует, и при заметном нарастании общности главных направлений и многих форм экономического и социального развития каждый регион создает и реализует свою модель, отражающую его специфику. Мурманская область не может быть исключением из общего правила и должна выработать собственную доктрину, стратегию и модель социально-экономического развития в целях сбережения и развития социального потенциала.

Таким образом, основой социально-экономического развития северного региона должно стать формирование социального потенциала как совокупности социальных, экономических и организационно-управленческих ресурсов, обеспечивающих устойчивое развитие муниципальных образований, что позволит вывести регион на конкурентоспособный уровень, в том числе и в международном пространстве.

Литература

1. Гущина И.А., Довиденко А.В. Некоторые аспекты социальной жизни в малых городах северного региона// Север и рынок: формирование экономического порядка №2 (28) 2011, С. 80
2. Гущина И.А., Положенцева О.А. Влияние кризиса на уровень социальной стабильности в Мурманской области// Север и рынок: формирование экономического порядка №2 (28) 2011, С. 84
3. Клячко Т. «Образование в России: основные проблемы и возможные решения»./ М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2013. С. 34
4. Муниципальные образования Мурманской области Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2012 – 194 с.

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Коровкин А.Г., д.э.н., зав. лаб.

Единак Е.А., м.н.с.

* Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН №31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

Состоянии и перспективы развития рынка труда – ключевые моменты социально-экономического состояния региона, которые определяют актуальность постановки и решения задач по анализу сложившейся на рынке труда ситуации и оценке перспективной динамики его основных параметров.

Для решения первой из поставленных задач, используя данные отчетных балансов трудовых ресурсов по Мурманской области, охарактеризуем динамику численности отдельных его позиций а также сдвиги в структуре его распределительной и ресурсной частей.

Для решения второй, прогнозной задачи, целесообразно исследовать возможные изменения основных параметров баланса трудовых ресурсов в предположении, например, о сохранении основных тенденций, сложившихся в предшествующий период. Такой подход к моделированию параметров сферы занятости и рынка труда оправдан, поскольку для экономики России и ее регионов характерна высокая степень инерционности происходящих социально-экономических процессов, и уже неоднократно апробирован нами [1-4].

Численность трудовых ресурсов Мурманской области последовательно сокращалась на протяжении всего рассматриваемого периода с 1990 г. (табл. 1). В 2011 г. она составила 538 тыс. человек, в 2012 г. – 534,5 тыс. человек. Неравномерность сокращения численности трудовых ресурсов можно проиллюстрировать следующим образом: за 1990-2000 гг. она сократилась на 7,7%, а за 2001-2011 г. - еще почти на 19%.

Таблица 1

Изменение численности трудовых ресурсов и трудоспособного населения в трудоспособном возрасте в Мурманской области, базисные темпы роста, в % к 1990 г.

	1995	2000	2005	2009	2010	2011
Трудовые ресурсы	95,2	92,3	83,1	80,3	79,4	73,8
Трудоспособное население в трудоспособном возрасте	89,7	83,5	80,4	76,5	75,6	69,4

В структуре трудовых ресурсов по источникам формирования более 90% приходится на трудоспособное население в трудоспособном возрасте. Соответственно, сокращение именно этой категории населения и вносит определяющий вклад в уменьшение численности трудовых ресурсов области. В свою очередь, сокращение численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте объясняется уменьшением численности населения в трудоспособном возрасте, которое имело место на протяжении всего рассматриваемого периода, в отличие от ситуации в РФ в целом, где падение численности населения в трудоспособном возрасте началось с 2007 г., а до этого периода, напротив, отмечался ее рост. Более подробный анализ демографических показателей представлен, например, в [5, 6].

С некоторой долей условности можно выделить три разных по своим тенденциям периода изменения численности занятого в экономике Мурманской области населения. Первый (1990-1999 гг.) – этап интенсивного сокращения численности занятого населения: она уменьшилась почти на 150 тыс. чел. Во время второго периода (2000-2006 гг.) численность занятого населения увеличилась на 5,5%, или на 22 тыс. чел. В целом, тенденция роста численности занятого населения в области носила весьма умеренный характер и достаточно быстро исчерпала себя. Наконец, в 2007-2011 гг. в сфере занятости вновь наблюдаются негативные тенденции, численность занятого населения сократилась на 18 тыс. чел. Таким образом, это сокращение нивелировало практически весь прирост занятости предыдущего периода.

Динамика численности безработного населения носит противоположный, по отношению к изменению численности занятого населения, характер. С 2008 г. по 2011 г. безработица на региональном рынке труда выросла на 30%. Несмотря на это, в 2008-2011 гг. постоянно увеличивалась численность иностранных трудовых мигрантов на областном рынке труда, хотя удельный вес иностранной рабочей силы в общей численности занятого населения относительно невысок (около 1%). На ретроспективном периоде происходят и заметные изменения в структуре

занятого населения по видам экономической деятельности, поскольку тенденции изменения численности занятого населения по разделам существенно отличаются. Так, в 7 разделах ОКВЭД численность занятого населения за рассматриваемый период значительно увеличилась, а в пяти, наоборот – сильно сократилась (если под значительным изменением понимать рост или падение значений показателя на 10% и более).

При оценке перспективной динамики показателей сферы занятости и рынка труда учитывалось влияние тенденций двух базовых периодов: 1998-2011 гг. (вариант 1) и 2002-2011 гг. (вариант 2).

Ключевым фактором, определяющим перспективное сокращение трудовых ресурсов региона, остаются неблагоприятные демографические тенденции. Согласно среднему варианту демографического прогноза Росстата, который использован нами в расчетах, численность населения в трудоспособном возрасте к 2020 г. сокращается по сравнению с 2011 г. почти на 100 тыс. человек, или на 18,7%. Только в среднесрочной перспективе (к 2015 г.) численность населения в трудоспособном возрасте сократится на 9%. По прогнозу, в 2020 г. численность населения Мурманской области в трудоспособном возрасте будет составлять только 55% от своей величины в 1990 г.

Численность трудовых ресурсов области на прогнозном периоде сокращается по обоим вариантам, причем более интенсивно – в соответствии с вариантом 2 (то есть для тенденций 2002-2011 гг.). По 1 варианту численность трудовых ресурсов сокращается к 2020 г. на 6,3%, или на 34 тыс. чел. При 2 варианте численность трудовых ресурсов сократится на 54 тыс. человек, или на 10%. (табл. 2). Численность занятого в экономике области населения сократится, в зависимости от варианта, на 2,5-4,3%.

Таблица 2

Оценка перспективной динамики показателей баланса трудовых ресурсов Мурманской области в % к 2011 году

показатель	годы					
	2012	2013	2014	2015	2016	2020
<i>Базовый период 1998-2011 гг.</i>						
Трудовые ресурсы	99,6	99,1	98,5	97,8	97,0	93,7
Занятые в экономике, всего	100,1	100,1	100,0	99,8	99,5	97,6
Учащиеся в трудоспособном возрасте, обучающиеся с отрывом от работы	100,5	99,8	99,0	98,2	97,2	92,5
Трудоспособное население в трудоспособном возрасте, не занятое в экономике и системе образования	100,4	101,4	102,0	102,1	101,7	97,3
Безработные	92,7	86,0	80,0	74,5	69,4	53,1
Иностранцы	97,7	96,0	94,9	94,5	94,7	101,3
<i>Базовый период 2002-2011 гг.</i>						
Трудовые ресурсы	99,1	98,0	97,0	95,9	94,8	90,0
Занятые в экономике, всего	100,0	99,8	99,5	99,1	98,5	95,7
Учащиеся в трудоспособном возрасте, обучающиеся с отрывом от работы	98,1	95,3	92,5	89,6	86,8	75,9
Трудоспособное население в трудоспособном возрасте, не занятое в экономике и системе образования	91,0	84,1	77,9	72,2	67,2	51,2
Безработные	97,3	94,6	91,9	89,2	86,5	76,3
Иностранцы	99,6	99,1	98,5	97,8	97,0	93,7

Сокращается и численность остальных категорий трудовых ресурсов. Так, например, численность учащихся по варианту 1 сократится на 8,4%, а по варианту 2 – почти на 25%. Это связано с тем, что 2 вариант учитывает тенденции 2002-2011 гг., а с 2004 г. численность учащихся в трудоспособном возрасте в области постоянно сокращалась. Вариант 1 учитывает тенденции более продолжительного периода, в том числе и то время, когда отмечался рост соответствующего показателя, поэтому на прогнозном периоде по

варианту 1 ожидается более умеренная динамика сокращения численности учащихся. Численность безработного населения сокращается в соответствии с обоими вариантами, однако темпы сокращения также весьма различны. В соответствии с тенденциями периода 1998-2011 гг. численность безработного населения в перспективе до 2020 г. уменьшится на 47%, в то время как, если сохранятся тенденции 2002-2011 гг., безработица к 2020 г. уменьшится только, примерно, на четверть. В перспективе будет претерпевать изменения и структура занятого населения по видам экономической деятельности.

Полученные результаты можно сопоставить с региональными проектировками. В настоящее время проблемам определения перспектив экономического развития, в том числе и в части развития социальной сферы, на федеральном и региональном уровне уделяется достаточно много внимания. Хотя, принятое на государственном уровне решение о разработке прогноза баланса трудовых ресурсов носит в отношении субъектов Российской Федерации все еще рекомендательный характер, в соответствии с постановлением Правительства Мурманской области от 06.07.2012 № 330-ПП в регионе разработан прогноз баланса трудовых ресурсов на 2013-2015 гг. В начале 2014 г. на сайте регионального управления Государственной службы занятости населения были также опубликованы результаты разработки прогноза баланса трудовых ресурсов на 2014-2016 гг. За основу была взята методика, утвержденная Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Таким образом, для 2012-2016 гг. появляется возможность сопоставления результатов прогнозных оценок, полученных нами по вариантам 1 и 2, и региональных проектировок (рис. 1-2). Далее в тексте и на рисунках – вариант 3 (данные из прогноза баланса на 2013-2015 гг.), вариант 4 (данные из прогноза баланса на 2014-2016 гг.).

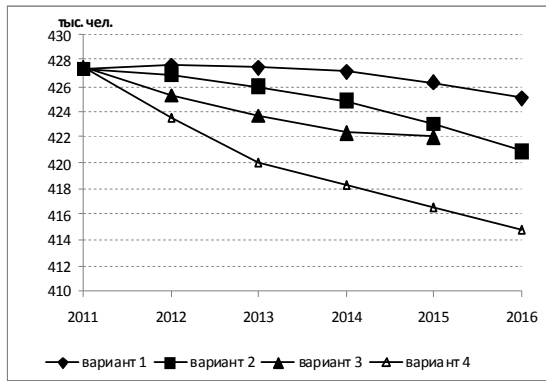

Рис. 1. Оценка перспективной численности занятого населения Мурманской области по вариантам, тыс. чел.

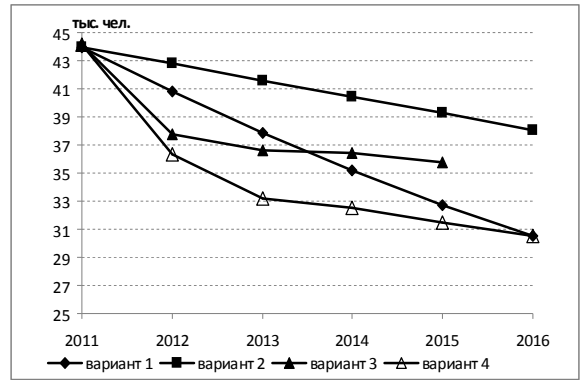

Рис. 2. Оценка перспективной численности безработного населения Мурманской области по вариантам, тыс. чел.

Перспективные оценки в целом схожи в части общих тенденций изменения численности трудовых ресурсов, численности занятого и безработного населения. Однако количественные оценки по вариантам заметно отличаются. При этом видно, что современные и прошлогодние проектировки существенно отличаются друг от друга. Примечательной особенностью этих изменений является то, что как численность занятого, так и численность безработного населения скорректированы в меньшую сторону, то есть сокращение безработицы будет происходить, прежде всего, за счет ухода населения с рынка труда. Так, если ранее региональные проектировки динамики численности трудовых ресурсов (вариант 3) находились между двух вариантов, то вариант 4 исходит из опережающего, по сравнению с другими вариантами, сокращения численности трудовых ресурсов. Сравнение прогнозных оценок по численности занятого населения показывает, что к оценкам из прогноза баланса трудовых ресурсов более близок 2 вариант. При этом можно видеть, что региональные проектировки исходят из меньшей численности занятого населения.

Для численности безработного населения количественные оценки по 1 и 3 вариантам близки, особенно в 2013-2014 гг. Однако если варианты 1 и 2, как было сказано выше, исходят из гипотезы планомерного (но в зависимости от варианта более или менее интенсивного) сокращения численности безработного населения, то вариант 3 предполагал фактическую стабилизацию численности безработных в среднесрочном периоде на уровне 35-37 тыс. чел. В совокупности с сокращением численности занятого населения это означало сохранение на весь период достаточно высокого уровня общей безработицы – около 8%. В прогнозе баланса на 2014-2016 гг. (вариант 4) заложена другая гипотеза: численность безработного населения сокращается за 2012-2016 гг. на 8%. Как видно из рисунка, наши оценки общего сокращения численности безработного по варианту 1 и региональные проектировки (вариант 4) фактически совпадают, однако динамика по годам различается достаточно сильно. Отметим, что даже в соответствии с самым оптимистичным вариантом уровень безработицы в среднесрочном периоде остается высоким (около 7%).

Литература

1. Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Королев И.Б., Подорванова Ю.А., Полежаев А.В. Занятость и рынок труда в России: проблемы и ограничения // Проблемы прогнозирования. - 2005. - № 5
2. Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда в РФ в перспективе до 2030 г. // Проблемы прогнозирования. - 2013. - №4
3. Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Королев И.Б. Последствия инерционного развития трудового потенциала РФ // Проблемы прогнозирования. - 2011. - № 6
4. Макроэкономическая оценка состояния сферы занятости и рынка труда в России 2010-2025 годов // Коровкин А.Г. и др. – М.: МАКС Пресс, 2011

5. Ревич Б.А., Харькова Т.Л., Кваша Е.А., Богоявленский Д.Д., Коровкин А.Г., Королев И.Б. Демографические процессы и здоровье населения в контексте человеческого развития на арктических территориях (на примере Мурманской области) // Российский север: перспективы, долгосрочные прогнозы, управление рисками. Сборник материалов IX Северного социально-экономического конгресса, 26-28 сентября 2013 года. – Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2013
6. Ревич Б.А., Харькова Т.Л., Кваша Е.А., Богоявленский Д.Д., Коровкин А.Г., Королев И.Б. Социально-демографические ограничения устойчивого развития Мурманской области // Проблемы прогнозирования. - 2014. - № 2. (в печати)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ЛИЦЕНЗИРОВАНИИ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Корчак Е.А., к.э.н., доц.

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН, г. Апатиты

Один из основных акторов устойчивого¹⁴ развития северных местных сообществ – горнодобывающая компания как совокупность производств, расположенных на территории местного сообщества, и предназначенных для разведки, добычи и переработки минерально-сырьевых ресурсов [2], влияющая на все аспекты жизнедеятельности местного сообщества.

Горнодобывающая промышленность Мурманской области – один из главных факторов экономического роста и социального развития региона: в 2011 г. в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости региона «добыча полезных ископаемых» составила 18,9% [3]. Среди основных полезных ископаемых региона – апатит (Хибинские месторождения апатит-нефелиновых руд, Ковдорское месторождение), железные руды (Оленегорское и Ковдорское месторождения), медно-никелевые руды (Печенгская и Мончегорская группы месторождений) и редкоземельные металлы (Ловозерское месторождение). Предприятия горнодобывающей отрасли региона – градообразующие: горно-химический комплекс ОАО «Апатит» (г. Кировск, численность населения города - 28 тыс. чел.), производственный комплекс ОАО «Кольская ГМК» (комбинат Североникель в г. Мончегорске (44 тыс. чел.) и комбинат Печенганикель в п.г.т. Никель (12,8 тыс. чел.) и в г. Заполярный (15,6 тыс. чел.)), горно-химический комплекс ОАО «Ковдорский ГОК» (г. Ковдор - 18 тыс. чел.), горно-обоганительный комплекс ООО «Ловозерский ГОК» (п.г.т. Ревда - 8 тыс. чел.).

Поселок городского типа Ревда (административный центр городского поселения Ревда Ловозерского района Мурманской области) – особый тип северного местного сообщества, характеризуемый монопрофильным характером экономики. К числу основных современных характеристик социально-экономического развития п.г.т. Ревда относятся:

- недостаток и высокий уровень износа жизнеобеспечивающей инфраструктуры [4]. В отраслях социальной сферы поселения основные проблемы – это низкий уровень обеспеченности предприятиями сферы услуг, спортивными учреждениями, гостиницами; недостаточное

* Исследование проводится в рамках международного проекта «Устойчивая горная промышленность, местные сообщества и экологическое законодательство в регионе Коларктик (SUMILCERE)» по Программе трансграничного сотрудничества Kolarctic в сотрудничестве с Университетом Лапландии (Финляндия), Техническим университетом г. Лулео (Швеция) и Норвежским исследовательским университетом NORUT (Норвегия). Координатор проекта с российской стороны – Ключникова Е.М. (ФГБУН Институт проблем промышленной экологии Севера КНЦ РАН).

¹⁴ Сбалансированного социально-эколого-экономического развития, предполагающего рациональное природопользование (устойчивую эксплуатацию ресурсов, развитие инфраструктуры и обеспечение участия населения в реализации крупномасштабных проектов), защиту окружающей среды (ограничение негативного воздействия на окружающую среду и сохранение биоразнообразия), человеческое измерение (проведение активной политики занятости и повышения благосостояния населения) [1].

финансирование для укрепления материально-технической базы и проведения капитального ремонта учреждений сферы образования. В сфере ЖКХ – отсутствие модернизации и реконструкции многоквартирных домов; высокая стоимость жилищно-коммунальных услуг, ведущая к росту задолженности населения и невозможности аккумулировать средства для проведения капитальных ремонтов; низкая энергоэффективность жилищного фонда; полный износ тепловых сетей; изношенность городских линий электропередач; неудовлетворительное качество питьевой воды из-за поверхностного источника водоснабжения и отсутствия очистных сооружений и т.д. [4, 5];

- п.г.т. Ревда по состоянию окружающей среды входит в число муниципальных образований с неблагоприятной экологической обстановкой. Поверхностные воды испытывают значительные нагрузки от сбросов шахтных вод и водоотведения горно-обогатительного комбината ООО «Ловозерский ГОК». В водных объектах района, даже удаленных от горнодобывающего предприятия (река Поной), круглогодично наблюдается превышение предельно допустимых концентраций фторидов и тяжелых металлов - меди, железа, марганца и цинка. Качество питьевой воды в поселении не удовлетворяет санитарно-гигиеническим требованиям, технологическая схема очистки не обеспечивает качество очищенных сточных вод в соответствии с современными нормативными требованиями [4, 5];

- снижение численности постоянного населения и неудовлетворительный уровень материального благосостояния населения, продуцируемый, в основном монопрофильным характером экономики п.г.т. Ревда – нестабильным экономическим положением градообразующего предприятия. В поселении сложился один из самых низких уровней жизни в Мурманской области и самых высоких уровней безработицы. Среднемесячная заработная плата в 2012 г. составила 21941,2 руб. или 67,4% от средней по области, в т.ч. в сфере добычи полезных ископаемых – 20944,9 руб.; соотношение среднемесячной заработной платы и прожиточного минимума трудоспособного населения, соответственно, 2,35 (при среднеобластном уровне в 3,46) и 2,24, соответственно. В 2012 г. на градообразующем предприятии были выявлены случаи начисления заработной платы на уровне ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения (в октябре-ноябре 2012 г. у ряда работников зарплата составила 9080 руб. при величине регионального прожиточного минимума трудоспособного населения в 9534 руб.) [6]. На 01.01.2013 г. уровень регистрируемой безработицы составил 2,5% (общей – 5,7%) при среднеобластном уровне в 1,3%.

На основе проведенных автором в п.г.т. Ревда полевых исследований (июль 2013 г.), направленных на выявление возможностей участия населения в различных стадиях развития градообразующего горнодобывающего предприятия, сделан вывод о том, что фактически местное население не имеет возможностей участия в обсуждении и реализации проектов горнодобывающего предприятия, расположенного на территории поселения, в силу ограниченного участия ООО «Ловозерский ГОК» в жизнедеятельности местного сообщества. Несмотря на то, что у местного населения сложилось в целом положительное отношение к ООО «Ловозерский ГОК», участие предприятия в жизнедеятельности местного сообщества ограничено деловой практикой в отношении собственного персонала (занятость и заработная плата). Как таковое «взаимоотношение с местным сообществом» отсутствует – предприятие имеет низкую степень информационной открытости и не взаимодействует с местным сообществом. Сложившаяся ситуация сопровождается повышенным риском функционирования горнодобывающего предприятия для окружающей среды – деградацией природной среды, техногенными катастрофами, и, как итог, - рисками здоровью населения. В частности, по мнению представителей органов местного самоуправления поселения, такие риски связаны с несоблюдением природоохранных мероприятий и норм разработки недр и определяются наличием или отсутствием очистки водоотливов, рекреацией использованных земель, безопасными условиями добычи.

Таким образом, актуальность вопроса устойчивого развития северных местных сообществ в России определяется, в первую очередь, социальными проблемами, связанными с

функциональной спецификой населенных пунктов в дискомфортных природно-климатических условиях (демографическими изменениями, проблемами коренных народов Севера, снижением уровня здоровья местного населения, «репрессиями» (угрозы увольнения, снижение уровня оплаты труда) [7, 8], усилением социального неравенства и т.д.), и такими экологическими проблемами, как загрязнение атмосферного воздуха, воды, земель, лесов.

Современный вектор развития горнодобывающих компаний во всем мире – это стратегия устойчивого развития в контексте основных целей производственной деятельности [3] во взаимодействии с местным сообществом. Эффективный инструмент такого взаимодействия – социальное лицензирование деятельности горнодобывающих предприятий, особенно широкое применение получившее на Севере Канады.

В Канаде вклад горнодобывающей промышленности в ВВП в 2011 г. составил 35,6 млрд. долларов; на отрасль приходится более 22% экспорта и 9 млрд. долларов налогов и роялти, более 590 млн. долларов инвестировано в научные исследования и разработки (канадская горнодобывающая промышленность – мировой лидер в сфере инвестиций и инноваций) [9]. Предприятия горнодобывающей промышленности северной Канады – лидеры в сфере корпоративной социальной ответственности [9], основными элементами которой являются программы содействия занятости молодежи и привлечения работников пенсионного возраста к наставничеству, программы обучения и профессиональные стандарты, развитие взаимовыгодного партнерства с коренными народами (по вопросам образования, обучения и занятости). Горнодобывающая промышленность северных территорий Канады стимулирует и поддерживает экономический рост как в крупных городских центрах, так и в отдаленных сельских общинах (предприятия отрасли – основные работодатели коренных народов).

Управлению и оценке экологической и социальной составляющей деятельности горнодобывающих компаний Канады содействует отраслевая программа Towards Sustainable Mining (TSM) [9], участие в которой является главным условием членства в Горной ассоциации Канады (MAC), продвигающей интересы отрасли на национальном и международном уровне. Цель деятельности MAC – устойчивое развитие горнодобывающей отрасли во взаимодействии с федеральным правительством, правительствами территорий и провинций и местным сообществом [9].

Основным элементом устойчивого развития горнодобывающей промышленности северной Канады выступает социальная лицензия на право осуществления деятельности на условиях вовлечения местного сообщества (информационная открытость и реакция на потребности и проблемы местного сообщества) и минимизации воздействия на окружающую среду и биоразнообразие через все стадии развития горнодобывающего предприятия (от разведки до закрытия рудника). Один из примеров социального лицензирования деятельности горнодобывающих предприятий северных территорий Канады – социально-экономические соглашения горных предприятий («Ekati Diamond Mine», «Diavik Diamond Mine», «Prairie Creek Mine» и «Meadowbank Gold Mine») и территориальных правительств Нунавут и Северо-Западных территорий [10], цель которых состоит в обеспечении эффективного взаимодействия между горнодобывающим предприятием, населением, общинами коренных народов и территориальным правительством в процессе осуществления горнодобывающей деятельности. Основные принципы такого взаимодействия [10] – общее видение социально-экономического развития и максимизация трудового потенциала местного сообщества, диверсификация экономики и соблюдение прав, обычаев и интересов коренных народов, информационная открытость и постоянный мониторинг результатов деятельности предприятия и их воздействия на социально-экономическое развитие местного сообщества, ответственное использование минерально-сырьевой базы и минимизация воздействия деятельности предприятия на окружающую среду.

В соответствии с Генеральным планом муниципального образования «Городское поселение Ревда»¹⁵ устойчивое развитие п.г.т. Ревда предполагает развитие основных секторов местной экономики и рациональное использование ресурсов, повышение уровня жизни и обеспечение комфортных условий проживания местного населения, а также достижение долговременной экологической безопасности поселения [11]. ООО «Ловозерский ГОК» - центральный субъект в обеспечении не только экономической, но и социальной составляющей устойчивого развития п.г.т. Ревда: по мнению жителей поселения основными, помимо преимущественного трудоустройства местных жителей, обязательствами горнодобывающего предприятия должны являться направление части прибыли предприятия в специальные внебюджетные (рентные) фонды и финансирование объектов социальной инфраструктуры поселения. При этом со стороны органов местного самоуправления и региональных органов власти должен осуществляться контроль над деятельностью таких предприятий в рамках обеспечения экологической составляющей устойчивого развития поселения, поскольку, в силу специфики горнодобывающей промышленности, существует риск для окружающей среды, который, в частности, может проявиться в снижении уровня здоровья населения, угрозе безопасности населения (вследствие техногенной катастрофы) и деградации природной среды в целом.

Таким образом, поскольку ООО «Ловозерский ГОК» является ведущим актором социально-экономического развития поселения (и всего Ловозерского района), устойчивое развитие – главная цель горнодобывающего предприятия (заинтересованного в получении прибыли), достижение которой предполагает взаимодействие не только с органами государственной власти и местного самоуправления (заинтересованными в налоговых сборах и улучшении показателей социально-экономического развития) [2], но и с населением (заинтересованным в развитии инфраструктуры поселения, наличии рабочих мест и благоприятной окружающей среде) посредством получения социальной лицензии на право осуществления производственной деятельности.

Литература

1. Корчак Е.А. Государственные стратегии зарубежных северных стран в Арктике // ЭКО – № 6, 2013. – С. 149-160
2. Горная промышленность. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.miningexpo.ru/>
3. Национальные счета [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: сайт. - URL: <http://www.gks.ru/>
4. Комплексный инвестиционный план модернизации монопрофильного городского поселения Ревда Ловозерского района Мурманской области [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Мурманской области: сайт. - URL: <http://mynec.gov-murman.ru/>
5. Доклады о состоянии и охране окружающей среды Мурманской области в 2009, 2010, 2011 годах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://priroda.gov-murman.ru/opencms/export/sites/compriroda/content/galleries/OOS/dokladi>
6. В ООО «Ловозерский ГОК» выявлены случаи начисления заработной платы ниже прожиточного минимума, установленного для трудоспособного населения [Электронный ресурс] // Государственная инспекция труда в Мурманской области: сайт. – URL: <http://git51.rostrud.ru/>
7. Горное дело – забота общая. Практическое руководство для граждан по решению местных экологических и социальных проблем во взаимодействии с органами власти и горнодобывающими компаниями. [Электронный ресурс]: URL: www.bsu.ru/content/hecadem/dop_tema_5/praktischer_leitfaden.pdf
8. Принципы деятельности в горнодобывающей отрасли. [Электронный ресурс]: URL: www.ebrd.com/downloads/policies/sector/mining-operations-policy-russian.pdf
9. The Mining Association of Canada: официальный сайт. – URL: <http://www.mining.ca/site/index.php/en/>

¹⁵ Инструмент территориального управления и регулирования взаимоотношений местного сообщества и горнодобывающего предприятия на территории п.г.т. Ревда [11].

10. Socio-Economic Commitments & Benefits [Электронный ресурс] // NWT & Nunavut Chamber of Mines: сайт. - URL: http://www.miningnorth.com/?page_id=1219
11. «Генеральный план МО городское поселение Ревда и п.г.т. Ревда» [Электронный ресурс] // Администрация и Совет депутатов городского поселения Ревда Ловозерского района: официальный сайт. - URL: <http://www.revda51.ru/>

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ СЕВЕРА И ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ*

**Логинов В.Г., д.э.н., доц., зав.сектором
Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург**

Процесс освоения и развития северных районов имеет свои особенности и связан с решением ряда важнейших взаимосвязанных друг с другом проблем:

- выполнением народнохозяйственных задач по обеспечению экономики страны конкурентоспособными природными ресурсами;
- принятием необходимых мер по созданию условий проживания и повышению жизненного уровня населения (коренного и пришлого) этих районов;
- обеспечением охраны окружающей природной среды;
- с созданием условий для социально-экономического развития и сохранения культуры коренных малочисленных народов Севера (КМНС).

В связи с последним тезисом для КМНС необходима разработка двух взаимосвязанных вариантов модели устойчивого развития. Первая модель – для районов с сохраняющимся традиционным природопользованием, вторая – для районов промышленного освоения. Реализация обеих моделей должна учитывать интересы коренных малочисленных народов.

Это обусловлено тем, что процесс освоения природно-ресурсного потенциала Российского Севера и Арктики напрямую затрагивает интересы коренных этносов, которые, несмотря на небольшую численность, расселены от Кольского полуострова до дальневосточных рубежей, от Северного Ледовитого океана и до южных границ Сибири и Дальнего Востока. Они проживают в 7 республиках, 4 краях, 10 областях и 4 автономных округах.

Основой экономики Севера на протяжении столетий были традиционные отрасли. В настоящее время, несмотря на их некоторую модернизацию, они сохранили, в различной степени, свою архаичность. На основе этих отраслей (оленоводства, охоты, собирательства и рыболовства) коренные народы Севера смогли успешно адаптироваться в суровых климатических условиях, обеспечив симбиоз хозяйства с окружающей природной средой.

Для своего развития эти экстенсивные отрасли требовали обширных площадей, в пределах которых мог постоянно воспроизводиться используемый в хозяйственных целях природно-ресурсный потенциал. Человек брал от природы только самое необходимое, чтобы обеспечить свое существование.

Промышленное и транспортное освоение северных и арктических районов, особенно интенсивно идущее с 1970-х гг., вошло в противоречие с развитием отраслей традиционного комплекса, захватывая и загрязняя территории хозяйственной деятельности и места проживания коренного населения. Данные противоречия связаны с особенностями функционирования и взаимодействия традиционных и техногенных отраслей.

С начала активного промышленного освоения природных ресурсов северной зоны доминирующими в экономике стали техногенные отрасли. В связи с этим освоение природных ресурсов Севера, а в настоящее время и Арктической зоны России, непосредственно затрагивает и

* Статья подготовлена в рамках Программы Президиума РАН №31 «Роль пространства в модернизации России», и Гранта РГНФ, проект №12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития».

будет затрагивать интересы коренного населения по поводу использования территорий их исконного проживания.

Законодательное закрепление приоритета прав малочисленных народов Севера на земельные участки противоречит интересам компаний-недропользователей. Возникшая при этом дилемма будет решаться в пользу техногенных отраслей, так как на государственном и отраслевом уровне лоббируются их интересы.

Тем не менее, только одно присутствие на этих территориях коренных народов затрудняет доступ к невозобновимым ресурсам. Это связано не только с компенсационными выплатами представителям коренных народов, но и с транзакционными издержками при предоставлении и отводе земельных участков для эксплуатации месторождений.

Особенно остро эти вопросы проявляются в районах разработки углеводородов, являющихся в настоящее время основой экономики страны и главного источника валютных поступлений. Дисперсно разбросанные месторождения нефтегазовых ресурсов, разветвленная сеть автодорог, трубопроводов, шламовых амбаров, выбросы в атмосферу источников сгорания попутных газов непосредственно и косвенно охватывают значительные территории традиционной деятельности КМНС, подрывая их ресурсную базу. Свою лепту в этих условиях вносит и аборигенное население. Так на Ямале лица, занимающиеся оленеводством, нещадно эксплуатируя кормовые ресурсы пастбищ, делают их непригодными для использования в результате перевыпаса.

На первый взгляд, казалось бы, *при огромных размерах территории Севера – около 12 млн кв.км – и небольшой численности коренных народов, здесь проживающих (около 250 тыс.чел.) интересы хозяйствующих техногенных субъектов и малочисленных народов не должны пересекаться так часто, как это происходит на практике.* Причина этого в природной взаимосвязи и приуроченности наиболее крупных запасов сырья и месторождений невозобновимых природных ресурсов, главным образом органического происхождения (нефти, газа, угля), к самым богатым по продуктивности биоценозам. Поэтому освоение природных ресурсов северных территорий, приуроченное к районам, обладающим значительным природно-ресурсным потенциалом, затрагивает интересы компактно и дисперсно проживающих на них коренных малочисленных народов Севера и оказывает негативное влияние на окружающую природную среду. Все это непосредственно сказывается на:

- социально-экономическом развитии коренных этносов;
- воспроизводстве возобновимых ресурсов, которые являются материальной базой традиционного хозяйствования и основой сохранения коренных этносов;
- экологическом состоянии территории.

В связи с этим, на предварительном этапе подготовки инвестиционных проектов в северных и арктических районах, необходимы:

- оценка природно-ресурсного и этносоциального потенциала территории;
- оценка влияния транспортного и промышленного освоения на экологическое состояние и здоровье проживающего здесь населения и на развитие отраслей традиционного хозяйствования;
- оценка возможных социально-экономических, экологических и финансовых рисков при создании новых предприятий и транспортных коммуникаций.

Освоение нефтяных, газовых и других месторождений, занимающих значительные площади, приводит к возрастанию конкуренции за северные земельные ресурсы. Этот факт определяет естественные пределы, в которых государство может пойти на удовлетворение претензий северных народов на передачу земель традиционного природопользования в собственность или в пользование.

Поскольку полезные ископаемые оказались на территории исконного проживания малочисленных коренных народов, то началось их вытеснение с традиционных промысловых

угодий и ограничение поля их хозяйственной деятельности. Таким образом, возникло одно из противоречий современного освоения Севера и Арктики.

В стране имеются три основополагающих закона, касающихся прав КМНС. В различной степени их права отражены в принятых кодексах и отдельных федеральных законах, указах Президента РФ, постановлениях Правительства РФ и других нормативных правовых актов. Но вместе с тем целостной системы защиты прав коренных народов не создано.

В данных документах имеются определенные противоречия и пробелы, для них характерны отсутствие подзаконных актов, не позволяющих реализовывать их в местах проживания КМНС. Развитие законодательства идет в сторону сокращения в нормативных актах отдельных статей, касающихся прав аборигенов. Декларативность отдельных статей правовых документов, которые не являются нормами прямого действия, требуют разработки и утверждения дополнительных положений регламентации правового режима. Ввод их в действие зависит от того, как скоро они будут приняты на федеральном уровне. Это является причиной того, что практически не реализуется Федеральный закон о территориях традиционного природопользования, несмотря на то, что с момента его принятия прошло уже более 12 лет. В результате природопользование коренных малочисленных народов Севера в районах интенсивной разработки топливно-энергетических ресурсов оказалось фактически вне правового поля. Представители этих народов не могут приобрести правового статуса субъектов территорий традиционного природопользования вследствие образовавшегося институционального разрыва между законодательно закрепленным правовым статусом и сложившейся фактической правовой практикой.

В период трансформации экономики самым важным моментом становится вопрос о собственности на землю и природные ресурсы в пределах районов традиционного проживания малочисленных народов Севера. Имеющиеся правовые прецеденты на уровне субъектов Федерации, выделяя эти категории земель в качестве территорий традиционного природопользования (ТТП) и родовых угодий, пока данную проблему не решили. На территориях, свободных от промышленной деятельности, проблема собственности на земельные и биологические ресурсы, если и возникает, то не имеет такой остроты, как в районах интенсивной эксплуатации минерально-сырьевых ресурсов, где развитие техногенных отраслей создает угрозу традиционным отраслям хозяйства, а значит и существованию малочисленных народов Севера как этноса.

В связи с тем, что законы и нормативные акты субъектов РФ не должны противоречить федеральным, внесены изменения и дополнения в ранее принятые нормативные региональные акты. Примером в этом отношении может служить Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, который, в данном случае, является модельной территорией, где в вопросах взаимоотношений коренных сообществ и недропользователей накоплен большой опыт. С другой стороны, требуется внесение дополнений в федеральные нормативные акты для реализации до сих пор не решенных проблем.

Столкновение интересов недропользователей и владельцев родовых угодий приводило и приводит к различным видам конфликтов. Выходом из сложившегося положения послужили экономические соглашения между владельцами родовых угодий и хозяйствующими субъектами, эксплуатирующими месторождения. В них, помимо компенсаций владельцам родовых угодий и общинам, предусматриваются требования органов местного самоуправления по социально-экономическому развитию территорий компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, обустройству населенных пунктов.

Процесс промышленного освоения, несмотря на снижение его масштабов по сравнению с советским периодом, охватывает все большую территорию вследствие разработки менее крупных по запасам, многочисленных месторождений углеводородов и других полезных ископаемых. На внутрорегиональном уровне (пример – ХМАО) постоянно идет процесс отработки ранее разведанных месторождений и освоение новых, который сопровождается ростом затрат и падением эффективности, связанных с эксплуатацией более мелких дисперсно разбросанных месторождений углеводородов. В ХМАО за период с 2004 г. по 1 октября 2013 года были введены в разработку 68 новых месторождений и в эксплуатацию 32 тыс. новых добывающих скважин, что составило 40% от их общего эксплуатационного фонда. Все это в значительной степени расширило деятельность нефтедобывающих предприятий, в ареалах традиционной деятельности

КМНС как в уже старых (восточные районы автономного округа), так и в районах нового освоения (Белоярский, и Ханты-Мансийский районы) [1].

Процессы транспортно-промышленного освоения и развития коренных малочисленных народов Севера оказались тесно взаимосвязаны, чем интенсивнее шел этот процесс, тем глубже было его воздействие на аборигенные народы.

Освоение природных ресурсов и развитие промышленного производства в районах традиционной деятельности аборигенных народов не только подорвали экономическую базу их существования, но и обусловили негативные социально-демографические и социально-культурные последствия. Они проявляются в сверхсмертности в трудоспособном возрасте в результате несчастных случаев и др. причин сокращения продолжительности жизни, роста алкоголизации населения, ассимиляционных и депопуляционных процессов, метисации и маргинализации. Сокращение площади их промысловых угодий обуславливает снижение их уровня жизни.

В связи с расширением освоения природных ресурсов Севера, необходимо разработать предложения по сохранению природной среды и традиционного образа жизни в ареалах проживания коренных народов в рамках данного процесса. Это, на наш взгляд, могут обеспечить следующие мероприятия:

- организация ТТП с выделением в них функциональных зон: особо охраняемых, буферных и возможных для хозяйственного освоения;
- разработка научно-обоснованных и утвержденных на федеральном уровне методических документов по определению ущерба природной среде и возобновимым природным ресурсам при разработке месторождений минерального сырья в пределах ТТП и на сопредельных территориях;
- создание институциональных рамок для обеспечения инновационного подхода природопользователей при разработке минеральных и лесных ресурсов, что позволит снизить ущербы окружающей среде при их освоении;
- обеспечение договорного процесса между пользователями ТТП и недропользователями, позволяющего обеспечить нахождение компромисса в отношении использования природных ресурсов территории.

С эколого-экономической точки зрения необходимо принятие нормативных правовых документов, в частности, методики по определению ущерба коренным малочисленным народам Севера при разработке природных ресурсов в ареалах их проживания. В нашем понимании платежи, взимаемые по такой методике, должны дополнять суммы компенсационных платежей, получаемых представителями коренных народов по экономическим соглашениям, то есть методика не должна отменять сложившиеся договорные отношения.

Так как процесс освоения природных ресурсов не остановить, возникает необходимость установления цивилизованных взаимоотношений между хозяйствующими субъектами и представителями коренных этносов в процессе недропользования и лесопользования. Основным моментом здесь является нахождение компромисса в рамках установившихся договорных отношений, который, с одной стороны, ограничивает излишние претензии коренного населения, и, с другой стороны, позволяет возмещать ему, при отторжении своих промысловых владений, в полной мере моральный и материальный ущербы.

Литература

1. Логинов В.Г., Мельников А.В. Этнические и институциональные аспекты освоения природных ресурсов Севера // Экономика региона. - 2013. - №1. - С.96-104

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Морозов А.А., аспирант

Институт экономики Карельского НЦ РАН, г. Петрозаводск

За последние годы интерес со стороны бизнеса к КСО (корпоративной социальной ответственности) значительно вырос. Прежде всего, это относится к крупным нефтегазовым и металлургическим компаниям. Важнейшим тормозом на пути утверждения КСО является ориентированность компаний на краткосрочную прибыль, а также отсутствие стабильной институциональной среды, что не позволяет предприятиям инвестировать в долгосрочные проекты (медицинское страхование работников, отчисления на улучшение условий труда и т.д.).

Многие российские корпорации уже начали внедрять принципы социальной ответственности в производственно-хозяйственную деятельность. Однако они используют их исключительно в личных целях, а не в интересах общества. Но имеется немало компаний, которые осознали эффективность системной социальной политики. Наиболее крупные из них расходуют на социальные цели до 17% прибыли [1].

Для успешного продвижения идей КСО в российскую бизнес-практику необходима благоприятная институциональная среда. Сложившаяся в России ситуация пока не в полной мере отвечает мировым стандартам. Вместе с тем есть определенные институциональные предпосылки, имеющие исторические корни и позволяющие говорить о некоем позитивном тренде.

Нормативно-правовая база берёт своё начало уже в XVIII веке, когда российская Коммерц-коллегия (центральное правительственное учреждение, созданное Петром I для покровительства торговле) начала издавать указы, регламентирующие правила торговли с иностранными купцами, а также принципы биржевой этики, предпринимались усилия по борьбе с нечестной торговлей. Распространенной практикой было общественное осуждение недобросовестных дельцов, что приводило к потере репутации и часто, как следствие, к их разорению.

В советскую эпоху государственные компании занимались многими социальными вопросами на территориях своего присутствия, выполняя практически все социальные функции - от предоставления жилья своим рабочим, до обеспечения жителей региона школами, больницами, бассейнами и футбольными стадионами [2].

Общие для предпринимателей правила поведения, основанные на опыте стран Европы, начали разрабатываться в российских деловых кругах примерно с середины 1990-х годов. Принят ряд профессиональных этических кодексов: «Кодекс чести банкира» (1992 г.), «Правила добросовестной деятельности членов профессиональной ассоциации участников фондового рынка» (1994 г.), «Кодекс чести членов Российской гильдии риэлторов» (1994 г.), «Кодекс профессиональной этики членов российского общества оценщиков» (1994 г.). Так же в этот период появились первые ассоциации работодателей – Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) [3], Координационный совет объединений работодателей России (КСОРР) [4], начался поиск профсоюзами своей позиции в новых условиях.

В ноябре 1995 г. была принята «Хартия бизнеса в России» по инициативе РСПП, в которой декларировались принципы, исключающие обман, фальсификацию качества, возможность получения незаконных доходов и т.д. Члены РСПП подчеркивали, что в российской деловой среде созрело «понимание того факта, что отечественному бизнесу нужны некие этические рамки, за пределами которых - беззаконие, попрание прав личности и, в конечном счете, крах экономики как системы цивилизованного обмена товарами, услугами и информацией» [5].

Так же благотворительная деятельность в России регулируется Федеральным законом № 135 принятым 11 августа 1995 г. «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Этот закон устанавливает основы правового регулирования благотворительной

деятельности, определяет возможные формы ее поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления, особенности создания и деятельности благотворительных организаций в целях широкого распространения и развития благотворительной деятельности в Российской Федерации. Кроме названного закона благотворительная деятельность регулируется соответствующими положениями Конституции (ст. 39) и Гражданского кодекса.

Следующим шагом стало принятие в 2002 г. Федеральной комиссией по рынку ценных бумаг «Кодекса корпоративного поведения». Положения Кодекса базируются на признанных в международной практике принципах корпоративного управления, разработанных Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Кодекс представляет собой свод рекомендаций, добровольных для выполнения и основанных на стремлении повысить привлекательность общества в глазах существующих и потенциальных инвесторов. В Кодексе раскрываются основные принципы наилучшей практики корпоративного поведения, в соответствии с которыми российские общества могут строить свою систему корпоративного поведения, а также содержатся рекомендации по практической реализации данных принципов и раскрытию соответствующей информации [6]. Кроме того, Кодексом разрешалось разрабатывать иные правила и процедуры в соответствии с принципами корпоративного поведения, раскрытыми в нем, что, в последствии, привело к тому, что многие компании разработали и внедрили в свою деятельность подобные внутренние корпоративные кодексы [7].

С 2002 г. и по настоящее время ведётся разработка национальных проектов, вступил в силу ТК РФ в 2002 г. со специальным разделом II «Социальное партнерство» и новой его редакции в 2006 г., формируется многоуровневая система социального партнерства, принят ФЗ «Об объединениях работодателей» 2002 г., происходит дальнейшее укрепление профсоюзов.

В ноябре 2004 г. в Москве на XIV съезде Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей) одобрена «Социальная хартия российского бизнеса». «Социальная хартия» подтвердила приверженность российских предпринимателей принятому в мировой практике пониманию корпоративной ответственности. Например, на начало 2007 г. к этому документу присоединилось более 190 компаний и организаций, объединяющих 5 млн. работников, а к настоящему времени - уже более 240 организаций (отраслевых и региональных организаций, компаний), объединяющих около 6 млн. работников [8]. Так же Хартия представляет собой кодекс поведения, но в совокупности с доработанными практическими рекомендациями она становится платформой для подготовки корпоративных нефинансовых (социальных) отчетов, раскрывающих экономические, экологические и социальные результаты деятельности компаний в их единстве. Документ опирается на многолетнюю отечественную практику и на такие основополагающие международные акты, как «Всеобщая декларация прав человека», Глобальная инициатива ООН (GRI) и другие. Социальная хартия ориентирована в первую очередь на использование компаниями вне зависимости от формы собственности, отраслевой принадлежности и размера [9]. Кроме того, в Хартии подробно описываются основополагающие социальные принципы ведения бизнеса, которые можно объединить в следующие группы: экономическая и финансовая устойчивость; взаимоотношения с работниками; права человека; экологическая безопасность; участие в развитии местного сообщества; заключительные принципы.

В 2005 году были разработаны Рекомендации по оценке деятельности и подготовке нефинансовых отчетов «Пять шагов на пути к социальной устойчивости компаний» [10]. Данные рекомендации предлагаются в помощь компаниям, которые приняли или намерены принять решение о подготовке нефинансовых отчетов. Ими могут воспользоваться и организации, присоединившиеся к Социальной хартии российского бизнеса. В Рекомендациях предлагается использовать универсальный набор базовых индикаторов деятельности.

Следующим важным документом стал Меморандум о принципах корпоративной социальной ответственности [11], утвержденный в 2006 г. Ассоциацией менеджеров России. В нем дано полное определение КСО и приведены ее главные принципы, раскрыта роль бизнеса в

общественном развитии, закреплено построение эффективного взаимодействия с основными заинтересованными сторонами, определены направления развития КСО в России.

Позиция, отраженная в Меморандуме, является динамичной и с течением времени, под влиянием различных внутренних и внешних факторов, может претерпевать изменения. Это свидетельствует о гибкости данного документа к условиям изменяющейся действительности, с одной стороны, и о процессе развития концепции КСО - с другой.

В 2008 году были разработаны Рекомендации по использованию в практике управления и корпоративной нефинансовой отчетности «Базовые индикаторы результативности» [12]. Подготовка данных Рекомендаций была частью комплекса мероприятий, проводимых РСПП, в целях продвижения идей Социальной хартии российского бизнеса. Они так же являются новой редакцией предыдущих Рекомендаций по оценке деятельности и подготовке нефинансовых отчетов «Пять шагов на пути к социальной устойчивости компаний». В обновленной версии предлагаемые индикаторы и соответствующие им показатели экономической, социальной и экологической результативности отвечают международным рекомендациям в этой области и, одновременно с этим, адаптированы к российской системе учета и законодательства.

За последние три-четыре года процесс освоения российским бизнесом принципов КСО принял необратимый характер. На данный момент основной задачей многих компаний является поддержание практики составления нефинансовых отчетов, позволяющих получить представление о деятельности компании, а также о проводимых ею социальных мероприятиях.

Многие российские корпорации уже начали внедрять принципы социальной ответственности в производственно-хозяйственную деятельность. Прежде всего, это относится к крупным нефтегазовым и металлургическим компаниям. Важнейшим тормозом на пути утверждения КСО является ориентированность компаний на краткосрочную прибыль, а также отсутствие стабильной институциональной среды и нормативно-правовой базы. Российские, как и международные корпорации, стремятся донести до общественности свою социальную ответственность, путём представления нефинансовых отчетов, анализ которых позволяет составить представление о структуре и активности российских предприятий.

Усиление государственного регулирования в экологической и социальной сферах в развитых странах приводит к повышению требований к социально-ориентированной деятельности компаний. Этот процесс сопровождается расширением системы традиционной финансовой отчетности и включением в нее информации нефинансового характера. По мере того, как концепция устойчивого развития становится общепризнанной основой публичной политики и корпоративной стратегии, все большее число компаний берется за практическую реализацию этой концепции.

Литература

1. Зудин А. Взаимоотношение крупного бизнеса и власти при В. Путине и их влияние на ситуацию в российских регионах // Региональная элита в современной России. М., 2005.
2. Из России с любовью. Национальный вклад в глобальный контекст КСО // Исследование в сотрудничестве с Economist Intelligence Unit, 2008. - С. 7.
3. Шихарев П.Н.. Этические принципы ведения дел в России.- М., 1999, с.65.
4. Никитина Л. М. Проблемы теории и практики развития социальной ответственности бизнеса и корпоративного управления / Л. М. Никитина. - Воронеж: ВГПУ, 2008. - С. 140.
5. Базовые индикаторы результативности. Рекомендации по использованию в практике управления и корпоративной нефинансовой отчетности/ Ф. Прокопов, Е. Феокситова и др.; под общей редакцией А. Шохина. - М.:РСПП, 2008. - 68с.
6. Социальная хартия российского бизнеса. Российский союз промышленников и предпринимателей (работодателей). - Москва, 2005г.
7. Пять шагов на пути к социальной устойчивости компаний. Рекомендации по оценке деятельности и подготовке нефинансовых отчетов. РСПП, Москва. - 2005г.
8. Меморандум о принципах корпоративной социальной ответственности. Комитет Ассоциации менеджеров по корпоративной ответственности, 2006 г. - 17 с.

9. Исследование выполняется в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. по государственному контракту №16.740.11.0418. от 26 ноября 2010г. Тема работы «Трансграничное сотрудничество как фактор экономического развития российских регионов в условиях глобализации и модернизации». Номер регистрации проекта во ВНИИЦ 01201066849 от 10.12.2010. ЭФ ПетрГУ. Рук-ль: д.э.н., профессор Акулов В.Б.
10. Девяткин Е.А., Корсакова А.А. Управление социальным развитием организации: Учебное пособие, учебная программа / МГУЭСИ.- М., 2004. -104с.
11. Стратегии развития российских регионов: Материалы IV Молодежного экономического форума 15-16 ноября 2012 года, г. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 26с.
12. Социальная инноватика в региональном развитии: Сборник материалов восьмой Школы молодых ученых – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012 – с. 176.

ПРОБЛЕМЫ УРОВНЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОПЛАТЫ ТРУДА РАБОТНИКОВ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ

Мосина Л.Л., к.э.н., в.н.с.

Широкова Л.Н., к.э.н., в.н.с.

НИИ труда и социального страхования Министерства труда и социальной защиты, г. Москва

Стратегия, цели и задачи освоения арктических территорий в перспективе изложены в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», утвержденных Президентом Российской Федерации 18.09.2008. В качестве основных мер по реализации государственной политики в области социально-экономического развития Арктической зоны России предложены: стимулирование реализации новых проектов хозяйственного освоения арктических территорий путем их софинансирования за счет бюджетов различных уровней бюджетной системы России и внебюджетных источников; обеспечение государственных гарантий оплаты труда, в том числе при осуществлении работ вахтово-экспедиционным методом; обеспечение подготовки и переподготовки специалистов в системе высшего и среднего специального образования для работы в арктических условиях; уточнение государственных социальных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в арктической зоне Российской Федерации.

В связи с тем, что до сих пор не определена южная граница Арктики, несмотря на наличие научно обоснованных предложений по её установлению, рассмотрим социально-экономические показатели по субъектам РФ, полностью или большей частью входящих в зону Арктики, в частности по Мурманской области, Ненецкому, Ямало-Ненецкому и Чукотскому автономным округам. Кроме того, в арктическую зону всегда входили Таймырский автономный округ (в настоящее время Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район) и северные муниципальные районы Республики Саха (Якутия), социально-экономические показатели в статистической отчетности по которым в настоящее время отсутствуют, что не позволяет провести сопоставительный анализ.

Арктические территории никогда не рассматривались как место для постоянного заселения пришлыми контингентами. Это место заселения и проживания коренных малочисленных народов Севера. Главная задача для коренного населения сохранение среды обитания, обучение детей к ведению традиционного образа жизни и ознакомление с современными достижениями в области информационных технологий, образования и науки. В течение многих десятилетий открытие месторождений полезных ископаемых и их разработка производилась за счет приглашенных рабочих и специалистов из других регионов России и республик бывшего СССР. По мере открытия и разработки полезных ископаемых строились промышленные предприятия и рабочие поселки при них, некоторые из которых переросли в города. Для интенсивного освоения Северного морского пути в 30-е годы XX века, охраны границ в Арктике было осуществлено строительство портов (портпунктов), пограничных баз и поселков для постоянного проживания гражданского и военного персонала. В условиях роста экономики СССР и его составной части России происходило заселение северных и арктических территорий. Интенсивное освоение северных и арктических территорий произошло в послевоенные годы. Численность населения в Мурманской области возросла в 1989 г. по сравнению с данными переписи населения 1959 г. практически в 2,0 раза, Ямало-Ненецкого автономного округа - в 7,9 раза, Чукотского автономного округа – в 3,5 раза.

В годы экономических реформ, когда был провозглашен лозунг «рынок решит все», была разрушена производственная и социальная инфраструктура арктических и северных поселков при месторождениях, что обусловило отток населения. Численность населения по данным переписей населения в 2010г. по сравнению с 1989г. в Мурманской области сократилась с 1164,6 до 796,1

тыс. человек, Ненецком автономном округе – с 53,9 до 42,6 тыс. человек в Чукотском автономном округе – с 163,9 до 50,5 тыс. человек, и только в Ямало-Ненецком автономном округе произошел рост численности населения с 494,8 до 522,8 тыс. человек. По оценке Росстата на 01.01.2013 г. по сравнению с данными переписи 2010 г. во всех арктических субъектах РФ, кроме Мурманской области, отмечен незначительный рост населения.

Увеличение численности населения на этих территориях происходил за счет его естественного прироста преимущественно из-за сравнительно молодой возрастной структуры пришлого населения и сравнительно высокой рождаемости у коренных малочисленных народов. В 2012 г. и за 9 месяцев 2013 г. все арктические субъекты РФ имели положительный естественный прирост населения.

Миграция населения на Севере в обмене с регионами России имеет устойчивый отрицательный характер. Особенно это касается Мурманской области, в которой сальдо миграции населения за более чем десятилетний период было отрицательным. Автономные округа, которые в годы кризисной ситуации в стране имели отрицательное сальдо миграции, в 2011 г. и 2012 г. стали иметь положительный миграционный прирост. В то же время потребность в работниках, заявленная организациями в государственные учреждения, в кризисные годы несколько снизилась, но уже к 2011 г. достигла докризисного периода и по данным выборочного статистического обследования на 31.10.2012 г. составила в Мурманской области 6,6 тыс. человек, в Ненецком автономном округе - 0,4, Ямало-Ненецком - 9,6 и Чукотском автономном округе - 2,2 тыс. человек. Как правило, потребность в работниках удовлетворяется за счет мигрантов из зарубежных стран и, прежде всего, наших соотечественников из стран СНГ. Например, в 2011 г. из зарубежных стран прибыло в Мурманскую область 2161 человек, в Ямало-Ненецкий автономный округ - 8871, Чукотский - 724 человека. На миграционные процессы существенное влияние оказывает развитие производственных отраслей и существующая социальная и транспортная инфраструктура, а также уровень жизни населения.

Безусловно, основой для выполнения любых социально-экономических задач является рост валового регионального продукта, создание устойчивой налоговой базы для развития экономики региона и выполнение социально-экономических мероприятий.

Известно, что после 2000 г. начался подъем экономики России, который продолжался до кризисных явлений 2008 г., в последующие годы экономика медленно восстанавливалась, были достигнуты положительные результаты, но темпы роста по субъектам РФ существенно различались. В 2010 г. по сравнению с 2007 г. при росте внутреннего регионального продукта в среднем по России в 1,3 раза, в Мурманской области он возрос в 1,2 раза, в Ненецком автономном округе – в 1,5 раза, Ямало-Ненецком - в 1,24, Чукотском автономном округе – почти в 2 раза.

Улучшение экономической ситуации отразилось на занятости населения. Численность занятых в 2012 г. по сравнению с 2007 г. в Ямало-Ненецком автономном округе возросла на 4,8%, в т.ч. на добыче полезных ископаемых на - 25,6%, в Мурманской области за этот период численность занятых сократилась на 4,2%, в том числе на добыче полезных ископаемых - на 48%. В Ненецком автономном округе численность занятых в 2012 г. достигла 2007 г., а в Чукотском автономном округе произошло снижение их численности на 12,5%. Во всех арктических регионах высокая доля занятых в производственных отраслях (добывающие и обрабатывающие отрасли, строительство, транспорт, связь и др.). Например, в Ямало-Ненецком автономном округе в производственных отраслях в 2012 г. было занято 62,6% от общей численности, а в бюджетной сфере (образовании, здравоохранении и предоставлении социальных услуг и прочих услуг) - 23,1%, в Мурманской области, соответственно, 39,1 и 21,2%. Структура занятых за этот период существенно не изменилась, во всех субъектах возросла численность занятых в оптовой и розничной торговле и в операциях с недвижимым имуществом.

Отраслевая структура экономики регионов отражается на структуре доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ. В анализируемых субъектах РФ по сравнению со

средней по России и многими субъектами РФ, расположенными в центральных и южных районах страны, сравнительно высока доля налоговых доходов (налоги на прибыль предприятий, налог на доходы физических лиц, налоги на имущество), которая составила в 2011 г. в Мурманской области 68,9%, в Ямало-Ненецком автономном округе - 78,3%, Чукотском - 51,6%) при средней по Российской Федерации - 60,2%.

Нефтегазодобывающие автономные округа не относятся к дотационным, а Мурманская область и Чукотский автономный округ многие годы получали дотации из федерального бюджета на выравнивание бюджетной обеспеченности. В 2013 г. на эти цели Мурманской области было выделено 589,1 млн. рублей, Чукотскому автономному округу - 195,6 млн. рублей, в т.ч. на одного жителя, соответственно, 748 и 3836 руб. В соответствии с федеральным законом от 02.12.2013 г. №349 «О федеральном бюджете на 2014 год и плановый период 2015-2016 годов» из федерального бюджета на выравнивание бюджетной обеспеченности предусмотрено выделить бюджету Мурманской области - 1037,5, Чукотского автономного округа - 7548,5 млн. рублей.

Несмотря на кризисные явления в экономике России, средняя номинальная заработная плата работников возросла во всех субъектах РФ, в том числе и арктических, однако темпы роста были неодинаковыми. В определенной мере это обусловлено тем, что уровень средней заработной платы во многом определяется отраслевой структурой экономики. В целом по экономике Российской Федерации рост среднемесячной номинальной заработной платы в 2012 г по сравнению с 2007 г. составил 195,9%. В Мурманской области и Чукотском автономном округе её рост был на уровне среднероссийского, а в автономных нефтегазодобывающих округах был ниже среднероссийского уровня и составил в Ненецком округе 168,1%, Ямало – Ненецком - 170,4%. За указанный период изменились соотношения в средней заработной плате по отраслям экономики, преимущественно в сторону сокращения различий. Особенно это коснулось добычи полезных ископаемых и строительства. Если в Ненецком автономном округе среднемесячная заработная плата работников, занятых на добыче полезных ископаемых в 2007 г. превышала среднероссийский уровень в этой отрасли на 105,4%, то в 2012 г. - только на 62,3%, Ямало-Ненецком автономном округе, соответственно, на 102,4 и 83,8%. В строительстве и в обрабатывающих производствах во всех анализируемых субъектах РФ произошло снижение различий в средней заработной плате работников по сравнению со среднероссийским уровнем. При этом, несмотря на замедление роста номинальной среднемесячной заработной платы работников в кризисный и период реальной средней заработной платы, рассчитанная через индекс потребительских цен на товары и тарифов на услуги, во всех анализируемых субъектах РФ возросла.

В образовании в Мурманской области, Ненецком и Чукотском автономных округах произошло снижение дифференциации средней заработной платы работников, а в Ямало-Ненецком автономном округе незначительный рост. В здравоохранении и предоставлении социальных услуг в нефтедобывающих автономных округах различия в средней заработной плате возросли. В тоже время в научных исследованиях и разработках различия по сравнению со среднероссийским уровнем существенно уменьшились.

Известно, что кроме отраслевой структуры на территориальные различия в средней заработной плате работников влияют применяемые районные коэффициенты и процентные надбавки к заработной плате за стаж работы на Севере. В последние годы наблюдается снижение различий в уровнях заработной платы в арктических субъектах РФ по сравнению со средней по России, кроме Чукотского автономного округа. Отношение средней заработной платы к средней по экономике России составило в Мурманской области в 2007 г. 136,7%, в 2012 г. -135,9%, в Ненецком автономном округе, соответственно, 252,9 и 217,0%, в Ямало-Ненецком - 274,9 и 239,2%, в Чукотском - 227,0 и 228,3%.

Наиболее наглядно снижение уровня основной заработной платы прослеживается по данным выборочного статического обследования за октябрь 2007 и 2011 гг., особенно при устранении влияния выплат по районному регулированию (табл.1).

Таблица 1

Различия в средней заработной плате работников в арктических субъектах РФ, в % к средней по Российской Федерации (по данным выборочного обследования за октябрь 2007 и 2011 гг.)

Наименование субъектов	2007 г		2011 г.	
	Средняя заработная плата, всего	В том числе	Средняя заработная плата, всего	В том числе
		без региональных выплат		без региональных выплат
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0
Мурманская область	127,0	76,0	128,8	69,7
Ненецкий автономный округ	199,9	105,1	207,3	104,0
Ямало-Ненецкий автономный округ	244,4	149,7	238,1	123,6
Чукотский автономный округ	198,8	110,6	210,0	109,9

Как следует из приведенных в таблице данных, различия в средней заработной плате работников организаций всех форм собственности в рассматриваемых регионах по отношению к средней по России без выплат по районному регулированию резко сокращаются. Эта тенденция в динамике не только сохраняется, но и усиливается.

Несмотря на действующее трудовое законодательство и принимаемые региональные и отраслевые соглашения и коллективные договора, работодатели при формировании фондов оплаты труда занижают основную (постоянную) часть заработной платы, на которую начисляются районные коэффициенты, процентные надбавки и другие компенсации, поэтому снижаются преимущества в оплате труда и стимулы для переселения в северные регионы.

Распределение работников по размерам средней начисленной заработной платы по 10-процентным группам работников организаций (по данным выборочных обследований за апрель) за 2007 и 2013 гг. показало некоторое сокращение дифференциации между наиболее оплачиваемых и наименее оплачиваемых работников. Соотношение средней заработной платы по 10% работников с наибольшей и 10% работников с наименьшей заработной платой в целом по Российской Федерации составило в 2007 г. 22,1 раза, а в 2013 г. – 15,8 раза. В анализируемых субъектах РФ указанные соотношения всегда были ниже среднероссийского уровня и в 2013 г. составили в Мурманской области – 10,1 раза, в Ненецком автономном округе - 10,7 раза, Ямало-Ненецком – 12,7 раза, Чукотском – 11,8 раза. Удельный вес фонда заработной платы наименее оплачиваемых работников (1-5 децильные группы) в общем фонде начисленной заработной платы в целом по Российской Федерации составил в 2007 г. 20,1%, а наиболее оплачиваемых (6-10 децильные группы) - 79,9%, в 2013 г., соответственно, 21,9 и 78,1%. В арктических субъектах РФ указанные соотношения данного показателя несколько лучше. В частности, в Мурманской области в 2013 г. они составили 26,8 и 73,2%, в Ненецком автономном округе – 26,3 и 73,7% , Ямало-Ненецком – 25,3 и 74,7%, Чукотском – 24,1 и 75,9%.

В современных условиях среди практических работников поднимается вопрос об отказе от выплат по районному регулированию, так как в России уже сформировалась рыночная экономика. По нашему мнению это преждевременно, поскольку разрушена производственная и социальная инфраструктура северных и восточных регионов, происходит постоянный миграционный отток населения, а средняя заработная плата работников не обеспечивает им нормальных условий воспроизводства.

В заключение остановимся на отношении к выполнению Указа Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», в котором перечислены перспективы повышения средней заработной платы работникам бюджетной сферы, главными из которых являются достижение средней заработной педагогических работников, врачей и среднего медицинского персонала, работников науки до средних по субъекту РФ или муниципальному образованию или превышение её до двух раз. В частности,

педагогическим работникам образовательных учреждений общего образования предусмотрено довести среднюю заработную плату до средней по субъекту в 2012 г. Росстатом представлены данные о средней заработной плате указанных работников за январь-сентябрь 2013 г., которые показали, что в среднем по России у всех педагогических работников образовательных учреждений общего образования она составила 94,9% к средней по экономике, в образовательных учреждениях субъектов РФ – 143,3%, а муниципальных – 85,0%. В арктических субъектах РФ задания, сформулированные в вышеназванном указе Президента РФ, выполнены, исключение составил Чукотский автономный округ, в котором средняя заработная плата всех педагогических работников составила 88,6% к средней по округу, а у педагогических работников муниципалитетов - 88,4% к средней по муниципальным образованиям.

Следует отметить, что в современной экономике труда существует два подхода к решению одной и той же проблемы - повышению оплаты труда специалистов, в том числе в бюджетных учреждениях:

- достижение средней заработной платы работников до среднего по региону (субъекту РФ, муниципальному образованию);

- тесная увязка размера средней заработной платы специалистов с уровнем подготовки и квалификации работников, сложностью, качеством и количеством труда.

Указанные две точки зрения четко прослеживаются в распоряжении Правительства РФ от 26.11.2012 г. №2190-р, Генеральном соглашении между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2014-2016 годы. По нашему мнению, организация оплаты труда в бюджетном секторе экономики должна основываться в большей степени на тесной увязке уровня оплаты труда с уровнем подготовки и квалификации работников, сложностью, качеством и количеством труда во избежание конкуренции между регионами за получение высококвалифицированных специалистов (педагогов, врачей, научных работников и др.).

СМЕРТНОСТЬ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ*

Попова Л.А., д.э.н., доцент, зам. директора по научной работе
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

Последнее десятилетие ознаменовалось в России впечатляющими успехами в снижении уровня смертности. В целом за 2003-2012 гг. величина общего коэффициента уменьшилась с 16,4 умерших на 1000 человек населения до 13,3‰ (на 18,9%) [4]. Ожидаемая продолжительность жизни населения увеличилась с 64,8 лет в 2003 г. до 70,2 в 2012 г. (табл. 1). В данной статье будут рассмотрены особенности и современная динамика смертности в северных регионах России. Более подробно будет проанализирована ситуация в Республике Коми.

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения РФ, лет [3, 4]

Годы	Оба пола	Мужчины	Женщины	Годы	Оба пола	Мужчины	Женщины
1959	67,9	63,0	71,5	1999	65,9	59,9	72,4
1970	68,9	63,2	73,6	2000	65,0	58,9	72,4
1979	67,6	61,5	73,1	2001	65,2	58,9	72,2
1987	70,1	64,9	74,6	2002	65,0	58,7	71,9
1989	69,6	64,2	74,5	2003	64,8	58,5	71,9
1990	69,2	63,7	74,3	2004	65,3	58,9	72,3
1991	69,0	63,5	74,3	2005	65,3	58,9	72,4
1992	67,9	62,0	73,8	2006	66,7	60,4	73,3
1993	65,1	58,9	71,9	2007	67,6	61,5	74,0
1994	64,0	57,6	71,2	2008	68,0	61,9	74,3
1995	64,6	58,2	71,7	2009	68,8	62,9	74,8
1996	65,8	59,6	72,4	2010	68,9	63,1	74,9
1997	66,6	60,8	72,9	2011	69,8	64,0	75,6
1998	67,0	61,3	72,9	2012	70,2	64,6	75,9

Траектории демографических трендов, в том числе и тенденций смертности, в северных регионах в целом соответствуют общероссийским. В то же время существуют довольно устойчивые различия в уровне демографических показателей и структуре демографических процессов. Ожидаемая продолжительность жизни населения в большинстве северных территорий ниже общероссийского показателя (табл. 2). Лишь в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО она в последние десятилетия выше, что во многом обусловлено «вывозом смертности» из этих регионов: как невысокой смертностью мужчин трудоспособного возраста от эндогенных причин вследствие их значительной ротации, так и низким вкладом смертности населения старших возрастов в общую величину показателя продолжительности жизни.

В Республике Коми на протяжении 1980-х годов наблюдалось устойчивое сближение уровня продолжительности жизни с общероссийским – к 1990-1991 гг. различия сократились до 0,7 лет. Однако последующий кризис смертности в Коми оказался заметно глубже, чем в среднем по стране. Периоды роста смертности (до 1994 г. и в 1999-2003 гг.) характеризовались увеличением различий в уровне продолжительности жизни до трех и даже трех с половиной лет. Особенно значительное отставание отмечено в сельской местности. В 2003 г., когда в Коми была зафиксирована минимальная продолжительность жизни сельского населения (52,4 лет для мужчин

* Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных исследований «Арктика» «Теоретико-методологические подходы к оценке демографической и миграционной емкости северных территорий с учетом элементов экологической безопасности для нужд хозяйственного освоения Арктики» (регистрационный номер 12-7-5-001-АРКТИКА).

и 66,0 лет для женщин), разрыв с общероссийским уровнем составил 5,3 года по мужскому показателю и 4,8 лет по женскому [1].

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения северных территорий России в 2000, 2010 и 2011 гг., лет [1, с.164-165; 2]

Регионы	2000 г.			2010 г.			2011 г.		
	Оба пола	Мужч ины	Женщ ины	Оба пола	Мужч ины	Женщ ины	Оба пола	Мужч ины	Женщ ины
Российская Федерация	65,3	59,0	72,3	68,9	63,1	74,9	69,8	64,0	75,6
Европейский Север									
Республика Карелия	62,9	56,4	70,2	66,4	59,8	73,4	67,9	61,7	74,2
Республика Коми	63,5	57,8	70,1	66,9	60,7	73,3	68,0	61,6	74,6
Архангельская область	62,8	56,3	70,6	67,9	61,7	74,5	68,8	62,7	75,0
Ненецкий АО	60,6	54,0	68,3	64,9	59,2	71,4	66,7	60,6	73,5
Мурманская область	64,5	58,5	71,0	68,4	62,7	73,9	68,9	63,0	74,6
Азиатский Север									
Ханты-Мансийский АО	65,9	59,9	72,6	70,3	65,2	75,4	70,9	66,0	75,7
Ямало-Ненецкий АО	66,7	61,6	72,3	70,1	65,6	74,6	70,2	65,6	74,9
Республика Тыва	55,2	49,7	61,5	60,5	54,6	66,6	61,4	56,2	66,6
Республика Саха (Якутия)	63,7	57,9	70,3	66,8	61,0	73,1	67,7	61,9	74,0
Камчатский край	63,3	58,1	69,7	65,8	60,5	71,8	66,6	61,5	72,2
Магаданская область	62,0	55,7	70,0	65,1	59,8	71,1	66,0	60,2	72,6
Сахалинская область	63,3	57,7	69,8	64,9	59,1	71,4	65,7	59,8	72,2
Чукотский АО	60,2	54,9	67,1	57,5	52,7	63,6	61,6	57,5	66,4

Период снижения смертности 1995-1998 гг., наоборот, характеризовался сближением продолжительности жизни населения Коми с общероссийским уровнем. Т.е. динамика смертности демонстрирует здесь большую гибкость. Обусловлено это, очевидно, повышенной долей внешних причин (несчастных случаев, отравлений, травм, убийств, самоубийств) и экзогенных заболеваний в структуре смертности населения. Даже в условиях заметного сокращения последних лет, смертность от несчастных случаев составляет в республике 15-16% случаев смерти по сравнению с уровнем порядка 10% в среднем по стране [4]. В середине 1990-х годов она превышала четверть, в начале 2000-х – пятую часть всех смертей в республике. Эта группа причин с 1960-х годов стабильно сохраняет в Коми второе место в структуре причин смерти: ни в 1980-е, ни в конце 1990-х, ни в последние годы она не уступает второй позиции смертности от новообразований. В трудоспособном возрасте, на который в Коми приходится около 40% смертных случаев, внешние причины смерти – на первом месте. По всем возрастам на первом месте, как и по стране в целом, смертность от болезней системы кровообращения. Но, если в среднем по России сердечно-сосудистыми заболеваниями обусловлено более половины смертных случаев, а в 2000-х годах – более 55% [4], то в Коми доля этой группы причин лишь в отдельные годы достигает половины, в основном она порядка 46-48%. При этом, из-за молодой возрастной структуры населения, уровень смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, так же как и от новообразований, в Коми заметно ниже, чем в среднем по стране: порядка 600 на 100000 человек населения против 800 по России.

Еще одна особенность смертности на Севере – это повышенные показатели младенческой смертности в большинстве северных регионов (табл. 3). Особенно существенное превышение наблюдается в территориях с заметным процентом этносов с незавершенным демографическим переходом. Иными словами, регионы с относительно высоким уровнем рождаемости

характеризуются и значительной младенческой смертностью. Даже в весьма благополучном не только по уровню рождаемости, но и по уровню продолжительности жизни населения, Ямало-Ненецком АО коэффициент младенческой смертности существенно выше среднего по стране уровня. Позитивные исключения: республики Карелия и Коми, Архангельская и Мурманская области, Ханты-Мансийский АО, и в самые последние годы – Сахалинская область и Якутия.

Сокращение младенческой смертности в 1990-е годы называли единственным достижением в демографическом развитии страны. Устойчивое сокращение ее уровня наблюдается в России с 1994 г. В Коми оно началось несколько позже, с 1996 г., но оказалось более значительным. Если вплоть до конца 1980-х годов республиканские показатели были ниже среднероссийского уровня лишь в отдельные годы (1984 и 1986 гг.), то после 1996 г. они стабильно ниже. В 2011 г. коэффициент младенческой смертности составил здесь 4,4 на 1000 родившихся против 7,3‰ по стране в целом. В 2012 г., в связи с переходом на новые критерии живорождения, произошло небольшое повышение младенческой смертности: до 5,9‰ в Коми, до 8,6‰ по России. Но в любом случае в Коми – один из самых низких в стране уровней. Поскольку смертность на первом году жизни в настоящее время определяется, главным образом, патологиями, возникающими в перинатальном периоде, и врожденными аномалиями, очевидно, что благополучие ситуации обусловлено значительным улучшением в республике систем ранней диагностики патологий беременности и родовспоможения.

Таблица 3

Динамика коэффициента младенческой смертности населения северных территорий России в 2001-2011 гг. (на 1000 родившихся живыми) [1, с.158-159; 2]

Регионы	Годы										
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Российская Федерация	14,6	13,3	12,4	11,6	11,0	10,2	9,4	8,5	8,1	7,5	7,3
Европейский Север											
Республика Карелия	12,9	10,0	8,1	9,7	9,6	7,6	7,2	5,8	5,0	4,9	5,6
Республика Коми	9,4	10,9	9,4	8,6	8,7	7,0	7,6	6,6	5,1	5,0	4,4
Архангельская область	15,9	12,6	12,4	10,1	12,6	10,2	10,7	8,9	7,8	6,8	6,9
Ненецкий АО	20,1	18,2	29,3	9,9	16,6	15,2	17,0	7,4	5,8	5,7	10,5
Мурманская область	14,7	12,3	8,9	11,0	11,2	10,3	9,5	9,3	7,3	5,3	8,6
Азиатский Север											
Ханты-Мансийский АО	9,3	8,8	7,8	6,9	7,3	7,5	5,6	5,2	4,0	4,3	5,2
Ямало-Ненецкий АО	15,6	14,0	12,7	13,4	11,2	13,0	13,3	11,4	10,7	12,2	10,7
Республика Тыва	28,0	27,8	27,6	20,4	19,3	15,1	16,3	13,2	16,1	13,0	13,5
Республика Саха (Якутия)	17,5	15,2	13,2	13,5	10,6	10,6	10,4	9,1	8,9	7,2	6,3
Камчатский край	15,3	14,1	14,3	13,0	10,3	12,2	8,7	7,5	11,8	9,4	10,0
Магаданская область	11,4	15,1	11,9	11,8	12,0	14,2	14,2	10,0	10,8	9,3	7,2
Сахалинская область	17,1	14,7	12,5	13,8	14,4	12,9	8,9	8,1	7,2	5,9	4,4
Чукотский АО	42,1	32,2	28,0	20,9	17,6	23,2	17,6	9,2	12,6	21,8	13,1

Однако нельзя не отметить выход еще во второй половине 1990-х годов на третье место в структуре причин младенческой смерти несчастных случаев, отравлений и травм (в целом по стране они на пятом месте, лишь в последние годы поднялись на четвертую позицию), которые определяют в республике 5-7% смертей детей до одного года. Повышенная младенческая смертность от несчастных случаев, уровень которой зависит от доступности и своевременности медицинской помощи, но в еще большей степени от образа жизни семьи, желания и возможности уделять малышам достаточно внимания, свидетельствует о неблагополучии в развитии и жизнедеятельности семьи. И особенно негативно это выглядит на фоне низкой рождаемости, характерной как для 1990-х, так и для 2000-х годов.

Достиженные в последнее десятилетие успехи в снижении смертности отчасти можно отнести на счет очередной понижающей фазы цикла смертности: в период современного демографического кризиса все демографические процессы обрели в России циклический характер. Однако довольно большую роль, на наш взгляд, играет и активизация внимания государства к

демографической сфере. В 2006 г. в стране стартовал национальный проект «Здоровье». В целях утвержденной в 2007 г. «Концепции демографической политики на период до 2025 года» заложены конкретные количественные ориентиры не только по численности населения страны, но и по уровню продолжительности его жизни: достижение к 2015 г. 70 лет, к 2025 г. – 75 лет [5]. Продолжением политики государства в области снижения смертности явились региональные программы модернизации здравоохранения на 2011-2012 гг., пролонгированные и на 2013 г.

Результаты этих мероприятий можно оценить довольно высоко, о чем свидетельствует ряд моментов. Во-первых, длительность периода снижения смертности. Оно наблюдается уже 10 лет, т.е. является достаточно устойчивым, и его уже нельзя трактовать как непродолжительное снижение компенсаторного типа после ряда лет сверхсмертности населения.

Во-вторых, достигнутый уровень продолжительности жизни. Как известно, максимальные уровни были отмечены в России в середине 1960-х и в конце 1980-х годов. В 2012 г. продолжительность жизни для обоих полов, составившая 70,24 лет (64,56 для мужчин и 75,86 для женщин) [4], превысила рекордный уровень 1986-1989 гг. По женскому показателю максимальная отметка была перекрыта еще в 2009 г. При этом в 2012 г. был превышен уровень, который предполагалось достичь к 2015 г.

В-третьих, темпы снижения смертности по причинам. Наиболее значительно за 2003-2012 гг. уменьшились показатели смертности от внешних причин, на втором месте – снижение от болезней органов дыхания, на третьем – от болезней системы кровообращения, далее идут инфекционные и паразитарные заболевания [4]. Если же брать период с начала реализации проекта «Здоровье», то смертность от болезней системы кровообращения по темпам снижения у женщин выходит на второе место после внешних причин. А в 2011-2012 гг., с началом реализации региональных программ модернизации здравоохранения, она выходит на второе место также и у мужчин. При этом темпы снижения смертности от болезней системы кровообращения и от внешних причин в 2010-2012 гг. уже сопоставимы.

В-четвертых, недостаточный рост продолжительности жизни населения в регионах с высокой долей смертности от внешних причин. В последние годы заметно сократилось превышение общероссийской продолжительности жизни в ХМАО и ЯНАО. В остальных северных регионах, характеризующихся показателем продолжительности жизни ниже среднего по стране, разница с общероссийским уровнем заметно не сокращается, а в некоторых она даже увеличилась. Исключение составляет только Ненецкий АО. В Республике Коми в 1994-1998 гг. произошло очень значительное сближение продолжительности жизни с общероссийским уровнем: разница сократилась с трех лет практически до нуля. В 2000-е годы, в условиях более продолжительного периода снижения смертности разница все еще порядка двух лет. В Якутии прослеживается нарастание разницы с общероссийским уровнем. Еще более заметно увеличилась разница в Камчатском крае и Сахалинской области.

В заключение отметим, что в 2013 г., впервые за 22 года, в России отмечен естественный прирост населения. Его сохранение в перспективе целиком определяется тенденциями смертности, поскольку страна вошла в довольно длительный период снижения рождаемости. В большинстве северных регионов проблемы смертности стоят гораздо острее – прежде всего, преждевременной мужской смертности от внешних причин, и, особенно, в сельской местности. Северные территории характеризуются молодой возрастной структурой умирающих, высокой долей смертности от внешних причин и болезней экзогенной этиологии, т.е. на Севере по-прежнему сохраняется очень большой резерв снижения смертности, связанной с неблагоприятным образом жизни населения. В ряде северных регионов наблюдаются повышенные показатели младенческой смертности с большим удельным весом смертности младенцев от несчастных случаев. Иными словами, особенности смертности на Севере являются не столько медицинскими, сколько социальными проблемами.

Литература

1. Демографический ежегодник Республики Коми. 2010: Стат. сб. – Сыктывкар, 2010
2. Демографический ежегодник России, 2012: Стат. сб./ Росстат. – М., 2012. // URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2012/demo12.rar (30.01.2014)
3. Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб./ Росстат. – М., 2010

4. Официальный сайт Росстата. – URL: <http://www.gks.ru> (30.01.2014)
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=041941> (30.01.2014)

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РИСКА ДЛЯ УЩЕРБА ЗДОРОВЬЯ РАБОТОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ, ЗАНЯТОГО ОСВОЕНИЕМ РУДНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Прохорова Д.В., менеджер

ФБУН СЗНЦ гигиены и общественного здоровья, г. Санкт-Петербург

Карначев И.П., к.т.н., с.н.с.

Никанов А.Н., к.м.н., с.н.с., зам. директора Центра, директор Филиала

НИЛ ФБУН СЗНЦ гигиены и общественного здоровья, г. Кировск

Специфика экономики Мурманской области характеризуется сырьевой направленностью, которая связана с интенсивным освоением рудных месторождений, как для внутренних потребностей страны, так и для экспорта. Основу экономики региона составляет горнопромышленный комплекс (ГПК), в состав которого входят предприятия горно-химической промышленности, цветной и черной металлургии, промышленности строительных материалов и др. На площади, составляющей менее 1% территории России, сосредоточены крупные запасы важнейших видов минерального сырья, обеспечивающие преобладающую часть потребности страны во многих видах полезных ископаемых и вырабатываемых на его основе продукта: в бадделеите - 100%, в фосфорных рудах – 95%, в флогопите и вермикулите - 80%, в мусковите, нефелиновом и керамическом сырье - 35%, в меди, никеле и кобальте - 20%, в железе - 12%. Отметим, что предприятия ГПК являются градообразующими для многих городов и поселков региона, поскольку от их финансово-экономического состояния зависят уровень и состояние производственно-социальной инфраструктуры, а также занятость, обустройство и благосостояние для трети населения региона.

Трудовая деятельность на предприятиях ГПК всегда связана с постоянным наличием потенциально опасных и вредных производственных факторов для здоровья работающих и создает ту или иную степень реального риска, который мероприятиями по охране и медицине труда может быть сведен до некоторого минимального уровня. Известно, что на предприятиях ГПК региона пока ещё высок уровень аварийности и травматизма из-за специфики особых производственных условий, таких как: введение разработок в подземных условиях, транспортирование и подъем руды различными механизмами и средствами, проведение взрывных работ и др. [1]. Кроме того, необходимо учитывать и экстремальные природно-климатические условия размещения предприятий ГПК в арктической зоне районов Крайнего Севера России, которая обусловлена наличием таких факторов как: низкие температуры и высокая влажность воздуха, частые перепады атмосферного давления, магнитные бури, резкие перепады воздействия солнечной радиации (в виде чередования полярного дня и ночи) и др.

Такое положение дел относит предприятия ГПК региона к числу производств, имеющих максимальный класс профессионального риска (ПР). И действительно, в соответствии с «Правилами отнесения видов экономической деятельности к классу профессионального риска» (утв. приказом Минздравсоцразвития РФ № 8 от 10.01.2006 г.) ряд предприятий ГПК Мурманской области, например, имеют следующие градации (из имеющихся всего в России в настоящее время 32-х классов ПР):

- по обогащению нефелино-апатитовых руд (ОАО «Апатит», ОАО «Ковдорский ГОК») – 30-й класс (код 13.20.33);
- по добыче и обогащению никелевой и кобальтовой руд (ОАО «Кольская ГМК») – 32-й класс (код 13.20.2) и т.п.

Учитывая вышеизложенное, отметим, что концепция риска как неопределенности базируется на вероятностном распределении возможных (как позитивных, так и негативных) исходов некоторых событий. В настоящее время развитие такого подхода в российской науке к риску идет по трем направлениям [2-5]:

- разработка методов оценки вероятности наступления негативных событий;
- количественно-качественная оценка последствий этих негативных событий;
- определение уровня приемлемо допустимого профессионального риска (ПР), как для индивидуального ПР (уровень опасности определенного вида для отдельного человека), так и для социального риска (для группы людей, который зависит от частоты исхода негативных событий и числа пораженных при этом людей).

Под ПР понимается вероятность гибели и повреждения здоровья работающего вследствие воздействия на него опасного производственного фактора (несчастный случай) или вредного производственного фактора (профессиональное заболевание) внешней среды, при исполнении им своих трудовых обязанностей. Именно в этом контексте в Приказе Министерства социального развития и здравоохранения РФ от 31.08.2007 № 569 «Об утверждении проведения аттестации рабочих мест по условиям труда», который вступил в силу с 01.09.2008 г., впервые за 20-ти летний период проведения аттестации рабочих мест в нашей стране, прописано, что одной из главной целей этой процедуры является оценка ПР как вероятности повреждения (утраты) здоровья или смерти работника, и расчет скидок и добавок к страховому тарифу в системе обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Отметим особо исследования риска в области социально-гигиенической сферы, и в частности с позиций медицины, где, как было отмечено в [6], «...ПР рассматривается для выявления количественной зависимости возникновения производственно обусловленной и профессиональной заболеваемости работников и разработки механизмов её предупреждения». В этом плане интерес представляют новые методические рекомендации, разработанные в ГУ НИИ медицины труда РАМН под руководством академика РАМН Н.Ф. Измерова, в которых изложена методика оценки ПР по показателям профессиональной заболеваемости, полученным на фактическом материале при изучении результатов периодических медицинских осмотров, работающих во вредных условиях труда (на примере шахтеров Ростовской области) [7]. Причем, полученные в исследовании данные явились исходным материалом для выявления математико-статистических зависимостей и построения математической модели для оценки ПР по критерию «критический стаж». Опыт зарубежных коллег в этом направлении подробно изложен в [8].

В нашей стране уже второе десятилетие (с момента введения Постановления Правительства РФ от 01.07.95 № 675 «О декларировании безопасности промышленного объекта Российской Федерации» и Приказа МЧС РФ и Госгортехнадзора России от 04.04.95 г. № 222/59 «О порядке разработки декларации безопасности промышленных объектов Российской Федерации») используется методический аппарат качественно-количественного анализа ПР, где присутствуют перечисленные категории риска. Однако до сих пор в отечественной практике не закреплены нормативные значения риска, что затрудняет проведение эффективной политики в области управления рисками, в первую очередь в профессиональной сфере. Тем не менее, в настоящее время рядом авторских коллективов Российской Федерации (МЧС России, Ростехнадзора, НТЦ «Промышленная безопасность» и др.) ведется работа по обоснованию уровней приемлемого риска в профессиональной сфере, которые подлежат законодательному нормированию. Расчеты этих специалистов показывают, что для России предельный уровень индивидуального риска находится в границах 10^{-4} - 10^{-5} смертей в год. Таким образом, рекомендуемые диапазоны уровней индивидуального риска в нашей стране (10^{-4} - 10^{-5} смертей в год или гибель одного человека на 10 000 или 100 000 профессионально занятых в течение года) предусматривает достижения относительно безопасного уровня профессионального риска в отраслях народного хозяйства России [9].

Что касается оценки риска несчастных случаев (НС) на производстве при использовании единой размерности для оценки последствий предлагается, например, представлять риск травмирования в виде аддитивной (суммарной) модели [10]:

$$R = R_{MT} + R_T + R_{II} + R_C \quad *$$

где R_{MT} – риск микротравмы, R_T – риск травмы без стойкой утраты трудоспособности, R_{II} – риск инвалидности, R_C – риск смерти.

И хотя такой вид иерархического разделения категорий травм по их последствиям считается общепринятым при анализе уровня безопасности труда, и для градации категорий риска с позиций ПТ является приемлемым, тем не менее, автор нововведения не дает конкретных рекомендаций по количественной оценке перечисленных составляющих зависимости (*). С нашей точки зрения, такой суммарный эквивалент оценки риска НС можно было бы получить статистически, по аналогии с так называемой пирамидой происшествий (треугольником возникновения НС), количественное соотношение уровней которой вывели специалисты компании «Дюпон» при анализе травматизма на своих предприятиях [11]. Так, по данным этой компании одна травма со смертельным исходом на производстве (R_C) за год свидетельствует о том, что имело место:

- около 30 случаев с временной потерей трудоспособности (тяжелых травм с инвалидностью – R_{II});
- около 300 случаев регистрируемых легких травм (травм без стойкой утраты трудоспособности – R_T);
- примерно 3 000 случаев оказания первой медицинской помощи и предпосылок к травмам (микротравмы – R_{MT}).

Аналогичный результат (в виде указанных количественных соотношений уровней пирамиды травматизма) был получен также американским специалистом Г. Хейнриком при обработке материалов ведущих страховых компаний США по проблеме ПТ [12]. Это говорит о том, что подобную иерархическую пирамиду НС на базе многолетних статистических данных возможно и необходимо «построить» для каждого предприятия (фирмы), что позволит количественно установить на нем диапазоны приемлемого индивидуального (профессионального) риска с позиций ПТ. Однако варианты западного опыта по оценке профессиональных рисков на рабочих местах основаны, как правило, лишь на качественной оценке экспертов по различным критериям, где вероятность риска, например, градуируются на атрибутивной (качественной) основе в виде «небольшой», «неотвратимой» и т.п.

В отечественной же практике анализа безопасности труда наоборот приветствуется использование количественных критериев по оценке ПР, в том числе и риска НС на производстве, риска гибели работника по причине ПТ. В этой связи с позиций методологического единообразия представляет интерес подход по оценке риска НС для консервативных производств и технологий, который позволяет сравнить уровни профессионального риска однородных производств с применением базового показателя, отражающего специфику производственной деятельности [10]. Подробное изложение методических положений анализа травматизма и профессиональных заболеваний (при добыче полезных ископаемых подземным способом), обеспечивающих использование научно обоснованных организационных принципов снижения риска и повышения безопасности подземных горных работ, основываются на адекватных математических моделях динамики различных показателей травматизма и формирования профессиональной заболеваемости на шахтах и рудниках, изложено в монографии [13]. Отметим, что количественные и качественные критерии играют важнейшую роль в оценке риска профессиональной заболеваемости (ПЗ). В нашей стране десятилетиями использовался «нормативный» комплекс показателей анализа здоровья трудовых ресурсов, который в совокупности позволят на основе статистических данных судить об уровне здоровья (нездоровья) и выявлять его зависимость от интенсивности вредного воздействия производственных факторов

[14]. С учетом того обстоятельства, что базой верификации ПЗ с позиций отечественной медицины труда является социально-гигиенический мониторинг (СГМ), который включает в себя две обязательные процедуры, а именно

- оценку условий труда на основании аттестации рабочих мест по условиям труда (АРМУТ);

- оценку состояния здоровья работников по результатам периодических медицинских осмотров (ПМО).

Поэтому алгоритм решения проблематики ПЗ может быть представлен следующей структурной зависимостью

$$(СГМ) = (АРМУТ) + (ПМО) \quad **$$

где расшифровка обозначения двух компонентов социально-гигиенического мониторинга (СГМ) в виде (АРМУТ) и (ПМО) указаны в тексте выше.

Существующие подходы анализа на базе научно-практических исследований по каждой составляющей в формуле (**) отличаются многообразием, поскольку затрагивают сложнейший комплекс различных медико-биологических и других научных дисциплин. В монографии [14] приводится методологическая концепция количественной оценки профессионального риска с позиций ПЗ посредством единого индекса вреда, что существенно облегчает процесс исследований при комплексном анализе. В упомянутой работе на примере оценки относительной дозы шума и гигиенического нормирования условий труда при воздействии теплового излучения показаны реальные возможности практического применения предложенных вариантов, приемлемость которых не вызывает сомнения при проведении горных работ для оценки ущерба здоровья работоспособного населения, занятого освоением рудных месторождений Мурманской области.

Литература

1. Измеров, Н.Ф. Сохранение здоровья работающих России как основа государственной стратегии в решении проблем трудовых ресурсов. / Н.Ф. Измеров // Материалы VII Всероссийского конгресса «Профессия и здоровье» (Москва, 25-27 ноября 2009 г.). – М.: изд-во «Дельта», 2009. – С. 5-7
2. Романов, В. П. Понятие рисков и их классификация как основной элемент теории рисков. //Инвестиции в России. – 2000. – № 12. – С. 41-43. – Режим доступа: <http://www.eldorado73.nagod.ru>
3. Буянов, В.П. Рискология (управление рисками). / В.П.Буянов, К.А.Кирсанов, Л.М.Михайлов. – М.: Изд-во «Экзамен», 2003. – 384 с.
4. Вишняков, Я.Д. Общая теория рисков: учебное пособие. / Я.Д. Вишняков, Н.Н. Радаев. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 368 с.
5. Миронюк, С.Г. Теория риска и проблемы развития устойчивого общества. // Журнал «Самиздат». – 2002. – Режим доступа: <http://www.dronedl.ru/m/>
6. Однохоров, А.И. Оценка профессионального риска / А.И. Однохоров // Безопасность и охрана труда. – 2007. – № 3 (32). – С. 60-62
7. Методические рекомендации. Оценка профессионального риска на основе математического моделирования профессиональной заболеваемости. / Н.Ф. Измеров и др. – М.: Научный Совет «Медико-экологические проблемы здоровья работающих», 2009. – 76 с.
8. Гигиена труда, оценка риска и управление производственным риском // Безопасность и охрана труда. – 2007. – № 3 (32). – С. 26-29
9. Воробьев Ю.Л. Государственная политика в области регулирования природной и техногенной безопасности. / Ю.Л. Воробьев. // Проблемы анализа риска. . – 2005. – Том 2. – № 2. – С. 104-113
10. Шлыков В.Н. Оценка риска производственного травматизма. / В.Н. Шлыков // Охрана труда: практика управления и организации (Библиотека журнала «Справочник специалиста по охране труда», 1-2005). – М.: МЦФЭР, 2005. – С. 111–115

11. Ванюков А.В. Эффективное управление производственными рисками – залог успеха бизнеса. Залог компании «Дюпон». / В.А. Ванюков // Справочник специалиста по охране труда. – 2007. – № 8. С. 27-31
12. Сугак Е.Г. Лукавые цифры. / Е.Г. Сугак // Охрана труда и социальное страхование. – 2004. – № 5. С. 44-46
13. Качурин Н.М. Травматизм и профессиональная заболеваемость при подземной добыче полезных ископаемых: монография // Н.М. Качурин, В.И. Ефимов, Е.Б. Коклянов, И.П. Карначев, А.Н. Никанов // – Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. – 356 с.: ил.
14. Профессиональный риск. Теория и практика расчета: монография. // под ред. д.т.н., проф. А.Г. Хрупачева и д.м.н., проф. А.А. Хадарцева // – Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. – 330 с.: ил.

СОЦИАЛЬНО УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ИДЕЙ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РФ

**Рябова Л.А., к.э.н., доц., зав. отделом социальной политики на Севере
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН, г. Апатиты**

Любая из форм государственной политики складывается из концептуальных, институциональных и материальных/финансовых составляющих. Концептуальная основа государственной политики – теории, приобретающие статус правительственной доктрины, т. е. положенные в основу политики государства. Институциональная основа состоит из формальных (законодательное обеспечение) и неформальных (добровольно заключенные договора и кодексы поведения) правил, организаций (сообществ людей, созданных на основе того или иного института), взаимодействий институтов («правил игры») и организаций («игроков») [1].

Анализ концептуальных основ государственной политики на зарубежном Севере показывает, что с конца 1980-х гг. ее базисной парадигмой является концепция устойчивого развития [2]. Она получила широкую известность в 1987 г. после доклада председателя Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию Г.Х. Брундтланд «Наше общее будущее» [3]. В нем доказывалась необходимость устойчивого развития в масштабах планеты – развития, при котором удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Определения устойчивого развития продолжают уточняться, но до сих пор эта формулировка используется в качестве базовой. Концепция основана на триединстве социальной, экономической и экологической устойчивости и реализует принципы социальной справедливости, экономической эффективности и экологической безопасности.

Значительное место в концепции занимает аспект социальной устойчивости. Социальная составляющая устойчивого развития ориентирована на человека, на сохранение социальных и культурных систем, справедливое распределение благ внутри и между поколениями, сохранение культурного многообразия в глобальных масштабах, учет практик устойчивого развития в не доминирующих культурах, создание систем принятия решений, основанных на плюрализме. Одними из главных ее аспектов являются уровень и качество жизни населения. Социальная устойчивость привлекла внимание исследователей в конце 1990-х гг., получая также политическое и институциональное подтверждение как часть практической деятельности местных сообществ, стремящихся к устойчивому развитию, и дискурса об устойчивом развитии городов.

Важным трендом в эволюции теории стало дополнение традиционного «жесткого» понимания социальной устойчивости, основанного на оценках таких ее аспектов как занятость, бедность, уровень жизни и т.п., более «мягкими» и менее поддающимися измерению. Среди них – счастье, местная идентичность, социальное смешивание различных социальных групп,

возникающее при взаимодействии людей в сетях сотрудничества [4]. Определения ее многообразны, но схожи в трактовке содержания [4-5]. Обобщая имеющиеся подходы, мы предлагаем следующее определение. Социальная устойчивость – такое состояние сообществ различного уровня, при котором в них обеспечивается высокое качество и уровень жизни, высокий уровень здоровья, социальная справедливость и равенство, социальная вовлеченность граждан, будущие поколения имеют такой же или более широкий доступ к социальным ресурсам как нынешнее поколение, что, в конечном счете, обеспечивает существование данных сообществ в неопределенно долгой перспективе. Социальные ресурсы, кроме формирующих благосостояние, включают права человека, трудовые права, различные культуры. Сегодня социальная устойчивость все чаще рассматривается как фундаментальная основа устойчивого развития.

Одновременно с концепцией устойчивого развития развивалась неолиберальная концепция. Многие исследователи видят ее как главную оппонирующую доктрину и даже угрозу идеям устойчивого развития [6, 7]. Неолиберализм сформировался как оппозиция социал-либерализму, получившему развитие в середине XX века. Социал-либеральные идеи предполагали социальное сотрудничество и социальную защиту, сочетание рыночной конкуренции с государственным регулированием и широкими социальными программами [8], впоследствии они заложили основу концепции устойчивого развития. Неолиберализм – популярная концепция и распространенный способ управления в отдельных государствах и в международном сотрудничестве. Он отдает предпочтение рыночным методам управления и усилению роли граждан в развитии за счет минимизации регулятивных и законодательных практик государственного управления [9].

Несмотря на распространение неолиберальных идей, на зарубежном Севере базисной парадигмой в теории и господствующим способом управления на практике остается устойчивое развитие [2, 7]. В 2000-х гг. страны зарубежного Севера принимали национальные стратегии устойчивого развития, а с 2009 г. – национальные арктические стратегии, базирующиеся на идеях устойчивого развития, с акцентом на социальной устойчивости. Роль государства в развитии арктических территорий остается высоко значимой, особенно в Северной Европе; исключение составляет Аляска с моделью управления, основанной на большом объеме прав штата. Ряд исследований доказывают, что после мирового кризиса 2008-2009 гг. пришло время пост-неолиберализма, когда в странах с различным политическим устройством раздаются призывы к сильному государству. Понятие «сильное государство» изменяется, в него включается не только более сильное государственное регулирование экономики, но и более справедливое распределение доходов от экономической деятельности в пользу местных сообществ и населения [10].

В РФ, после периода «увлеченности» концепцией устойчивого развития в 1990-х гг., когда был принят единственный до сего дня документ, посвященный национальной стратегии устойчивого развития, – «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (01.04.1996 г.), интерес к ней снижался. В последние годы приняты документы, формирующие новую институциональную основу государственной социально-экономической политики РФ в целом и ее северной составляющей. Главные документы, определяющие государственную политику в целом, – «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (17.11.2008 г.), одним из ключевых для которой является тезис об инновационном социально ориентированном развитии страны, и «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» (12.05.2009 г.). Что касается государственной северной политики, то основным содержанием институциональных изменений последних лет является активное формирование ее арктической законодательной составляющей. Приняты «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» (18.09.2008 г.) и «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2020 г.» (08.02.2013 г.), готовится к утверждению государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны

Российской Федерации на период до 2020 года». И в общенациональных законодательных документах, и в тех, что касаются Севера и Арктики, термин «устойчивое развитие» используется довольно часто, но его глубокая смысловая интерпретация, соответствующая истинному содержанию этой концепции, встречается редко. Концептуальной основой государственной социально-экономической политики РФ являются концепции экономического роста или поступательного социально-экономического развития, дополненные концепцией национальной безопасности, либо используется модернизационная парадигма, дополненная концепциями человеческого капитала (реже – потенциала), выступающими в качестве теоретической базы тезиса о социально ориентированном развитии страны. Это более узкий и менее социально ориентированный по сравнению с теорией устойчивого развития концептуальный базис.

Анализ парадигмальных оснований арктической политики РФ, в том числе, контент-анализ ее главного законодательного документа – «Основы государственной политики в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу», – показывает, что ее основой избрана концепция экономического роста, базирующегося на модели ресурсной экономики. Одной из ключевых является идея об усилении эксплуатации природных ресурсов Арктики для обеспечения развития остальной части РФ – первоочередным национальным интересом определено использование Арктики «в качестве стратегической ресурсной базы РФ, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны» [11]. Главной целью государственной политики в Арктике установлено расширение ее ресурсной базы для обеспечения потребности РФ в углеводородах и других видах сырья. Вопросы социального развития освещены крайне кратко – из семи с половиной страниц текста им посвящена лишь треть страницы. Арктические территории рассматриваются, прежде всего, как физическая платформа для размещения производительных сил в связи с добычей природных ресурсов. Главное внимание государства направлено на обеспечение оптимальной конфигурации вокруг энерго-сырьевых источников главных факторов промышленного производства – основных фондов, обслуживающих комплексов и инфраструктур, систем жизнеобеспечения для рабочей силы. Такое понимание развития характерно для периода индустриализации и гораздо уже, чем представление о нем, как об устойчивом социально-эколого-экономическом развитии [12]. Этот подход во многом противоречит национальной парадигме социально ориентированного инновационного развития («Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»), тезису об обживании Севера и Арктики, активно выдвигаемому учеными-североведами (В.Н. Лаженцев и др.) и самими арктическими регионами, идее устойчивого развития, составляющей основу арктических стратегий стран зарубежного Севера.

Тем не менее, с начала 2010-х гг. можно говорить о признаках появления как в науке, так и в практике территориального управления в РФ новой волны внимания к идеям устойчивого социально ориентированного развития – и, прежде всего, со стороны регионального уровня. В большинстве северных/арктических регионов РФ разработаны региональные стратегии, в той или иной степени отражающие идеи устойчивого, комплексного, инновационного, социально ориентированного развития (напр., [13]). При их разработке учитывались положения «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», где ключевым является тезис об инновационном социально ориентированном развитии.

В последнее время появились признаки того, что и на федеральном уровне при формировании северной/арктической политики стало уделяться больше внимания идеям устойчивого развития, социальной устойчивости. Доказательством могут служить положения второго основного «арктического» документа РФ. «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2020 г.» (08.02.2013 г.) создана Министерством регионального развития РФ в сотрудничестве с Советом по изучению производительных сил. Провозглашено, что она направлена на достижение целей и приоритетов устойчивого развития Арктики и национальной безопасности РФ. Первоочередным приоритетом

обозначено комплексное социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ. Одно из важных мест занимает улучшение качества жизни проживающего здесь населения, перечень направлений по улучшению качества жизни включает 15 пунктов [14]. В Стратегии «ресурсная» парадигма освоения сбалансирована положениями об устойчивом развитии Арктики, в том числе об улучшении качества жизни ее населения, что является шагом вперед в развитии концептуальной базы арктического законодательства РФ в направлении повышения внимания к проблемам социальной устойчивости. Но с учетом того, что Стратегия разработана для реализации целей и приоритетов, определенных в Основах государственной политики в Арктике, она не смогла кардинально изменить подход, заложенный в основополагающем документе.

К сожалению, третий документ – разработанная Минрегионом государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года», представленная на обсуждение в ноябре 2013 г., – не только не стал инструментом реализации идей об устойчивом социально ориентированном развитии российской Арктики, содержащихся в Стратегии развития Арктической зоны РФ, но и, на наш взгляд, явился «шагом назад» в этом отношении. Как минимум, три обстоятельства заставляют сделать такой вывод. Во-первых, целью программы установлено ускорение развития РФ за счет масштабного вовлечения в хозяйственный оборот природных возможностей Арктической зоны, что противоречит объявленному в Стратегии развития Арктической зоны первоочередным приоритету комплексного социально-экономического развития Арктики. Во-вторых, социальные цели формулируются узко, и вместо комплексного социального развития Арктики РФ сводятся к задачам элементарного жизнеобеспечения (задача 3 «Создание и развитие локальных систем жизнеобеспечения в Арктической зоне РФ»). В-третьих, в целевых индикаторах программы единственным индикатором, имеющим отношение к «человеческому измерению» является «Увеличение темпов роста производительности труда на предприятиях Арктической зоны РФ» [15]. При этом уже сегодня при численности населения 2,3 млн. человек [15], или 1,6% населения РФ, в Арктике создается до 12-15% ВВП страны [16], а объем ВРП на одного жителя в среднем по арктическим территориям составляет 905,7 тыс. руб., при среднем по РФ 261,7 тыс. руб. [17].

Анализ арктических стратегий стран зарубежного Севера показывает, что их целевые установки отличаются от целей арктической политики РФ, направленной в первую очередь на решение проблем развития РФ за счет усиления эксплуатации природных ресурсов Арктики. Арктические стратегии зарубежных стран более ориентированы на идеи устойчивого развития и, особенно, на достижение социальной устойчивости арктических территорий – развитие человеческого потенциала, улучшение качества жизни, развитие местных сообществ, коренных народов. Максимально направлены на достижение социально устойчивого развития арктические стратегии Финляндии, Норвегии и Швеции (табл. 1).

Таблица 1 – Цели государственной арктической политики в Российской Федерации и в зарубежных северных странах [11, 14, 15, 18]

Страна	Название документа	Цели и приоритеты государственной арктической политики
Российская Федерация	<p>1. «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу», 2008 г.</p> <p>2. «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2020 г.», 2013 г.</p> <p>3. Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (представлена на обсуждение ноябре 2013 г.)</p>	<p>1. Национальные интересы РФ в Арктике – а) использование Арктической зоны в качестве стратегической ресурсной базы РФ, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны; б) сохранение Арктики как зоны мира и сотрудничества; в) сбережение уникальных экологических систем Арктики; г) использование Северного морского пути как национальной единой транспортной коммуникации РФ в Арктике. Главная цель государственной политики РФ в Арктике в сфере социально-экономического развития – расширение ресурсной базы АЗРФ, способной в значительной степени обеспечить потребности России в углеводородных ресурсах, водных биологических ресурсах и других видах сырья.</p> <p>2. Цель - реализация национальных интересов, а также достижение главных целей государственной политики РФ в Арктике путем решения основных задач с учетом стратегических приоритетов, обеспечивающих национальную безопасность и устойчивое социально-экономическое развитие АЗРФ. Приоритеты: а) комплексное социально-экономическое развитие АЗРФ; б) развитие науки и технологий; в) создание современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры; г) обеспечение экологической безопасности; д) международное сотрудничество; е) обеспечение военной безопасности, защиты и охраны государственной границы РФ в Арктике.</p> <p>3. Цель – ускорение развития РФ за счет масштабного вовлечения в хозяйственный оборот природных возможностей Арктической зоны России. Приоритеты: а) обеспечение реализации масштабных инвестиционных проектов в АЗРФ; б) покрытие российского сектора Арктики глобальными системами транспортной, энергетической и информационно-коммуникационной инфраструктуры, системами обеспечения комплексной безопасности жизнедеятельности, экологической безопасности и мониторинга; в) развитие локальных систем жизнеобеспечения; г) обеспечение координации существующих и разрабатываемых механизмов развития АЗРФ.</p>
Финляндия	<p>1. Suomen arktinen strategia, 2010 г.</p> <p>2. Suomen arktinen strategia, 2013 г.</p>	<p>Приоритеты: а) создание условий для развития человеческого потенциала, б) международное сотрудничество в сфере образования и науки, в) создание условий для развития и повышения конкурентоспособности бизнеса, г) защита окружающей среды в Арктике, д) обеспечение участия коренных народов в вопросах, затрагивающих сферы их жизнедеятельности, е) укрепление международного сотрудничества</p>
Швеция	Sveriges strategi för den arktiska regionen, 2011 г.	<p>Приоритеты: а) сохранение и устойчивое использование биоразнообразия с учетом интересов коренных народов, б) экономическое развитие, в) человеческое измерение, г) арктическое сотрудничество</p>
Норвегия	Nordområdene, Visjon og virkemidler, 2011 г.	<p>Приоритеты: а) создание в Арктике условий для совместного существования экономики и местных сообществ в экологически безопасных и устойчивых рамках, б) новый энергетический регион, в) новая промышленная эра, г) комплексное управление морскими районами, д) рост привлекательности Северного Ледовитого океана, е) глобальный банк знаний по вопросам окружающей среды, климата и общества, ж) инновационное сотрудничество, з) новый геополитический центр</p>
Дания	Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011-2020, 2010 г.	<p>Приоритеты: а) мир и безопасность Арктики, б) самостоятельный рост и развитие, в) уязвимость климата, окружающей среды и природы, г) расширение регионального сотрудничества и решение глобальных проблем в арктическом регионе, д) международное сотрудничество</p>
США	National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive, 2009 г.	<p>Приоритеты: а) национальная безопасность, б) активизация человеческой деятельности в Арктике и адаптация коренных народов к изменениям климата, в) международное сотрудничество, г) научные исследования местных, региональных и глобальных экологических проблем и привлечение общин коренных народов к принятию решений, затрагивающих их жизнедеятельность</p>

Страна	Название документа	Цели и приоритеты государственной арктической политики
Канада	Canada's Northern Strategy: Our North, Our Heritage, Our Future: Canada's Northern Strategy, 2009 г.	Приоритеты: а) обеспечение государственного суверенитета, б) защита природного наследия (окружающей среды), в) содействие социально-экономическому развитию, г) совершенствование «северного» управления

Следует сделать вывод, что идеи устойчивого развития и его такого важного аспекта как социальная устойчивость слабо отражены в концептуальных и институциональных основаниях государственной северной и арктической политики РФ. Анализ утвержденных и готовящихся к утверждению законодательных документов выявил в них концептуальные противоречия. Базисная идея Основ государственной политики в Арктике (2008 г.) и программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (подготовлена в 2013 г.) об усилении использования природных ресурсов Арктики для обеспечения развития остальной части РФ противоречит идее «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2020 г.» (2013 г.) о комплексном социально-экономическом развитии Арктики, где одним из главных приоритетов определено улучшение качества жизни проживающего населения. Одной из основных проблем является то, что аспектам социальной устойчивости, развития человеческого потенциала арктических территорий во многих случаях отводится вторичная, производная от экономических задач роль, а цели социального развития Арктики РФ сводятся к задачам элементарного жизнеобеспечения.

Литература

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко, пред. и науч. ред. В.З. Мильнера. М.: «Начала», 1997.
2. Витязева В.А., Котырло Е.С. Социально-экономическое развитие российского и зарубежного Севера. Учебное пособие. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2007. С. 106, 168.
3. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Пер. с англ., ред. Евтеев, С.А., Перелет, Р.А. - М.: Прогресс. 1989. 376 с.
4. Colantonio, A. Social sustainability: a review and critique of traditional versus emerging themes and assessment methods. In: Horner, M., Price, A., Bebbington, J. and Emmanuel, R., (eds.): 2nd International Conference on Whole Life Urban Sustainability: conference proceedings. Loughborough University, Loughborough, UK. Pp. 865-885. – URL: <http://eprints.lse.ac.uk/35867/>
5. Ипполитов Л.М. Социально-устойчивое развитие как критерий реформирования национальных экономических систем. – URL: <http://www.aspe.spb.ru/Series/Ippolitov.pdf>
6. Reid, J. The debased and politically disastrous subject of resilience. Development dialogue. 2012. №58. Pp.67-80.
7. Tennberg M., Riabova L., Espiritu A. Introduction to politics of development in the Barents region // Politics of Development in the Barents Region. Lapland University Press, Rovaniemi, 2012. - P. 20.
8. Неoliberalизм // Википедия: сайт. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
9. Larner W. Neoliberalism: Policy, ideology, governmentality. Studies in Political Economy. Vol. 63. 2000. – URL: <http://spe.library.utoronto.ca/index.php/spe/article/view/6724>
10. Tennberg M. The political economy of the Barents region. Paper presented at the Thorvald Stoltenberg Conference, 1-2 October 2013, Kirkenes, Norway.
11. «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу». – URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/98.html>
12. Шейман Д., Щедровицкий П. Институциональные механизмы устойчивого развития. – URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/formula/machinery/>
13. «Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года». – URL: http://de.gov.yanao.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=263-&Itemid=177
14. «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2020 г.» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=142561>
15. Проект Государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года». – URL: http://regulation.gov.ru/project/9208.html?point=view_project&stage=3&stage_id=4345

16. Пилясов А.Н. Арктика России: состояние и перспективы. – URL: <http://www.rosnord.ru/strategy/standpoint/65-arktika-rossii-sostoyanie-i-perspektivy#footnote-16205-3>
17. Корчак Е.А. Благополучие населения северных и арктических регионов России // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. – URL: <http://www.science-education.ru/109-9380>
18. Корчак Е.А. Государственные стратегии зарубежных северных стран в Арктике // ЭКО. 2013. №6, С. 149-160.

Сковпень В.А., к.э.н., в.н.с.

НИИ труда и социального страхования Министерства труда и социальной защиты, г. Москва

Из арктических регионов, которые, согласно исследованиям отдельных ученых, полностью входят в арктическую зону Российской Федерации, региональные соглашения о минимальной заработной плате были заключены в Мурманской области и Ямало-Ненецком автономном округе.

Размер минимальной заработной платы в Мурманской области был установлен приложением № 4 к Соглашению о минимальной заработной плате на 2011-2013 годы между Правительством Мурманской области, Мурманским областным советом профессиональных союзов и Региональным объединением работодателей «Союз промышленников и предпринимателей Мурманской области», подписанным 23 октября 2013 года, и на конец 2013 г. составлял 10730 рублей.

Размер минимальной заработной платы в Ямало-Ненецком автономном округе был установлен Региональным соглашением о минимальной заработной плате от 13 декабря 2011 г., заключенным между Ямало-Ненецким территориальным объединением организаций профсоюзов, Некоммерческой организацией «Объединение работодателей Ямало-Ненецкого автономного округа» и исполнительными органами государственной власти Ямало-Ненецкого автономного округа, и на конец 2013 г. составлял 11171 рублей.

В Ненецком и Чукотском автономных округах региональные соглашения о минимальной заработной плате в 2013 г. не были заключены. Следовательно, для работников этих субъектов Российской Федерации гарантии по минимальной заработной плате были установлены в размере 5205 руб., т.е. на уровне федерального минимального размера оплаты труда¹⁶.

Таким образом, в Мурманской области и в Ямало-Ненецком автономном округе региональными соглашениями минимальная заработная плата установлена в размере, более чем в два раза превышающем федеральный МРОТ. При этом в Ямало-Ненецком автономном округе минимальная заработная плата выше, чем в Мурманской области. Однако с учетом стоимости жизни в исследуемых субъектах РФ, ситуация обстоит несколько иначе, поскольку в Ямало-Ненецком автономном округе минимальная заработная плата ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения, составлявшей в III квартале 2013 г. 12837 руб., а в Мурманской области – несколько превышает величину прожиточного минимума трудоспособного населения (10723 руб.). В результате соотношение минимальной заработной платы с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения в субъекте РФ показывает, что в Мурманской области минимальная заработная плата обеспечивала работникам 100,1% прожиточного минимума трудоспособного населения в субъекте РФ за III квартал 2013 г., в Ямало-Ненецком автономном округе – 87,0%.

Из этого следует, что покупательная способность минимальной заработной платы в Мурманской области выше, чем в Ямало-Ненецком автономном округе. Следует иметь в виду, что в рассматриваемых субъектах РФ применяются районные коэффициенты и процентные надбавки за стаж работы в районах Крайнего Севера. В связи с этим представляет интерес сравнение покупательной способности минимальной заработной платы в анализируемых субъектах РФ с покупательной способностью минимальной заработной платы в субъектах РФ, в которых выплаты по районному регулированию не применяются. При проведении данного сопоставления необходимо отметить, что в ряде субъектов Российской Федерации минимальная заработная плата установлена в дифференцированном размере для бюджетного и внебюджетного секторов

¹⁶ С 1 января 2014 года МРОТ установлен в сумме 5554 рублей в месяц (статья 1 Федерального закона от 02.12.2013 № 336-ФЗ).

экономики. При этом в организациях внебюджетного сектора экономики минимальная заработная плата существенно выше, чем в бюджетном секторе. В Ямало-Ненецком автономном округе значение покупательной способности минимальной заработной платы превышает рассматриваемое значение для работников бюджетного сектора экономики более чем в половине субъектов РФ, где выплаты по районному регулированию не применяются, но во внебюджетном секторе значение этого показателя в основном ниже. В Мурманской области покупательная способность минимальной заработной платы на уровне и незначительно выше, чем в большинстве указанной группы субъектов РФ, вне зависимости от формы собственности.

Что касается Ненецкого и Чукотского автономных округов, величина прожиточного минимума трудоспособного населения в этих субъектах Российской Федерации превышает величину прожиточного минимума трудоспособного населения в Мурманской области и Ямало-Ненецком автономном округе, и в III квартале 2013 г. составила в Ненецком автономном округе 16361 руб., в Чукотском автономном округе - 13388 руб. Следовательно, в Чукотском и Ненецком автономных округах федеральный МРОТ в 2013 г. не обеспечивал стоимости даже половины потребительской корзины (соответственно 38,9 и 31,8%), поэтому отсутствие в данных субъектах РФ установленных в региональных соглашениях гарантий по минимальной заработной плате, превышающей федеральный МРОТ, можно оценить негативно.

Как показывает анализ, минимальная заработная плата из всех рассматриваемых арктических регионов России только в Мурманской области гарантирует обеспечение стоимости жизни на минимальном уровне, а в других субъектах РФ не обеспечивает даже его.

Тот факт, что покупательная способность минимальной заработной платы в арктических регионах аналогична покупательной способности минимальной заработной платы в субъектах РФ с благоприятными природно-климатическими условиями, говорит о том, что отсутствуют материальные стимулы по привлечению работников в арктические регионы. Как известно, функцию по привлечению персонала для работы в районы Крайнего Севера выполняет процентная надбавка к заработной плате за стаж работы в данных районах или местностях. В этой связи следует упомянуть мнение некоторых ученых о сомнительности включения в минимальную заработную плату районных коэффициентов и процентных надбавок и целесообразности вывода выплат по районному регулированию из состава минимальной заработной платы (см., например [1, 2, 3]). Аналогичной позиции придерживался и Верховный Суд в некоторых своих Определениях (см., например, [4]). Но в настоящее время в трудовом законодательстве закреплена иная норма. В соответствии с Федеральным законом от 20.04.2007 № 54-ФЗ утратила силу вторая часть статьи 129 Трудового кодекса Российской Федерации, в которой было предусмотрено, что в минимальный размер оплаты труда «не включаются компенсационные, стимулирующие и социальные выплаты».

Однако какой бы ни была структура минимальной заработной платы, ее уровень должен быть достойным и гарантировать работнику нормальное воспроизводство рабочей силы. В связи с этим представляет интерес сравнение минимальной заработной платы со средней заработной платой в субъекте Российской Федерации. Как отмечается в экономической литературе, в странах с развитой рыночной экономикой отношение минимальной заработной платы к средней заработной плате составляет не менее 30-35% [5]. При этом Международной организацией труда данное соотношение рекомендовано устанавливать на уровне 50%, а в Европейском союзе – 60% [6].

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в Ямало-Ненецком автономном округе составила в I полугодии 2013 г. 70981 руб., в Чукотском автономном округе – 67783 руб., в Ненецком автономном округе – 61177 руб., в Мурманской области – 38825 руб.

Таким образом, соотношение минимальной заработной платы и средней заработной платы в субъекте РФ составляет в Мурманской области 27,6%, т.е. приближается к вышеназванному зарубежному значению. В Ямало-Ненецком автономном округе данное соотношение значительно ниже - 15,7%, в Ненецком и Чукотском автономных округах федеральный МРОТ не достигает

даже 10% от средней заработной платы в данных субъектах Российской Федерации и составляет соответственно 8,5 и 7,7%, что говорит о слабой социальной защищенности низкооплачиваемых категорий работников этих регионов.

Проведенный анализ показывает, что при сравнительно небольшом по сравнению с другими арктическими регионами уровне средней заработной платы гарантии по минимальной заработной плате в Мурманской области обеспечивают более высокий уровень воспроизводства рабочей силы, чем другие рассматриваемые субъекты РФ.

Литература

1. Кокин Ю.П., Широкова Л.Н. Новое толкование минимальной заработной платы: существо и последствия // Ваш бюджетный учет. – 2007. - № 12. С. 43-51
2. Власенкова В.В. О минимальном размере оплаты труда работников // Пути реализации в России программы достойного труда и достойного социального обеспечения. Андреевские чтения: материалы IX международной научно-практической конференции. – М. Проспект, 2013. С. 128-133
3. Рабинович А.Д. Минимальный размер оплаты труда в особых условиях и в других случаях выполнения работ в условиях, отклоняющихся от нормальных. // Пути реализации в России программы достойного труда и достойного социального обеспечения. Андреевские чтения: материалы IX международной научно-практической конференции. – М. Проспект, 2013. С. 396-399
4. Определение Верховного Суда РФ от 24 июня 2011 г. № 52-В11-1, Определение Верховного Суда РФ от 1 июля 2011 г. № 72-В11-5
5. Яковлев Р.А. Оплата труда в организации. - М.: МЦФЭР, 2005 . С. 43
6. Поллак А.П. Территориальная минимальная заработная плата (вопросы методологии). // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2010. Тезисы докладов V Международной научно-практической конференции, 8-10 апреля 2010 г. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2010. С. 105

МЕСТО ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ В МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВКАХ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Тимаков И.В., к.э.н., м.н.с.

Институт экономики Карельского НЦ РАН, г. Петрозаводск

Перемещение населения из одного населённого пункта в другой непосредственно сопряжено с постоянной или временной сменой жительства. Статистика перемещения населения на постоянное место жительства или на длительные сроки сопряжена с достоверностью данных по подобным мигрантам и оставляет неохваченной их значимую часть, в том числе не регистрируемых ФМС. Поэтому в нашем исследовании мы большее внимание уделяем проблеме настроений и миграционных стратегий населения.

Советская структура расселения ставила целью обеспечение вновь организуемых производств рабочей силой, что формировало профиль поселения и зависимость его функционирования от состояния производства. Осуществлялись различные организационные наборы под рабочие места вновь создаваемых предприятий, в том числе сырьевого профиля. Эти процессы сопровождалось строительством рядом расположенных поселений – моногородов, где большая часть населения трудилась на градообразующем предприятии.

В результате постсоветской деиндустриализации градообразующие предприятия оказываются в сложном положении: сокращаются объёмы производства, падает спрос на продукцию, улучшаются технологии и сужаются рынки. Безработица в таких городах резко возрастает на фоне централизованного сокращения финансирования поселенческой

инфраструктуры. Неизбежно усиливаются процессы переселения людей в крупные города и региональные центры, где за счёт развития сферы услуг и концентрации региональных бюджетных потоков формируются новые рабочие места и повышается уровень жизни. Итогом продолжающегося оттока населения становится самоликвидация некоторых поселений. По переписи 2010 г. из 776 сельских населенных пунктов Республики Карелия 14 % остаются без населения.

Республика Карелия (РК) как северный приграничный регион характеризуется сокращением население в результате как естественных причин, так и значительного механического оттока. Актуальными являются вопросы, связанные с выездной миграцией. Интенсифицируются центростремительные процессы урбанизации, сосредоточения населения и экономической жизни в крупных и крупнейших городах РФ (73,7% по РФ, 78% по РК – городское население 2010г.). При этом не обеспечивается равноценный доступ жителей различных городов к экономической и социальной инфраструктуре и преимуществам благоустройства, что обостряет вопросы социального неравенства. Наиболее проблемными в этом отношении оказываются северные районы (например, Кемский, Лоухский, Беломорский, Медвежьегорский).

Усиление территориального неравенства по уровню жизни (зарплаты, жилищной обеспеченности) является объективной предпосылкой нарастания миграционных процессов. В условиях европейского соседства изменяются субъективные представления населения о стандартах качества жизни, качества жилой среды, представления о мобильности. Стремление людей к более полному удовлетворению своих потребностей в пределах сформировавшихся представлений и побуждает людей к миграции. В этом контексте возникающая «потребность в миграции – вторичная, производная от первичных потребностей» [1]. Таким образом, миграция – механизм урбанизации, потребность в которой возникает в результате неудовлетворённости первичных потребностей в условиях поселений.

Гипотеза нашего исследования – ключевым фактором смены места жительства в условиях северного приграничного региона становится неудовлетворённость жилищных потребностей местного населения.

Исследование проводилось на основе социологического анализа факторов миграционного процесса. В качестве объекта исследования в 2012 году были выбраны муниципальные образования Республики Карелия: Петрозаводск, Сортавала и Медвежьегорск. Выборка составила 508 домохозяйств [2].

Характеристика объектов. Петрозаводск – региональный центр, крупный город, где проживает 42% населения РК. Сортавала – приграничное поселение на Ю-З РК, на территории Северного Приладожья, недалеко от границы с Финляндией и г. Санкт-Петербург, второй после Петрозаводска региональный туристический центр, экономически развит сектор услуг. Медвежьегорск – центральная часть РК, 152 км. севернее Петрозаводска, экономически депрессивная территория с продолжающимся оттоком населения.

Опрос выявлял миграционные настроения населения и их возможные стратегии по разрешению миграционных проблем. *Согласно результатам исследования миграционный потенциал среди домохозяйств РК составляет 25% , при этом доля определившихся мигрантов не превышает 3-3,5%* (табл.1). Несколько выше миграционные настроения в расположенном севернее, экономически слабом Медвежьегорском районе, где миграционные настроения демонстрируют 35% домохозяйств. Наибольший отток населения в ближайшее время возможен в Сортавальском районе, где более 5% домохозяйств твёрдо определилось в намерении сменить место жительства, на что оказывает влияние близость Санкт-Петербурга.

Таблица 1

Миграционные установки населения Республики Карелия (РК)

	РК совокупно	Петрозаводск	Медвежьегорск	Сортавала
	%	%	%	%
не намерен	54,1	65,1	42,9	29,1

думаю изменить, но нет никаких планов	22,6	18,0	32,7	26,6
твердо решил переехать	3,3	2,9	3,1	5,1
затрудняюсь ответить	20,0	14,0	21,4	39,2

Важное значение приобретает социальное положение потенциальных мигрантов. Необходимость средств для реализации миграционной стратегии подтверждается многими исследованиями межрегиональных миграций, в которых отмечается снижение мобильности по причине «ловушки бедности». Граждане не способны нести издержки смены места жительства и связанные с этим расходы. Поэтому «трезво» оценивая возможности переезда, наибольшие миграционные настроения присутствуют в более доходных социальных группах. *Социальное положение потенциальных мигрантов составляет в основной массе среднедоходные социальные группы, имеющие средства для покрытия издержек переезда* (табл.2).

Таблица 2

Распределение доходов миграционно настроенных домохозяйств

Размер совокупного месячного денежного дохода семьи	Намерены ли вы изменить место жительства			
	не намерен	думаю изменить, но нет никаких планов	твердо решил переехать	затрудняюсь ответить
до 4000	0,0%	1,0%	0,0%	0,0%
4000-8000	0,4%	0,0%	6,7%	1,1%
8000-12000	1,6%	2,9%	0,0%	2,2%
12000-16000	3,7%	4,9%	0,0%	3,3%
16000-20000	9,0%	8,8%	6,7%	11,0%
20000-25000	10,6%	11,8%	20,0%	11,0%
25000-30000	11,8%	18,6%	26,7%	22,0%
30000-50000	38,4%	33,3%	20,0%	36,3%
более 50000	24,5%	18,6%	20,0%	13,2%

Среди оценок населения миграционных стратегий преобладают представленные в таблице 3 миграционные факторы. *На первом месте в РК респонденты выделяют улучшения жилищных условий как ключевой фактор смены места жительства, что подтверждает нашу гипотезу.* На втором месте фактор трудовых миграций. Несколько отличная ситуация наблюдается в Медвежьегорске, где на первое место выходит миграционная стратегия целью которой является образование детей.

В рассматриваемых миграционных стратегиях домохозяйств преобладают, в основном, первичные социально-экономические условия, сложившиеся на рынке жилья и рынке труда в местах проживания. Таким образом, миграционное поведение является результатом существующего социально-экономического неравенства регионов и городов РК и РФ.

Жилищные условия определяют существенную часть жизни домохозяйства и зависят от структуры формирования доходов и условий работы членов домохозяйства. Здесь имеют значение и условия транспортной доступности места работы, и условия для воспитания детей и финансовые возможности семьи по приобретению жилой площади помещения.

Таблица 3

Структура миграционных факторов в оценках населения

	РК суммарно		Петрозаводск		Медвежьегорск		Сортавала	
	%	Rank	%	Rank	%	Rank	%	Rank
поиск лучшей работы	21,7%	2	25,2%	2	14,8%	3	26,2%	2
улучшение жилищных условий	26,1%	1	26,2%	1	17,3%	2	42,9%	1
образование детей	9,6%	4	0,9%	9	24,7%	1	2,4%	5
медицинские показания	1,3%	9	0,9%	9	2,5%	7		

поиск возможностей для самореализации	12,6%	3	15,0%	3	14,8%	3	2,4%	5
возвращение на родину	2,2%	7	3,7%	7	1,2%	8	0	
воссоединение семьи	1,7%	8	0,9%	9	3,7%	6	0	
удачный миграционный опыт родственников и друзей	5,2%	6	8,4%	5	3,7%	6	0	
поиск спокойного места жительства	5,7%	5	4,7%	6	7,4%	5	4,8%	4
устроить личную жизнь	12,6%	3	12,1%	4	8,6%	4	21,4%	3
другое	1,3%	9	1,9%	8	1,2%	8	0	

Рассмотрим оценку миграционно настроенными домохозяйствами жилищных условий в городах Республики Карелия. Среди миграционно настроенных домохозяйств, выделивших улучшение жилищных условий в качестве основного миграционного фактора, наибольшими проблемами являются нехватка площадей и износ жилого фонда. В Медвежьегорском районе вперёд выходят проблемы коммунального обслуживания.

Таблица 4

Сложившиеся условия неудовлетворённых жилищных потребностей миграционно настроенных домохозяйств

	ПК суммарно		Петрозаводск		Медвежьегорск		Сортавала	
	%	Rank	%	Rank	%	Rank	%	Rank
Не устраивают жилищные условия проживания с соседями, родственниками в одной квартире	24,5%	3	34,8%	1	23,1%	4	11,8%	4
теснота	37,7%	1	17,4%	4	53,8%	1	52,9%	1
отсутствие коммунальных удобств	15,1%	6	4,3%	6	38,5%	2	11,8%	4
маленькая кухня	30,2%	2	30,4%	2	38,5%	2	23,5%	3
жилье требует капитального ремонта	24,5%	3	21,7%	3	30,8%	3	23,5%	3
плохое коммунальное обслуживание	18,9%	5	17,4%	4	38,5%	2	5,9%	5
неудобная планировка	22,6%	4	21,7%	3	15,4%	5	29,4%	2
окружающая среда	5,7%	8	8,7%	5	0		5,9%	5
другое	13,2%	7	21,7%	3	7,7%	6	5,9%	5

В качестве наиболее перспективных жилищных стратегий для миграционно определившихся домохозяйств выделяются стратегии купли жилья в месте вселения и обмена. При этом среди миграционно настроенных домохозяйств более 40% не видят возможности решения жилищного вопроса в рамках миграционной стратегии, в то время как около 20% собираются сделать обмен или провести сделку купли-продажи.

Таким образом, решение жилищного вопроса в рамках миграционной стратегии это обмен или купля-продажа, что подтверждает необходимость наличия стартового капитала для участия в миграционном процессе и наличия доступного жилья в городах вселения.

Финансирование приобретения жилья на новом месте через обмен или покупку нового жилья предполагает выбор варианта финансирования сделки, среди которых возможны как кредитные схемы, так и использование собственных средств или жилья, предоставляемого работодателем. Последний вариант встречается достаточно редко. Проблема особенно актуальна в условиях миграционного притока в крупные города где стоимость жилой недвижимости в разы превосходит её стоимость в районах и регионах. В сложившейся ситуации среди миграционно настроенных домохозяйств РК более 44% рассчитывает на собственные средства (в

Сортавальском районе более 60%), в тоже время около 30% рассчитывает на те, или иные формы кредита. При этом кредитную стратегию реализуют единицы, особенно если необходимо изменение условий или рефинансирование кредита.

Таблица 5

Жилищные стратегии миграционно настроенных домохозяйств

Как вы предполагаете решать жилищный вопрос	Намерены ли вы изменить место жительства			
	не намерен	думаю изменить, но нет никаких планов	твердо решил переехать	затрудняюсь ответить
собираетесь получить по очереди	1,8%	0	0	1,6%
собираетесь сделать обмен	17,1%	18,9%	23,1%	9,5%
рассчитываете получить в наследство	4,5%	6,8%	7,7%	3,2%
собираетесь строить, перестраивать дом	10,8%	5,4%	15,4%	4,8%
рассчитываете на помощь предприятия	0,9%	1,4%	0,0%	0
собираетесь купить жилье	27,9%	20,3%	38,5%	23,8%
собираетесь переехать в другое место, где жилье дешевле	1,8%	5,4%	7,7%	0
пока не видите возможностей	34,2%	40,5%	7,7%	57,1%
другое	0,9%	1,4%	0,0%	0,0%

Таким образом, *распределение по финансовым стратегиям мигрирующих домохозяйств подтверждает необходимость наличия собственных средств и кредитной поддержки вселяющихся мигрантов на территориях въезда.*

Таблица 6

Стратегии финансирования своего переезда миграционно настроенными домохозяйствами

	РК суммарно		Петрозаводск		Медвежьегорск		Сортавала	
	%	Rank	%	Rank	%	Rank	%	Rank
Ипотечный кредит	28,9%	2	45,5%	1	20,0%	3	7,7%	5
Социальная (молодёжная) ипотека	15,6%	5	9,1%	5	0	0	38,5%	2
Кредит на покупку жилья	22,2%	3	22,7%	3	10,0%	4	30,8%	3
Потребительский кредит	20,0%	4	18,2%	4	40,0%	1	7,7%	5
Взять в долг у частных лиц	11,1%	6	18,2%	4	0	0	7,7%	5
Ссуда от работодателя	6,7%	7	4,5%	6	0	0	15,4%	4
Собственные средства	44,4%	1	40,9%	2	30,0%	2	61,5%	1
Субсидии государства	11,1%	6	9,1%	5	20,0%	3	7,7%	5

Таким образом, по результатам нашего исследования миграционный потенциал составляет четверть от домохозяйств РК, которые рассматривают в качестве своего будущего миграционную стратегию, но при этом доля определившихся в этом вопросе мигрантов не превышает 3-3,5%. Социальное положение потенциальных мигрантов относится к среднедоходным социальным группам, имеющим средства для покрытия издержек переезда, обустройства на новом месте, что исключает миграцию низкодоходных семей, для которых повышение мобильности способствовало бы решению вопросов трудоустройства, изменения социального статуса и повышения уровня жизни.

На первом месте в РК респонденты выделяют улучшение жилищных условий как ключевой фактор смены места жительства, что подтверждает нашу гипотезу. Миграция, как стратегия улучшения качества жизни, удовлетворяет потребность и в более качественном жилье с сопутствующей ему инфраструктурой. Среди миграционно настроенных домохозяйств, выделивших улучшение жилищных условий в качестве основного миграционного фактора, наибольшими проблемами являются нехватка площадей и износ жилого фонда. Решением жилищного вопроса в рамках миграционной стратегии являются обмен или купля-продажа, что подтверждает необходимость наличия стартового капитала для участия в миграционном процессе и наличия доступного жилья в городах вселения. Это одновременно и мотивирующий фактор в реализации миграционной стратегии и барьер для низкодоходных групп населения, для которых жильё является барьером входа на рынок труда региона и единственным способом решения жилищной проблемы становятся возможности рынка аренды. Таким образом, распределение по финансовым стратегиям мигрирующих домохозяйств подтверждает необходимость наличия собственных средств и кредитной поддержки вселяющихся мигрантов на территориях въезда.

Качество жизни обеспечивается возможностями и преимуществами инфраструктуры урбанизированной территории – доступного жилья, широкого рынка труда. Доступное жильё необходимо там, где есть шансы концентрации трудоспособного населения, что территориально совпадает с крупными и малыми городами РК. Для этого необходимо эффективное зонирование перспективных территорий, ориентированное на формирование зон доступного жилья с учётом потенциала миграционного притока, состоящих из жилых домов разного ценового уровня и сопутствующей коммерческой инфраструктуры.

Литература

1. Хомра А.У. Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/migracia2v.html>
2. РГНФ «Влияние социально-трудовой мобильности населения на воспроизводство трудового потенциала в ресурсоориентированном приграничном регионе» (2011-2013 гг., № 11-32-00342a2, рук. Михель Е.А.)
3. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории) М:2003 Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/migracia2b.html>

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ

Тихомирова В.В., к.э.н., н.с.

**Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН,
г.Сыктывкар**

Активизация государственной политики в области *развития объектов социальной сферы* приводит к повышению научного интереса к проблемам социальных инвестиций.

Социальная сфера — совокупность государственных и частных институтов, деятельность которых направлена на поддержание и повышение социально приемлемого *уровня и качества жизни людей*. Отрасли социальной сферы удовлетворяют материальные, духовные и социальные потребности населения.

Основная часть отраслей социальной сферы относится к *непроизводственному сектору экономики*.

Основным показателем эффективности социального инвестирования является повышение качества жизни людей в результате социальной инвестиционной деятельности.

Рассмотрим один из видов социального инвестирования - ежемесячное пособие на детей.

За последние годы в Республике Коми наметилась позитивная тенденция – неуклонно сокращается численность детей, получающих пособия, и достаточно быстро растет среднемесячный размер пособия на ребенка. Так, за 2005-2009 гг. численность детей, получающих

пособия, сократилась с 52,1 до 31 тыс. чел., их удельный вес в общей численности детей снизился с 39,7 до 16,2% (рис. 1) и, наряду с этим, заметно возрос среднемесячный размер пособия (с 297,62 до 458,90 руб.). В значительной мере это связано с ужесточением целевой проверки нуждаемости семей и повышением доходов семей, особенно в городских округах.

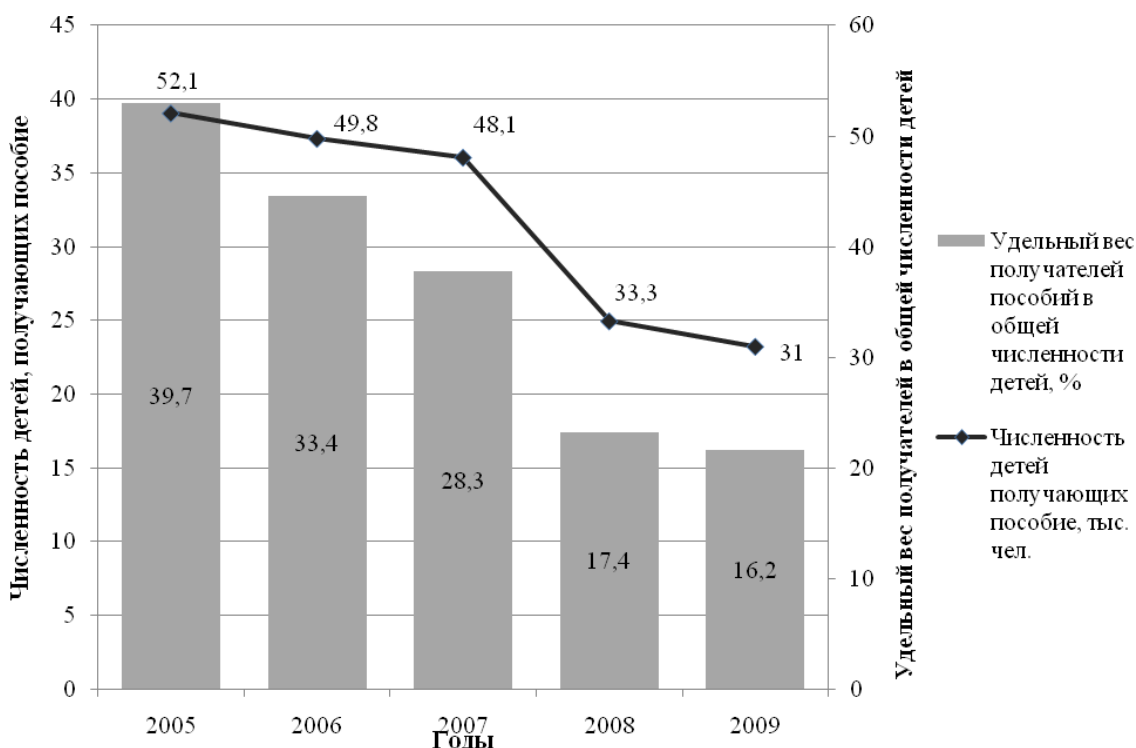

Рис. 1. Ежемесячные пособия на детей в Республике Коми в 2005-2009 гг. [3]

За 2005-2009 гг. в структуре семейных и материнских пособий в Республике существенно снизилось доля ежемесячных пособий на ребенка с 39,2 до 11,2% (рис. 2). В основном это обусловлено резким увеличением объема пособий по уходу за ребенком до 1,5 лет, по беременности и родам, и снижением абсолютного объема ежемесячных пособий на ребенка.

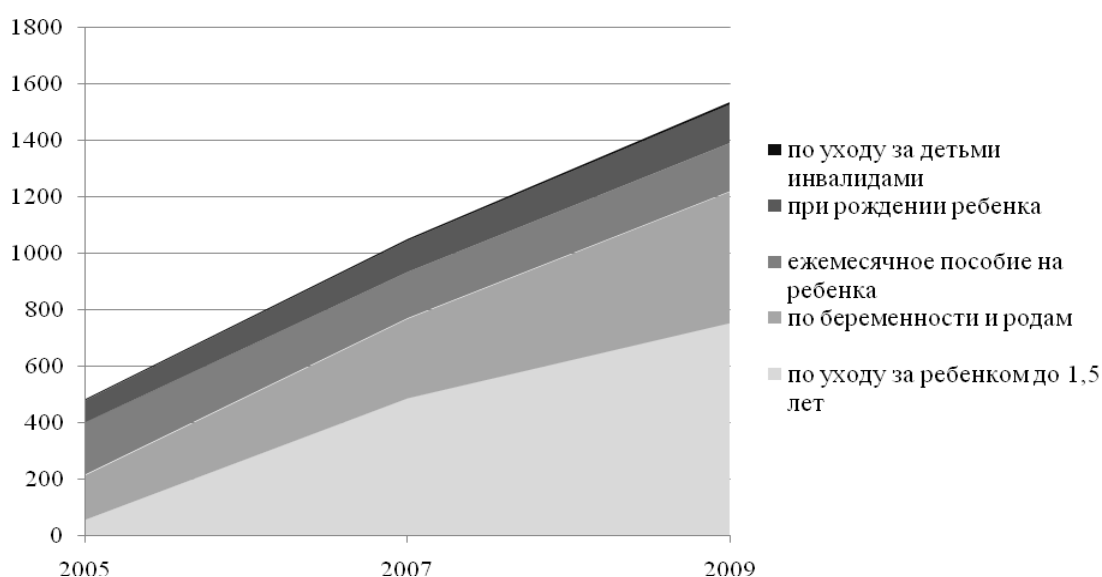

Рис. 2. Семейные и материнские пособия в Республике Коми в 2005-2009 гг., млн. руб. [3]

Сравнительная оценка муниципалитетов по доле детей, получающих ежемесячное пособие на ребенка от общего числа детей, позволила выделить 5 групп территорий по уровню социальной защищенности детей в возрасте до 16 лет: обеспеченные, относительно обеспеченные, малообеспеченные, бедные, за чертой бедности.

Следует отметить, что наибольшее количество получающих ежемесячные пособия на детей или бедных семей были сосредоточены в 12 сельских районах, что есть следствие низкого уровня экономического и социального развития этих территорий.

Численность получателей ежемесячного пособия на детей ежегодно сокращается (табл.1). В 2007 году насчитывалось 37,2 тыс. чел., а в 2011 их число сократилась на 45,2% и составило 20,4 тыс. чел. Соответственно за этот период сократился и удельный вес детей в общей численности детей, на которых назначено пособие с 29 до 14%.

Это свидетельствует об ослаблении роли этого вида пособий в бюджете малоимущих семей.

Таблица 1

Получатели ежемесячного пособия на детей, на конец года; тысяч человек ¹⁾

	2007	2008	2009	2010	2011
Численность получателей пособия на детей - всего	37,2	25,7	24,6	21,8	20,4
из них:					
одиноким матери	9,8	7,7	7,5	6,9	6,3
военнослужащие по призыву	0,02	0,03	0,03	0,02	0,02
родители, уклоняющиеся от уплаты алиментов	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Численность детей до 18 лет, на которых назначено пособие	48,1	33,3	31,0	27,1	26,1
из них дети:					
одиноким матерей	10,6	8,5	7,9	7,3	7,0
родителей, уклонявшихся от уплаты алиментов	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1
Удельный вес детей, на которых назначено пособие в общей численности детей соответствующего возраста (от 0 до 18 лет), %	29	18	17	15	14

¹⁾ По данным Агентства Республики Коми по социальному развитию; включая обучавшихся в образовательных учреждениях (до достижения ими 18 лет).

Литература

1. Статистический ежегодник Республики Коми. 2010: Стат.сб. / Комистат, 2010 – С. 123, 108

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОЦЕССА МЛАДЕНЧЕСКОЙ СМЕРТНОСТИ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РФ ЗА 2007-2012 гг. РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ*

Тоичкина В.П., с.н.с.

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН, г. Апатиты

Исследование тенденций, развития процесса воспроизводства населения в вопросе снижения младенческой смертности с точки зрения устойчивого развития российского Севера¹⁷ и

* Часть результатов получена в рамках выполнения проекта № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития» на 2012-2014 гг., грант целевого конкурса Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Россия в Арктике: история, современность, перспективы».

¹⁷ Субъекты РФ, территории которых полностью входят в районы Крайнего Севера и местности, приравненные к районам Крайнего Севера. Республики: Карелия, Коми, Саха (Якутия), Тыва; Камчатский край; области: Архангельская, в т.ч. Ненецкий АО, Магаданская, Мурманская, Сахалинская; автономные округа: Ханты-Мансийский-Югра, Ямало-Ненецкий, Чукотский.

Арктики¹⁸, за годы (2007-2012 гг.) реализации государственной демографической политики [1] проводилось по индикатору «коэффициент младенческой смертности» (умершие в возрасте до одного года на 1000 родившихся живыми).

В 2012 г. РФ перешла на новые критерии регистрации живорожденных, рекомендованные ВОЗ. В соответствии с ними регистрируются все новорожденные, появившиеся на свет после 22 недель беременности массой тела от 500 грамм [2]. Учет младенческой смертности в РФ стал сравнимым с развитыми странами.

Динамику изменений коэффициентов младенческой смертности с точки зрения устойчивого демографического развития северных и арктических регионов за годы (2007-2012 гг.) реализации государственной демографической политики целесообразно рассматривать за 3 периода, которые характеризуются различиями критериев учета в процессе младенческой смертности:

2007 - 2011 гг. - период, основанный на устаревших критериях регистрации ребенка в качестве родившегося живым;

2011 - 2012 гг. - период, характеризующий изменения, произошедшие в результате принятия с 2012 г. новых критериев регистрации ребенка в качестве родившегося живым;

2007 - 2012 гг. - период реализации государственной демографической политики с учетом первых итогов применения в России международных стандартов регистрации ребенка в качестве родившегося живым.

1) Период 2007-2011 гг. характеризовался снижением младенческой смертности для всего и городского населения во всех субъектах; для сельского населения снижение индикатора в 12-и из 13-и рассматриваемых субъектов. В Ханты-Мансийском АО наблюдался рост коэффициента младенческой смертности сельского населения на 7,3%.

В 8-и субъектах Севера и Арктики темпы снижения младенческой смертности для всего населения были выше соответствующих средних по РФ (по РФ: для всего населения - 28,4%, для городского - 29,8%, для сельского - 24,8%). В 5-и из них (Республике Саха Якутия, Архангельской, Магаданской, Сахалинской областях, Чукотском АО) темпы снижения младенческой смертности для всего, городского и сельского населения были выше соответствующих по РФ.

2) Период 2011-2012 гг.

- рост индикаторов в большинстве субъектов Севера и Арктики - в 9-и из 13-и рассматриваемых. В Чукотском АО наблюдался значительный рост индикаторов: для всего населения - 74,2%; для городского - 101,3; для сельского - 49,3%. Средний рост по РФ за соответствующий период был превышен более чем в 4 раза (по РФ - 19,2%; 22,7 и 11,0%, соответственно);

- позитивная тенденция снижения индикатора была сохранена в 4-х субъектах Севера (три из которых - арктические): Мурманской области, Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском-Югра автономных округах.

3) Период 2007-2012 гг.

Рост индикаторов младенческой смертности в 2012 г. в большинстве субъектов Севера и Арктики в результате перехода РФ на новые критерии регистрации рождаемости привел к уменьшению темпов снижения младенческой смертности, полученных за 2007-2011 гг. В РФ в целом средние темпы снижения уменьшились: для всего населения в 1,9 раза, городского - 2,2, сельского - 1,5 раза, и составили для всего населения - 14,7%, городского -13,8, сельского - 16,5%.

В 7-и субъектах Севера и Арктики темпы снижения младенческой смертности для всего населения были выше соответствующих средних по РФ за 2007-2012 гг. В 5-и из них (Ненецком и Ямало-ненецком автономных округах, Мурманской, Архангельской, Сахалинской областях),

¹⁸ Территории Крайнего Севера, которые полностью входят в российскую Арктику: автономные округа: Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий; Мурманская область (Проект ФЗ «Об Арктической зоне Российской Федерации»).

темпы снижения младенческой смертности для всего, городского и сельского населения были выше соответствующих по РФ.

Негативные тенденции роста индикаторов младенческой смертности за 2007-2012 гг. наблюдались:

- для всего населения – в республике Тыва на 17,9%; в республике Карелия уровень младенческой смертности в 2012 г. остался на уровне 2006 г. (7,6) и был ниже среднероссийского как в 2006 г., так и в 2012 г.;

- для городского населения - в Камчатском крае на 2,7%; республике Карелия на 13,0%, республике Тыва на 28,1%, Чукотском АО на 34,8%;

- для сельского населения - в республике Тыва на 11,8%.

Рейтинг субъектов российского Севера и Арктики за 2006 и 2012 гг. по индикатору коэффициента младенческой смертности для всего, городского и сельского населения с характеристиками значений ниже или выше среднероссийского уровня и соответствия предельно-критическому значению (6,0), принятому в мировой практике для оценки устойчивости процесса младенческой смертности показывает (табл. 1):

Таблица 1

Рейтинг субъектов российского Севера и Арктики за 2006 и 2012 гг.
по коэффициентам младенческой смертности

2006 г.				2012 г.			
Ниже среднероссийского уровня		Ниже среднероссийского уровня		Ниже предельно-критического 6,0 и среднероссийского уровня		Выше среднероссийского уровня	
Рейтинг региона	К мл.см.	Рейтинг региона	К мл.см.	Рейтинг региона	К мл.см.	Рейтинг региона	К мл.см.
Все население (городское и сельское)							
среднероссийский уровень 10,2				среднероссийский уровень 8,7			
Республика Коми	7,0	Мурманская область	10,3	Ненецкий АО	2,9	Республика Саха Якутия	9,6
Ханты-Мансийский АО	7,5	Республика Саха Якутия	10,6	Ханты-Мансийский АО	4,7	Ямало-Ненецкий АО	10,7
Республика Карелия	7,6	Камчатский край	12,2	Республика Коми	6,0	Камчатский край	11,3
Архангельская область	10,2	Сахалинская область	12,9	Сахалинская область	6,1	Республика Тыва	17,8
		Ямало-Ненецкий АО	13,0	Мурманская область	6,7	Чукотский АО	22,3
		Магаданская область	14,2	Архангельская область	7,2		
		Республика Тыва	15,1	Республика Карелия	7,6		
		Ненецкий АО	15,2	Магаданская область	8,0		
		Чукотский АО	23,2				
Городское население							
среднероссийский уровень 9,4				среднероссийский уровень 8,1			
Республика Карелия	6,9	Мурманская область	10,2	Ненецкий АО	2,3	Республика Саха Якутия	8,9
Республика Коми	7,2	Республика Саха Якутия	10,4	Ханты-Мансийский АО	4,4	Камчатский край	11,2
Ханты-Мансийский А.О	7,3	Камчатский край	11,0	Сахалинская область	5,5	Чукотский АО	15,5
Архангельская Область	8,1	Чукотский АО	11,5	Республика Коми	6,0	Республика Тыва	17,8
Ямало-Ненецкий АО	8,4	Сахалинская область	12,8	Мурманская область	6,7		
Ненецкий АО	9,1	Республика Тыва	13,9	Архангельская область	7,0		
		Магаданская область	14,4	Магаданская область	7,7		
				Республика Карелия	7,8		
				Ямало-Ненецкий АО	8,1		
Сельское население							
Средне-российский уровень 12,1				средне-российский уровень 10,1			
Республика Коми	6,6	Сахалинская область	13,3	Ненецкий АО	3,6	Республика Саха Якутия	10,7
Ханты-Мансийский А.О	9,6	Архангельская область	15,7	Республика Коми	5,9	Камчатский край	11,7
Республика Карелия	9,7	Республика Тыва	16,1	Мурманская область	6,8	Республика Тыва	18,0
Магаданская область	10,6	Камчатский край	17,5	Ханты-Мансийский АО	6,8	Ямало-Ненецкий АО	20,6
Мурманская	10,8	Ненецкий АО	22,7	Республика	7,1	Магаданская	23,3

2006 г.				2012 г.			
Ниже среднероссийского уровня		Ниже среднероссийского уровня		Ниже предельно-критического 6,0 и среднероссийского уровня		Выше среднероссийского уровня	
Рейтинг региона	К мл.см.	Рейтинг региона	К мл.см.	Рейтинг региона	К мл.см.	Рейтинг региона	К мл.см.
область				Карелия		область	
Республика Саха Якутия	10,9	Ямало-Ненецкий АО	31,3	Архангельская область	7,7	Чукотский АО	30,0
		Чукотский АО	36,8	Сахалинская область	10,1		

Примечание: жирным шрифтом выделены регионы Арктики

- В 2006 г. во всех субъектах российского Севера и Арктики индикатор «коэффициент младенческой смертности» для всего, городского и сельского населения был выше предельно-критического значения (6,0), принятого в мировой практике для диагностики устойчивости демографического развития;

В 2012 г. наметилась позитивная тенденция снижения коэффициентов младенческой смертности до соответствия и ниже уровня предельно-критического значения.

- Рейтинг субъектов (табл.1) характеризуется позитивной тенденцией увеличения в 2 раза за 2006-2012 гг. количества субъектов российского Севера и Арктики, в которых уровень младенческой смертности для всего населения ниже среднероссийского уровня.

Для исследования межрегиональной дифференциации уровня младенческой смертности для всего, городского и сельского населения предлагаем ввести новый, разработанный автором коэффициент межрегиональной дифференциации младенческой смертности. Этот коэффициент определяется на основе рейтинга субъектов российского Севера и Арктики, выстроенного по степени усиления проблемы младенческой смертности как отношение коэффициента младенческой смертности всего, городского или сельского населения в анализируемом субъекте РФ, к соответствующему коэффициенту младенческой смертности субъекта, занимающего первое место в рейтинге рассматриваемого массива субъектов.

Максимальный уровень межрегиональной дифференциации младенческой смертности для всего, городского и сельского населения субъектов российского Севера и Арктики определяется как отношение коэффициента младенческой смертности (всего, городского, сельского) населения субъекта, занимающего последнее место в рейтинге, рассматриваемых субъектов к соответствующему коэффициенту младенческой смертности субъекта, занимающего первое место в рейтинге (табл.1).

Максимальный уровень коэффициентов межрегиональной дифференциации младенческой смертности в субъектах российского Севера и Арктики составляли:

- в 2006 г. для всего населения – 3,3, городского населения – 2,1, сельского населения – 5,6;
- в 2012 г. для всего населения – 7,7, городского населения – 7,7, сельского населения – 8,3.

Максимальные коэффициенты межрегиональной дифференциации уровня младенческой смертности за 2007-2012 гг. значительно увеличились как для всего (в 2,2 раза), так и для городского (в 3,7 раза) и сельского населения (в 1,5 раза).

Позитивные изменения в рассмотренном ряде субъектов Севера и Арктики:

- 1) превышающие среднероссийский уровень темпы снижения младенческой смертности для всего населения в 7-и субъектах Севера и Арктики;

- 2) превышающие среднероссийский уровень темпы снижения младенческой смертности для всего, городского и сельского населения в 5-и субъектах Севера (из них - в 3-х регионах Арктики): Ненецком и Ямало-ненецком автономных округах, Мурманской, Архангельской, Сахалинской областях;

- 3) позитивная тенденция снижения коэффициентов младенческой смертности ниже и соответствия предельно-критическому значению (6,0) в 2012 г., по сравнению с отсутствием такой тенденции в 2006 г. (для всего населения в 3-х субъектах; в 4-х субъектах - для городского; в 2-х - для сельского);

4) позитивная тенденция роста количества субъектов, в которых уровень младенческой смертности был ниже среднероссийского уровня: для всего населения в 2 раза (с 4-х до 8-и), два из которых арктические: Ненецкий АО, Мурманская область; для городского населения (с 6-и до 9-и субъектов), три из которых арктические: Ненецкий АО, Мурманская область, Ямало-Ненецкий АО; для сельского населения (с 6-и до 7-и субъектов), два из которых арктические: Ненецкий АО, Мурманская область.

Негативные тенденции.

Остается устойчивая тенденция субъектов аутсайдеров: Республика Тыва, Чукотский АО, в которых коэффициенты младенческой смертности значительно превышают, соответствующий среднероссийский уровень:

- для всего населения: Республика Тыва – в 2,0; Чукотский АО – 2,6 раза;
- для городского населения: Чукотский АО – 1,9; республика Тыва – в 2,2; раза;
- для сельского населения: республика Тыва – в 1,8; Чукотский АО – 3,0 раза.

Для сельского населения аутсайдерами, по значительному превышению среднероссийского уровня индикатора младенческой смертности в 2012 г., являлись также Магаданская область (в 2,3 раза) и Ямало-Ненецкий АО (2,0 раза).

В Магаданской области для сельского населения младенческую смертность невозможно снизить, ее только можно преодолеть, как это было в 2010-2011 гг. Сельское население в Магаданской области – 6,3 тыс. чел., или 4,1%. Малочисленность населения определяет небольшое количество рождений. Два случая младенческой смертности, соответствующие этому количеству рождений, и определяют коэффициент младенческой смертности, превышающий среднероссийский в 2,3 раза.

В Ямало-Ненецком АО для сельского населения характерна устойчивая тенденция младенческой смертности, значительно превышающая среднероссийский уровень - в 2006 г. в 3,0 раза; в 2012 г., несмотря превышающие среднероссийский уровень темпы снижения младенческой смертности сельского населения, в 2,0 раза.

За годы реализации государственной демографической политики (2007-2012 гг.) все субъекты Севера и Арктики европейской части РФ (республики Коми и Карелия, Ненецкий АО, Архангельская и Мурманская области) имеют уровень младенческой смертности ниже среднероссийского как для всего, так и для городского и сельского населения.

Аутсайдерами по значительному превышению среднероссийского уровня индикатора младенческой смертности являются географически удаленные субъекты Сибири и Дальнего Востока - Республика Тыва, Чукотский АО, где коэффициенты младенческой смертности значительно превышают, соответствующие среднероссийские показатели как для всего, так и для городского и сельского населения (также для сельского населения Магаданской области и Ямало-Ненецкого АО).

В условиях перехода к новым стандартам регистрации рождений, для преодоления негативных явлений процесса младенческой смертности в российских северных и арктических регионах слабой транспортной доступности и изолированности, требуется открытие новых фельдшерско-акушерских пунктов, амбулаторий, а не бюрократическая оптимизация системы здравоохранения, рассматриваемая как свертывание части медицинских услуг и их концентрацию в межмуниципальных центрах.

Литература

1. «Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.». Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. №1351 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru>
2. «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи». Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 N 1687н (ред. от 02.09.2013) [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru>

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ СЕВЕРНЫХ СТРАН: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ*

Торопушина Е.Е., к.э.н., доц., с.н.с.

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского ИЦ РАН, Г. Апатиты

В настоящее время, в решении задачи повышения уровня общественного здоровья основная роль чаще всего отводится государству. Здоровье рассматривается как основное условие и предпосылка надлежащего качества жизни, а также показатель степени продвижения к уменьшению бедности, упрочению социальной сплоченности и ликвидации дискриминации. Здоровье человека рассматривается не просто как трудовой ресурс, но и как капитальный актив. Соответственно, и здравоохранение рассматривается как основная составляющая формирования человеческого капитала [1]. Такие принципы политики в сфере охраны здоровья в наибольшей степени характерны для Скандинавских стран, где основной целью политики в сфере охраны здоровья является достижение реализации всеми людьми их «потенциала здоровья». Рассмотрим более подробно основные составляющие муниципальной политики в сфере охраны здоровья зарубежных северных стран.

В настоящее время в Финляндии политика в сфере охраны здоровья сконцентрирована на двух основных уровнях – национальном и местном. Непосредственное проведение политики в сфере охраны здоровья относится к компетенции Министерства социального обеспечения и здравоохранения. Реализацией муниципальной политики в сфере охраны здоровья занимаются муниципальные комитет здравоохранения, совет и исполнительный комитет, которые подотчетны непосредственно населению. Основные направления государственной политики в сфере охраны здоровья заключаются в обеспечении для всех групп населения равного доступа к услугам социальных и медицинских служб; повышении эффективности межсекторных действий в сфере охраны здоровья, деятельности социальных и медицинских служб и качества предоставляемых услуг; развитию сотрудничества между службами, оказывающими первичную и специализированную помощь, медицинскими и социальными службами, другими секторами [2].

Реализация муниципальной политики в сфере охраны здоровья осуществляется при участии местных многопрофильных центров и центральных больниц. Небольшие муниципалитеты образуют для этих целей совместные межмуниципальные структуры. Каждый из 448 муниципалитетов относится к одному из 20 больничных округов [3], основная задача которых – обеспечить общедоступность, качество и рентабельность медицинского обслуживания.

Особенностью политики в сфере охраны здоровья Финляндии является законодательно закреплённая в Законе об охране труда (1979 г.) обязанность работодателей обеспечивать профилактику профессиональных заболеваний и производственных травм, предоставление медицинской помощи либо в собственных медицинских центрах, либо посредством оплаты услуг частных или муниципальных медицинских учреждений.

Муниципальная политика в сфере охраны здоровья направлена на сокращение преждевременной смертности, продление активной и здоровой жизни людей, обеспечение возможно лучшего качества жизни для всех и устранение различий в состоянии здоровья различных слоев населения на основе действий по укреплению здоровья населения, профилактике и обеспечению лечения заболеваний и реабилитации [2, 3].

Однако такая система не является оптимальной и в последние годы здравоохранение Финляндии переживает кризис. Связано это не только с общеэкономическими проблемами финансирования общественного сектора, но и с тем, что структура здравоохранения, имеющая в своей основе межмуниципальные центры, слабо привязана к реальным потребностям населения, и их транспортная доступность слишком низка для значительной части жителей удаленных территорий. (Тем не менее, в России выбран вариант модернизации здравоохранения исходя из именно такой структуры оказания медицинской помощи населению.)

В Норвегии система здравоохранения построена на разделении ответственности между местными властями и центральным правительством, но формирование и реализация политики в

* Часть результатов получена в рамках выполнения проекта № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития» на 2012-2014 гг., грант целевого конкурса Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Россия в Арктике: история, современность, перспективы».

сфере охраны здоровья осуществляется преимущественно на региональном уровне¹⁹. Центральными направлениями политики в этой сфере в Норвегии являются: обеспечение равного доступа граждан к высококвалифицированному медицинскому обслуживанию; повышение эффективности межсекторной деятельности в целях улучшения здоровья; расширение применения новых мировых и собственных технологий в медицине [4, 5].

Первоочередной задачей норвежской политики признано развитие телемедицины, которая позволяет повысить уровень медицинского обслуживания пациентов и более эффективно использовать бюджетные средства. Так, Университетская больница северной Норвегии (UNN) оказывает высококвалифицированную и специализированную медицинскую помощь трем северным областям: Норланд, Тромсе и Финнмарк, где на 1500 жителей в среднем приходится один врач [5]. Обеспечение жителей муниципалитетов отдаленных районов качественной и доступной медицинской помощью осуществляется на основе телекоммуникационных технологий и новейшего оборудования. Такой подход помогает решать несколько задач: контролировать медико-демографическую ситуацию; улучшить взаимодействие между больницами и медицинскими центрами; повысить уровень медицинского обслуживания; эффективно использовать финансовые ресурсы здравоохранения и обеспечивать развитие приоритетных направлений в сфере охраны здоровья.

Особенностью реализации муниципальной политики в сфере охраны здоровья является то, что непосредственный контроль над ее реализацией осуществляет инспекция здравоохранения Норвегии (являющаяся национальным правительственным агентством, находящимся в административном подчинении министерства здравоохранения и социального обеспечения). Также инспекция осуществляет надзор за всеми предписанными законом услугами, независимо от того, представлены ли они государственными лечебными учреждениями, муниципальными учреждениями, частными компаниями или частными врачами.

В Швеции политика в сфере охраны здоровья осуществляется на национальном и региональном уровнях. На национальном уровне формируется общая стратегия и принципы политики в сфере охраны здоровья, осуществляется контроль и регулирование работы местных органов власти. Консультативным и контролирующим органом является Государственный совет по здравоохранению и социальному обеспечению. Административные советы провинций отвечают за разработку, реализацию и координацию политики в сфере охраны здоровья на региональном и местном уровнях. Муниципалитеты (их в стране 290) ответственны за обслуживание престарелых на дому, оказание медицинской помощи людям с физическими или психическими недостатками, обеспечение медицинской помощи в школах [6].

Основные направления шведской политики в сфере охраны здоровья заключаются в повышении эффективности социальных и медицинских служб, обеспечении равного доступа к их услугам всех слоев населения, а также в достижении прозрачности и безопасности здравоохранения, в формировании уважительного отношения к пациенту, предоставлении свободы выбора путем информирования населения о доступности и качестве лечения, в развитии межсекторных действий в сфере охраны здоровья.

Исходя из необходимости учета специфических особенностей северных территорий и решения проблемы обеспечения населения северных муниципалитетов доступной и качественной медицинской помощью, в Швеции активно развиваются два направления: телемедицина (осуществляется аналогично норвежской) и электронное здравоохранение (e-Health). Оба направления в настоящее время развиваются в масштабах всей страны, однако, предпосылкой к их реализации послужила необходимость решить проблему доступности высококвалифицированной и специализированной медицинской помощи жителям северных территорий.

Несмотря на то, что e-Health-стратегия является национальной, медицинские системы развиваются на региональном уровне (независимо от национального), на основе тесного взаимодействия муниципалитетов²⁰ между собой. Основными составляющими e-Health являются: муниципальная система информирования пациентов по телефону и Интернету о ближайших больницах и пунктах медицинской помощи, времени ожидания в них и пр.; персонифицированные

¹⁹ В 1974 г. Норвегия была разделена на пять регионов здравоохранения, в каждом из которых имеются университетские клиники, которые одновременно являются больницами, базами для обучения медицинских кадров и структурами, реализующими политику в сфере охраны здоровья.

²⁰ Например, в муниципалитетах северных ленов Вестерботтен и Норрботтен e-Health имеет значительно более развитую инфраструктуру, по сравнению с остальной частью страны.

электронные сервисы для пациентов, через которые можно записаться к врачу, переписываться с семейными врачами и т.д.; система единой консультационной медицинской помощи [7]. В результате проведения такой политики около 75% шведов (в России - менее 30% жителей) довольны уровнем доступности медицинской помощи (по данным социологических опросов, проведенных компанией Ipsos и агентством Reuters) [8].

В Дании политика в сфере охраны здоровья осуществляется на трех уровнях: национальном, региональном и муниципальном. Национальным советом здравоохранения и Министерством здравоохранения осуществляется разработка общей нормативной правовой базы здравоохранения, определяются главные направления деятельности в этой сфере (но, какого-либо общенационального плана развития сферы охраны здоровья в Дании нет). На региональном уровне осуществляется контроль и координация медицинского обслуживания [8]. К сфере ответственности муниципалитетов (в Дании их 98) относятся организация медицинской помощи и социального обеспечения (уход за пожилыми людьми, социальная психиатрия, стоматологическая помощь для детей и инвалидов и др.), организация реабилитационного лечения, профилактика заболеваний, укрепление здоровья и лечение алкоголизма и наркомании. В Дании действует около 200 ассоциаций пациентов, которые активно и успешно участвуют в формировании и реализации политики в сфере охраны здоровья, в обсуждении различных вопросов, касающихся охраны здоровья, предоставляют необходимую информацию, помощь и поддержку пациентам, а также поддерживают диалог с органами власти всех уровней [9].

Основными направлениями датской политики в сфере охраны здоровья являются: обеспечение равного и свободного доступа к лечению, высокого качества медицинской помощи, оптимизация маршрута пациента в системе здравоохранения, учет разнообразия нужд и предпочтений пациентов, эффективное использование ресурсов, макроэкономический контроль расходов, демократический контроль.

Политика в сфере охраны здоровья Канады почти полностью находится в ведении местных и провинциальных властей. Роль федерального правительства в системе здравоохранения (Medicare) ограничивается установлением и контролем над соблюдением общих принципов, частичным финансированием медицинских программ провинций или территорий. Также к федеральному уровню относится обеспечение медицинского ухода за особыми группами канадских граждан, в том числе коренных жителей Канады, профилактики и защиты здоровья населения и пропаганды здорового образа жизни [10]. Провинции и территории предоставляют медицинское обслуживание той части населения, которая нуждается в дополнительных медицинских услугах - пожилым людям, детям и безработным. Более 95% всех больниц работают по принципу некоммерческих частных организаций, управляемых местным советом директоров, организациями добровольцев или муниципалитетами [11].

Муниципальная политика в сфере охраны здоровья реализуется не только структурами здравоохранения, но и многочисленными общественными организациями, которые активно оказывают социальную поддержку, занимаясь пропагандой здорового образа жизни и решением проблем охраны окружающей среды.

США - это единственная в мире развитая страна, не имеющая универсальной системы здравоохранения. В США реализуются государственные программы Medicare и Medicaid, а также программы штата (например, для ветеранов и их семей существует программа TRICARE) и местных властей, которые позволяют получить медицинскую помощь инвалидам, лицам пожилого возраста, детям, ветеранам, малообеспеченным людям, а также обеспечивают неотложную помощь всем жителям страны, независимо от их способности ее оплатить.

Регулирование и надзор в системе здравоохранения осуществляет Центр контроля и предотвращения заболеваний, деятельность которого направлена на выявление и устранение угроз общественному здоровью. Ответственность за систему медицинского страхования несет федеральное правительство и частично правительства штатов [12]. На региональном уровне вопросами разработки и реализации политики в сфере охраны здоровья занимаются департаменты здравоохранения штатов.

Реализацией политики в сфере охраны здоровья Аляски занимается Департамент здравоохранения штата Аляска. В целях улучшения здоровья коренных жителей работает Медицинский центр коренных народов Аляски. Проект доступа к федеральной системе

здравоохранения и телемедицины AFHCAN²¹ Консорциума по здравоохранению коренных народов направлен на осуществление комплексного подхода к вопросам организации телемедицины в штате Аляска [13]. AFHCAN объединяет 248 медицинских пунктов штата. Главная задача – обеспечение доступа населения к качественной, комплексной, рентабельной медицине, отвечающей его нуждам [14]. В результате, если в системе здравоохранения в США предоставляется за счет государства в среднем 54% услуг, то на Аляске – около 70% [15].

Таким образом, в настоящее время для зарубежного Севера характерно отсутствие единообразия в формировании и реализации политики в сфере охраны здоровья: политика в этой сфере осуществляется исходя из сложившейся системы государственного управления, структуры организации систем здравоохранения и пр. Однако есть общая тенденция усиления роли государства в этой сфере в северных регионах (тенденция характерна, в том числе и для США).

Основными принципами формирования и реализации политики в сфере охраны здоровья на зарубежном Севере являются справедливость и солидарность в вопросах здоровья и его охраны (или, в случае США – стремление к их достижению). Основной целью политики является повышение уровня общественного здоровья на основе совершенствования системы здравоохранения, повышения эффективности межведомственной и межсекторной деятельности на национальном, региональном и местном уровнях. В зарубежных северных странах, как правило, учитываются специфические особенности северных территорий и реализуются различные инициативы в сфере охраны здоровья, исходящие, как со стороны властей разных уровней, так и со стороны местных сообществ, направленные на повышение доступности и качества медицинской помощи, улучшение здоровья населения северных муниципалитетов.

²¹ Проект AFHCAN (Alaska Federal Health Care Access Network) финансируется Федеральным Правительством США.

Литература

1. Лисицин Ю.П. Концепция «человеческого капитала»: медико-экономический аспект // Экономика здравоохранения. – 1998. – №2. – с. 5-9
2. Highlights of Health in Finland, 1996 // WHO Regional Office for Europe. – Copenhagen. – 1996. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euro.who.int>
3. Здравоохранение Финляндии // Медицинская газета «Здоровье Украины». – 2009. - №3. – с. 14. // [Электронный ресурс]. URL: <http://health-ua.com/articles/1471.html>
4. Health Care Systems in Transition: Norway // WHO Regional Office for Europe. – Copenhagen. – 2000. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euro.who.int>
5. Дембский Л.К. Здравоохранение Норвегии. // [Электронный ресурс]. URL: http://eyecenter.com.ua/doctor/discus_club/world/25.htm
6. Здравоохранение Швеции: от богатых традиций до современных приоритетов // PC Week Doktor, №3 (3), сентябрь 2008. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pcweek.ru/themes/detail.php?ID=114707>
7. В Швеции и Канаде большинство населения довольно национальным здравоохранением. // [Электронный ресурс]. URL: <http://polblog.ru/2010/04/16/v-shvecii-i-kanade-bolshinstvo-naseleniya-dovolno-nacionalnym-zdravooxraneniem/>
8. Система здравоохранения Дании. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fesmu.ru/elib/Article.aspx?id=221587>
9. Strandberg-Larsen M., Nielsen M., Vallgarda S., Krasnik A., Vrangbaek K. and Mossialos E. Denmark: Health System review // Health Systems in Transition. – 2007. – Vol.9. - №6. – 164 p.
10. Система здравоохранения в Канаде // Медицинская газета «Здоровье Украины». – 2009. - №6. – с.41. // [Электронный ресурс]. URL: <http://health-ua.com/articles/3585.html>
11. Здравоохранение в Канаде. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.totrov.com/russian/med_health_sys_r.htm
12. Система здравоохранения в Соединенных Штатах Америки: страхование нации // Медицинская газета «Здоровье Украины». – 2008. - №11. – с.28-29. // [Электронный ресурс]. URL: <http://health-ua.com/articles/2775.html>
13. Телемедицина: опыт США и Кореи. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.yu.ru/content/news/news_detail.php?ID=6627
14. Будем лечить на расстоянии. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.znopr.ru/media/digest/208.html>
15. Агранат Г.А. Аляска: новая модель развития ресурсного региона // Регион. // [Электронный ресурс]. URL: <http://geo.1september.ru/2002/37/3.htm>

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РЕГИОНАХ АРКТИКИ РОССИИ*

Торопушина Е.Е., к.э.н., доц., с.н.с.

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН, Г. Апатиты

Степень развития социальной инфраструктуры существенно влияет на уровень социального потенциала любой территории и перспективы ее социально-экономического развития. В Арктической зоне РФ, исключительно важной для экономики и безопасности страны, высокоразвитая социальная инфраструктура призвана быть одной из форм социальных компенсаций за работу и проживание в экстремально дискомфортных условиях. В статье рассмотрены субъекты РФ, территории которых полностью входят в Арктическую зону в соответствии с проектом закона «Об Арктической зоне

* Часть результатов получена в рамках выполнения проекта № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития» на 2012-2014 гг., грант целевого конкурса Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Россия в Арктике: история, современность, перспективы».

РФ» [1]: Мурманская обл., Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО²². В них проживает около 90% населения российской Арктики, находится примерно такая же доля производственного комплекса, значительная часть социальной инфраструктуры²³.

Хотя в последние годы реализуется ряд программ, направленных на социальное развитие как страны в целом, так и ее регионов, многие из проблем арктических территорий заметно обострились. Остается нерешенной проблема равнодоступности социальных услуг для жителей сельского и городского населения Арктики РФ. В административных центрах и муниципалитетах, где ведут хозяйственную деятельность социально ответственные корпорации, инфраструктурные показатели соответствуют уровням, достигнутым в обжитых регионах РФ, как и уровни обеспеченности объектами социальной инфраструктуры. Наибольшую остроту проблемы развития социальной инфраструктуры имеют в удаленных поселениях с малой численностью населения, а их в арктической зоне России большинство, и в национальных поселках автономных округов. Но проблемой является не только недостаточная развитость и низкая обеспеченность объектами социальной инфраструктуры в сельских поселениях и национальных поселках, но и крайне низкая транспортная доступность услуг учреждений социальной сферы, которые сосредоточены в административных центрах. Во всех арктических регионах густота автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием значительно ниже среднего по РФ: от 2 раз (в Мурманской обл.) до 48 раз (в Чукотском АО).²⁴

В 1990-е гг. государственные расходы на развитие социальной инфраструктуры были сокращены и фактически сведены к выплате заработной платы работникам учреждений. В 2000-е гг. финансирование увеличилось, однако до сих пор уровень развития и обеспеченности объектами социальной инфраструктуры в арктических регионах не позволяют в полной мере выполнять этой сфере компенсаторную функцию и не обеспечивают повышенный уровень комфортности проживания.

В настоящее время значительная часть собственных средств арктических регионов и средств, получаемых из федерального бюджета, направляется на развитие объектов социальной инфраструктуры, находящихся в административных центрах, хотя в небольших населенных пунктах низкий уровень развития социальной инфраструктуры ощущается наиболее остро. Объем полномочий муниципальных образований зачастую не подкрепляется материально-финансовыми ресурсами, необходимыми не только для развития объектов социальной сферы, но и для поддержания на прежнем уровне (зачастую не соответствующем даже минимальным социальным стандартам).

Одной из наиболее значимых в настоящее время проблем является низкий уровень доступности услуг учреждений здравоохранения. Уровень обеспеченности больничными койками (табл. 1) в целом по регионам Арктики по сравнению с 1990 г. сократился. Во всех регионах продолжается сокращение коечного фонда. Тем не менее, показатель обеспеченности населения больничными койками выше среднероссийского, что связано с низкой плотностью населения и тем, что большинство населенных пунктов регионов Арктики – малые города и небольшие поселения.

Уровень обеспеченности врачевными кадрами в целом по регионам Арктики в 2012 г. по сравнению с 1990 г. вырос. Наиболее значительный рост за этот период был отмечен в Чукотском АО, здесь же отмечается и наиболее высокая обеспеченность врачевными кадрами (73,1 на 10 тыс. жителей в

²² Такой подход часто используется в работах, посвященных современной российской арктической проблематике. См., например, [2].

²³ Остальная территория Арктической зоны - прибрежные муниципальные образования Республики Карелия, Коми, Саха (Якутия), Архангельской области и Красноярского края.

²⁴ Например, в Чукотском АО при полном отсутствии железнодорожного транспорта и коротком навигационном периоде протяженность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием на 1 тыс. кв. км территории составляет всего 0,9 км (по данному показателю округ занимает последнее место не только среди регионов Арктики РФ, но и страны в целом). В настоящее время 30 населенных пунктов Чукотского АО не имеют круглогодичной связи с сетью автомобильных дорог.

2012 г.). Вместе с тем, обеспеченность населения медицинскими кадрами в большинстве муниципальных образований арктических регионов в 1,5-2 раза ниже, чем в среднем по субъекту РФ, к которому они относятся. Большая часть медицинского персонала работает в административных центрах (рис. 1). Аналогичное положение сложилось по обеспеченности населения средним медицинским персоналом. Обновление медицинских кадров происходит крайне медленно. В регионах Арктики отсутствуют высшие медицинские учебные заведения, а привлечь специалистов из других регионов крайне сложно (основными причинами отказа работать, как правило, являются низкая заработная плата, условия проживания, неразвитая инфраструктура). Для привлечения врачебных кадров в сельскую местность осуществляются единовременные компенсационные выплаты. Например, в Ямало-Ненецком АО в 2012 г. осуществлялись выплаты в размере 1 млн. рублей за счет окружного бюджета и 1 млн. рублей за счет федеральных средств. Но проблема нехватки медицинских кадров в регионах Арктики сохраняется.

Таблица 1

Показатели обеспеченности социальной инфраструктурой в регионах Арктики РФ, 1990-2012 гг.²⁵

	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2012 г. в % к 1990 г.
Число больничных коек круглосуточных стационаров, на 10000 чел.							
Мурманская обл.	111,8	115,3	115,9	124,7	123,7	117,9	105,4
Ненецкий АО	135,4	127,9	126,4	122,3	121,4	119,6	88,3
Ямало-Ненецкий АО	118,7	116,3	116,0	99,6	96,1	93,8	79,0
Чукотский АО	164,5	241,6	241,8	180,4	147,7	141,8	86,2
<i>В среднем по РФ</i>	<i>137,4</i>	<i>115,0</i>	<i>110,9</i>	<i>93,8</i>	<i>94,2</i>	<i>85,8</i>	<i>62,4</i>
Обеспеченность населения врачами, на 10000 чел.							
Мурманская обл.	48,8	48,0	50,1	57,4	57,9	56,6	115,9
Ненецкий АО	38,7	34,2	39,1	44,4	46,9	49,5	127,9
Ямало-Ненецкий АО	34,8	44,2	50,6	51,2	48,7	48,1	138,2
Чукотский АО	44,3	58,7	78,8	80,8	76,5	73,1	165,0
<i>В среднем по РФ</i>	<i>45,0</i>	<i>46,8</i>	<i>48,6</i>	<i>50,1</i>	<i>51,2</i>	<i>44,0</i>	<i>97,8</i>
Охват детей ДОУ, в % к численности детей в возрасте 1-6 лет							
Мурманская обл.	76,3	77,8	80,3	80,4	80,1	82,8	108,5
Ненецкий АО	96,9	84,1	77,2	81,8	76,6	72,7	75,0
Ямало-Ненецкий АО	82,7	68,8	70,6	66,0	66,5	64,7	78,2
Чукотский АО	100,2	80,7	82,5	90,4	88,1	н/д	87,9
<i>В среднем по РФ</i>	<i>66,3</i>	<i>55,0</i>	<i>56,7</i>	<i>59,2</i>	<i>60,6</i>	<i>63,8</i>	<i>96,2</i>
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя, м²							
Мурманская обл.	14,4	21,4	23,2	24,3	24,5	24,7	171,5
Ненецкий АО	12,9	18,2	19,5	24,4	22,0	21,8	169,0
Ямало-Ненецкий АО	14,6	17,2	17,3	19,2	19,0	18,8	128,8
Чукотский АО	13,6	28,9	27,9	30,4	30,0	29,6	227,6
<i>В среднем по РФ</i>	<i>16,4</i>	<i>19,2</i>	<i>20,9</i>	<i>22,6</i>	<i>23,0</i>	<i>23,4</i>	<i>142,7</i>

²⁵ Источники: Федеральная служба гос. статистики. URL: <http://www.gks.ru/>, ТОГС по Архангельской обл. URL: <http://arhangelskstat.gks.ru/>, ТОГС по Мурманской обл. URL: <http://murmanskstat.gks.ru/>, ТОГС по Ненецкому АО. URL: <http://nenstat.gks.ru/>, ТОГС по Чукотскому АО. URL: <http://chukotstat.gks.ru/>, ТОГС по Ямало-Ненецкому АО. URL: <http://yamalstat.gks.ru/>

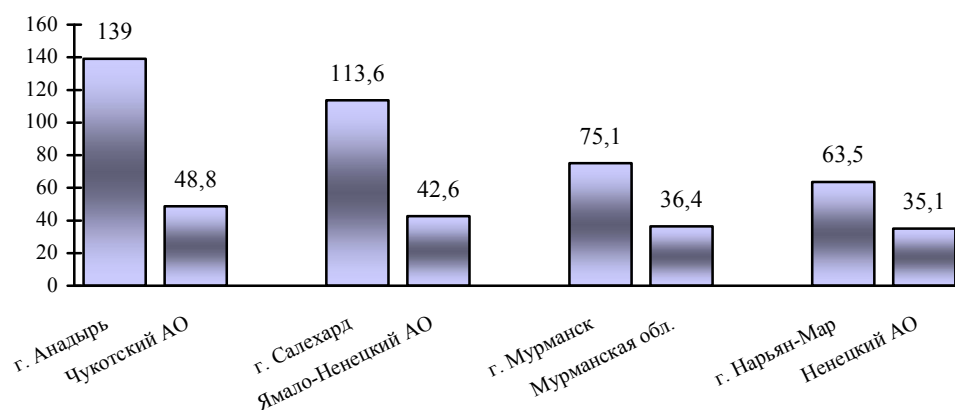

Рис. 1. Обеспеченность врачами в административных центрах и на остальной территории регионов Арктики РФ в 2012 г., на 10000 человек населения²⁶

Также, одной из проблем является слабая материально-техническая база медицинских учреждений. Значительная часть учреждений здравоохранения требует капитального ремонта. Необходимо повышение уровня благоустройства – так, в Ямало-Ненецком АО 29% зданий не имеет горячего водоснабжения. Зачастую отсутствуют нормальные помещения для работы и проживания медицинских работников. Проблему доступности качественной медицинской помощи усугубляет проводимая модернизация систем здравоохранения, в результате которой происходит объединение медицинских учреждений (с реорганизацией или ликвидацией части учреждений) в межмуниципальные медицинские центры. Что также ограничивает жителей арктических регионов РФ в получении качественной медицинской помощи. В Ненецком АО отсутствуют учреждения здравоохранения 1 и 2 уровня, т.е. учреждения, оказывающие специализированную медицинскую помощь, в том числе высокотехнологичную [3].

Уровень охвата детей дошкольными образовательными учреждениями (ДОУ) в целом по регионам Арктики по сравнению с 1990 г. сократился (за исключением Мурманской обл.), однако во всех без исключения арктических регионах обеспеченность детей дошкольным образованием остается выше среднероссийского уровня, несмотря на значительное сокращение числа ДОУ. Так, в Чукотском АО за период 1990-2012 гг. количество ДОУ сократилось в 6,5 раз, однако, округ продолжает занимать лидирующие позиции по показателю обеспеченности детей местами в ДОУ. Связано это с изменениями, произошедшими в системе образования региона. В 2001 г. в Чукотском АО началось масштабное строительство школ и реконструкция образовательных учреждений. Были созданы новые центры образования, при проектировании которых в структуру изначально включались и ДОУ. В результате в округе была достигнута 100% обеспеченность детей в возрасте от 3 до 7 лет местами в ДОУ.

В Ямало-Ненецком АО создаются кочевые школы и детские сады, рассчитанные на обучение юных представителей коренных малочисленных народов Севера “без отрыва” от родителей, когда чумы с детьми и педагогами перемещают по маршруту кочевания оленеводческих бригад в течение года. Впервые в Ямало-Ненецком АО утвержден перечень из восьми малокомплектных сельских школ, получивших статус социокультурного центра села, что позволит финансировать их по фактической потребности. Это особенно актуально для Арктики, поскольку здесь проблема сохранения и развития школ имеет приоритетное значение. Помимо решения образовательных и воспитательных задач школа активно влияет на закрепление молодежи, развитие производственной и социальной инфраструктуры поселений. Однако, зачастую, благоустройство зданий общеобразовательных учреждений находится на невысоком уровне: так, лишь 38,2% зданий общеобразовательных учреждений Ненецкого АО имеют все виды благоустройства; 47,2% требуют капитального ремонта.

²⁶ По субъектам РФ - без учета врачей, работающих в административных центрах.

В постсоветский период во всех регионах Арктики России была сохранена сеть начального профессионального образования (лишь в Мурманской обл. отмечено сокращение учреждений НПО в 2 раза). В целях подготовки рабочих с высоким уровнем квалификации происходит интеграция систем начального и среднего профобразования. Например, в Ненецком АО планируется создание единого учреждения среднего профессионального образования (на базе аграрно-экономического техникума, гуманитарного колледжа и профессионального училища) [4].

Что касается системы высшего образования, то в результате ее регионализации сформировалась достаточно обширная сеть филиалов вузов. Потребность в квалифицированных кадрах специалистов по отдельным направлениям (особенно техническим), соответствующим развитию регионов, в настоящее время все больше отражается в специальностях, предлагаемых вузами, хотя спрос у населения на специальности экономического и юридического профиля по-прежнему остается высоким.

Современное состояние культуры и искусства в арктических регионах РФ определяется не только сформированной инфраструктурой, но и накопленным культурным наследием и традициями, в первую очередь, коренных малочисленных народов Севера, проживающих на арктических территориях. В постсоветский период главной целью федеральной политики в сфере культуры и искусства стало обеспечение свободы самовыражения, на фоне значительного сокращения государственного участия в развитии и, особенно, финансировании сферы (предполагалось, что учреждения культуры и искусства перейдут к самофинансированию и привлечению спонсоров). Такой подход к развитию сферы культуры и искусства негативно отразился на основных тенденциях, характерных для нее в рассматриваемый период. Количество учреждений культуры, по сравнению с 1990 г., в арктических регионах значительно сократилось. Например, в Мурманской обл. за период 1990-2012 гг. количество киноустановок сократилось в 13 раз, библиотек – в 1,6 раза, учреждений культурно-досугового типа – в 2 раза. В последние годы также наблюдается сокращение объектов культуры и искусства. Сокращается и общее число библиотек, но здесь, как правило, основной причиной является объединение небольших библиотек и создание на их основе более крупных учреждений.

Вместе с тем, в последние годы наблюдаются положительные тенденции развития сферы культуры и искусства в арктических регионах РФ. Например, в Мурманской обл. за период 1990-2012 гг. в 3 раза выросло количество музеев. Во всех арктических регионах наблюдается увеличение показателя числа посетителей музеев (например, в Чукотском АО – в 2,9 раза), в отличие от общероссийской тенденции сокращения данного показателя (в 1,6 раза). Однако, сам показатель посещаемости музеев во всех, за исключением Чукотского АО, остается на низком, по сравнению со средним по РФ, уровне.

Ведется строительство новых культурных центров. Так, в 2012 г. подготовлен и согласован проект этнокультурного центра для строительства в селе Канчалан Анадырского муниципального района Чукотского АО. Но, следует отметить, что в целом, сфера культуры и искусства по-прежнему занимает свое последнее место в списке политических приоритетов, несмотря на то, что эта сфера является одним из основных условий, стратегически необходимых для социально-экономического благополучия и развития арктической зоны России.

Важная составляющая социальной инфраструктуры – физкультурно-оздоровительные спортивные сооружения. В 1990 гг. недостаточное финансирование из федерального бюджета на ремонт и реконструкцию спортивных сооружений привело к невозможности эксплуатации многих из них. Однако, в целом, за период 1990-2012 гг. значительного сокращения спортивных сооружений в регионах Арктики РФ не наблюдалось. А, например, в Ямало-Ненецком АО за данный период был отмечен рост числа таких сооружений в 2 раза. В настоящее время два арктических региона России – Ямало-Ненецкий АО и Чукотский АО входят в десятку самых обеспеченных спортивной инфраструктурой регионов РФ.

Тем не менее, в 1990-е гг. и начале 2000-х гг. материально-техническая база учреждений физкультуры и спорта наращивалась и модернизировалась в основном за счет внебюджетных

источников (средств предприятий и организаций, осуществляющих свою экономическую деятельность в регионе, средств спонсоров). И лишь к концу 2000-х гг. на развитие этой сферы стали направляться бюджетные средства в объемах, позволяющих не только выплачивать заработную плату работникам, но и направлять их на развитие спортивной инфраструктуры. Так, например, в Ненецком АО в рамках ФЦП «Развитие физической культуры и спорта Российской Федерации на 2006-2015 гг.» осуществляется строительство спортивных объектов в сельской местности (в поселках Нельмин-Нос, Красное, Коткино, Амдерме, Неси и Нижней Пёше). В Ямало-Ненецком АО в 2011 г., при финансовой поддержке бизнеса, введен в эксплуатацию 41 спортивный объект, в том числе в Ноябрьске, Яр-Сале, Красноселькупском районе [5]. В Мурманской обл. планируется строительство современных спорткомплексов в Ловозерском районе, Полярных Зорях, Коле и Мончегорске.

Однако, несмотря на столь активное развитие спортивной инфраструктуры, до сих пор в населенных пунктах Арктики, особенно – малонаселенных, не хватает технически простых и недорогих плоскостных сооружений, недостаточно или совсем отсутствуют современные спортивные сооружения. В городах – административных центрах регионов, спортивные объекты, как правило, перегружены.

За период 1990-2012 гг. в целом по регионам Арктики РФ наблюдался рост уровня обеспеченности жилой площадью: если в 1990 г. уровень обеспеченности жильем во всех арктических регионах был ниже среднего по стране, то к 2010 г. лишь в Ямало-Ненецком АО данный показатель был ниже среднероссийского уровня. Однако такой рост был вызван миграционным оттоком населения.

Доля ветхого и аварийного жилья в общем объеме жилого фонда в течение всего периода была выше среднероссийского уровня. Исключением является лишь Мурманская обл., где показатель доли ветхого и аварийного жилья соответствовал среднему по РФ и в 2012 г. составил 2,3%. Лидером же по доле ветхого и аварийного жилья является Ямало-Ненецкий АО, где, к настоящему времени, такое жилье составляет около 10% жилого фонда. Резкий рост доли ветхого и аварийного жилья в регионах Арктики в середине 2000-х гг. был обусловлен изменением финансового механизма в жилищной сфере – вступила в действие федеральная программа по переселению граждан из ветхого и аварийного жилья [6], в результате чего стало невыгодным скрывать истинное состояние жилого фонда [7]. В настоящее время проблема ветхого и аварийного жилья продолжает быть актуальной, учитывая, что зачастую переселение не осуществляется по причинам не выполнения заявленных мероприятий региональными властями, например, в 2012 г. Мурманская обл. вернула 27,8 млн. в Фонд ЖКХ [8].

Одной из актуальных проблем в жилищной сфере арктических регионов является недостаточно высокий уровень благоустройства жилого фонда. Наихудшей, среди арктических регионов, остается ситуация в Ненецком АО, где лишь 26,3% общей площади жилого фонда оборудовано всеми видами благоустройства. При этом весь благоустроенный жилой фонд находится в трех населенных пунктах региона: г. Нарьян-Мар, п. Искателей и с. Тельвиска. Все остальные населенные пункты Ненецкого АО фактически лишены базовых жилищно-коммунальных инфраструктур.

В лучшей ситуации находятся городские территории регионов, где застройка шла комплексно, осуществлялось обеспечение централизованным отоплением, водоснабжением, канализацией. Как, например, в Мурманской обл., где, в результате такого подхода был достигнут высокий уровень благоустройства жилого фонда. Однако, в сельских районах Арктики, уровень благоустройства жилого фонда, как правило, значительно ниже (на 10-15%) среднего по региону.

Одной из наиболее болезненных тем для жителей арктических регионов являются тарифы на жилищно-коммунальные услуги. Лишь в Ямало-Ненецком АО в 2012 г. расходы на жилищно-коммунальные услуги в структуре потребительских расходов на одного члена домохозяйства были ниже среднероссийского показателя и составили 8,39% (при 8,8% по РФ). В остальных регионах данный показатель значительно превышал среднероссийский. Так, в Ненецком АО, доля расходов

на жилищно-коммунальные услуги в структуре потребительских расходов на одного члена домохозяйства составила 11,74%, в Мурманской обл. – 11,14%, в Чукотском АО – 9,88% [9].

Таким образом, несмотря на наметившиеся позитивные тенденции, уровень развития и состояние социальной инфраструктуры арктических регионов РФ не позволяют в полной мере выполнять компенсаторную функцию и не обеспечивают повышенный уровень комфортности проживания. Наблюдается значительное неравенство обеспечения услугами учреждений социальной инфраструктуры жителей городских и сельских поселений. В удаленных поселениях с малой численностью населения, национальных поселках, практически по всем составляющим социальной инфраструктуры наблюдается дефицит квалифицированных кадров, слабая материально-техническая база, недостаточно или совсем отсутствуют современные учреждения здравоохранения, образования, спорта, культуры и пр., отвечающие потребностям жителей этих территорий.

В результате влияния всего комплекса природных, институциональных, социально-экономических факторов, из-за недостаточного уровня развития, низкой обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, крайне низкой транспортной доступности учреждений социальной сферы для жителей населенных пунктах с малой численностью населения, сельских поселений, национальных поселков услуги отраслей социальной инфраструктуры для значительной части жителей арктических регионов России малодоступны. В большинстве муниципальных образований и населенных пунктов арктической зоны сложилась следующая картина: ограниченные возможности для получения качественного медицинского обслуживания, образования, для досуга и отдыха, нехватка не только современного, но, зачастую, и элементарно благоустроенного жилья.

В целях обеспечения развития социальной инфраструктуры Арктики России необходимо кардинально изменить государственный подход к решению вопросов развития социальной сферы этих территорий. Необходима модернизация социальной инфраструктуры арктических регионов России, но, модернизация, учитывающая всю специфику этой зоны и предполагающая, что в результате проводимых преобразований, социальная инфраструктура будет исполнять заложенную в нее компенсаторную функцию, и обеспечивать высокий уровень комфортности проживания в Арктике России.

Литература

1. Проект закона «Об Арктической зоне РФ». – [Эл.ресурс]. URL: http://www.minregion.ru/documents/draft_docume-nts/2714.html
2. Павлов К., Селин В., Селин И. Российская Арктика: современное состояние и перспективы развития // Общество и экономика. 2012. - № 3-4. - с. 182
3. Специальный доклад уполномоченного по правам человека в Ненецком АО «О соблюдении прав граждан, проживающих на территории Ненецкого автономного округа, на охрану здоровья и медицинскую помощь». - Нарьян-Мар. – 2012. – [Эл.ресурс]. URL: <http://ombudsmanna.ru/activity/specdoklad/1.doc>
4. Доклад губернатора Ненецкого автономного округа о социально-экономическом положении в округе, включающем основные направления бюджетной и налоговой политики, в рамках 55-ой сессии 26-го созыва Собрания депутатов Ненецкого автономного округа 4 июля 2013 года. [Эл.ресурс]. URL: <http://www.adm-nao.ru/?show=news&id=9326>
5. Отчет о результатах деятельности правительства Ямало-Ненецкого АО за 2012 год. [Эл.ресурс]. URL: <http://www.kobilkin.ru/actual/37>
6. Подпрограмма «Переселение граждан РФ из ветхого и аварийного жилищного фонда», входящая в состав ФЦП «Жилище» на 2002-2010 гг. Утверждена Постановлением Правительства РФ от 22.01.2002. N 33
7. Залкинд Л.О., Торопушина Е.Е. Жилищная политика в России: северное измерение. – Апатиты: изд-во КНИЦ РАН, 2009. – с.80-81
8. Аварийное жилье: программа расселения буксует. [Эл.ресурс]. URL: <http://specresurs.info/index.php/csmi/959-avarijnoe-zhile-programma-rasseleniya-buksuet>

9. Рейтинг регионов по доле расходов на ЖКУ: итоги 2012 года. [Эл.ресурс]. URL: <http://ria.ru/infografika/20130702/946871111.html#13744778479193&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>

IV. ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ АРКТИКИ

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Березиков С.А., к.э.н., с.н.с.

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН, г. Апатиты

В первой половине XXI века происходит принципиальное изменение роли факторов социально-экономического и цивилизационного развития в мире и России и возрастает значение в этом развитии научно-технологического прогресса [1]. Одна из ключевых тенденций развития мировой экономики на современном этапе состоит в том, что рост производительности в мире все больше будет опираться на накопление не физического, а человеческого капитала и повышение вклада в экономический рост экономики знаний.

В этих условиях ключевым риском для российской экономики становится риск отставания от нового этапа развития технологий и угроза вытеснения на периферию мировой экономики, и консервации роли поставщика сырья и топлива. Наиболее актуальными эти вызовы представляются для регионов Севера и Арктики, поскольку они накладываются на уже существующие на сегодняшний день проблемы в экономике, такие как: экстенсивное развитие и ресурсодобывающая специализация региональной экономики, потеря инициативы в стратегических и инновационных видах деятельности, прогрессирующее технологическое отставание, снижение рациональности использования ресурсной базы, низкая конкурентоспособность производимых товаров и услуг.

В проекте актуализированной Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года [2] отмечается, что «сегодня одна из ключевых макроэкономических проблем развития Мурманской области заключается в моноструктурном характере производственных отношений, ориентированных во многом на эксплуатацию природных ресурсов, добыча которых осуществляется крупными корпорациями, что обуславливает диспропорции и структурную неустойчивость социально-экономического развития, особенно в периоды неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. Моноспециализация на добыче природных ресурсов (преобладание первичного сектора экономики), наращивание энергоёмкости, низкая производительность труда, падение конкурентоспособности продукции и услуг, технологическое и инновационное отставание сфер их производства от стандартов развитых арктических держав (большинство товаров обрабатывающей промышленности неконкурентоспособны на мировом рынке и значительно уступают в качестве зарубежным аналогам), наращивание сырьевого экспорта значительно снижают качество роста».

Как показывает исторический анализ, на всех этапах развития экономической системы технология играла важную роль, а сегодня она стала всепроникающим явлением. Поскольку технология составляет неотъемлемый элемент экономической системы, постольку она, рассматриваемая как «массовая человеческая деятельность по распределению ограниченных

ресурсов для удовлетворения потребностей»[3], является объектом изучения экономической науки.

В настоящее время уровень технологического развития является ключевым фактором, определяющим в долгосрочной перспективе уровень социально-экономического развития РФ и ее регионов. В.Л. Квинт пишет: «... с одной стороны, наблюдается усиление воздействия НТП на территориальные пропорции и темпы развития народного хозяйства, структуру производства и специализацию отраслей и регионов, уровень экономической интеграции и др. С другой стороны, необходимость эффективного ускоренного освоения новых территорий предъявляет особые требования к технике и технологиям, связанные с учетом природно-климатических и социально-экономических особенностей регионов» [4].

Для промышленных регионов, к которым относится большая часть регионов Севера и Арктики Российской Федерации, технологии всегда были критическим фактором развития. Не случайно А.Н. Пилясов называет Арктику «исследовательской лабораторией человечества». В своем докладе [5] он отмечает: «... в Арктике максимальная потребность, спрос на технологические и институциональные инновации. Арктику можно назвать исследовательской лабораторией человечества, территорией открытий, инновационного поиска. Арктическая экономика в значительно большей степени, чем другие, ориентирована на экспериментирование в целях понижения затрат и обретения большей устойчивости».

Специфика арктических территорий России состоит в том, что здесь сосредоточены, в основном, ресурсные предприятия и комплексы, добывающие и осуществляющие первичную переработку сырья. С одной стороны, они в мировой практике создают недостающую для самофинансирования инноваций добавочную стоимость и входят, как правило, в состав диверсифицированных холдингов. С другой стороны, такие предприятия выступают стратегическими потребителями технико-технологических нововведений, особенно при освоении суперсложных арктических месторождений. Российскими реалиями является и то, что в условиях относительно высоких цен на сырье северные регионы обладают достаточными ресурсами для инноваций на отдельных объектах.

Признавая необходимость инновационной деятельности на территории Арктики следует проанализировать фактическое состояние дел. Рассмотрим особенности регулирования инновационных процессов на примере одного из арктических регионов – Мурманской области. основополагающими документами в области инновационной деятельности и регулирования инновационных процессов в Мурманской области являются следующие: Закон Мурманской области от 08.11.2001 N 301-01-ЗМО (ред. от 13.05.2009) «Об основах организации научной, научно-технической и инновационной деятельности в Мурманской области» (Принят Мурманской областной Думой 24.10.2001), Закон Мурманской области от 31.05.2004 N 484-01-ЗМО «Об инновациях и инновационной деятельности в Мурманской области» (Принят Мурманской областной Думой 17.05.2004). Кроме того, в регионе создан Координационный совет по поддержке инвестиционной и инновационной деятельности в Мурманской области.

Анализ законодательных актов области позволяет сделать вывод о том, региональные власти понимают необходимость государственного регулирования инновационных процессов и предпринимают различные шаги в этом направлении. В то же время необходимо отметить недостаточную развитость нормативной базы инновационной деятельности в области. Так в статье 9 «Управление инновационной деятельностью» Закона Мурманской области «Об инновациях и инновационной деятельности в Мурманской области» содержится упоминание о государственном регулировании инновационной деятельности: «Управление инновационной деятельностью на территории Мурманской области осуществляется на основе сочетания принципов государственного регулирования и свободы научного творчества, установленной уставами и положениями субъектов инновационной деятельности» [6]. Однако механизм регулирования в законе не рассматривается. Основными формами государственной поддержки инновационной деятельности в Мурманской области согласно статье 14 указанного закона могут являться:

- отсрочка или рассрочка налоговых платежей в областной бюджет, предоставление налогового инвестиционного кредита;
- предоставление финансовой помощи в виде субсидий, субвенций и льготных кредитов;
- установление льготных ставок арендной платы за пользование имуществом, находящимся в государственной собственности Мурманской области;
- организация закупок для государственных нужд, научных исследований, наукоемкой продукции и технологий;
- участие в создании и поддержании деятельности наукоградов, научно-технических парков, инновационных и технологических центров, центров научно-технической информации и трансфера технологий, других объектов инновационной инфраструктуры.

Эти формы получают конкретизацию в Постановлении Правительства Мурманской области от 03.08.2011 N 375-ПП «О сценарных условиях и основных параметрах прогноза социально-экономического развития Мурманской области на 2012 год и плановый период 2013 и 2014 годов». В части развития инвестиционной привлекательности региона, обеспечения инновационного пути развития, поддержки высокотехнологических секторов экономики и субъектов малого и среднего бизнеса в прогнозном периоде будут приняты меры государственной поддержки инвестиционной и инновационной деятельности на территории Мурманской области.

В частности, постановлением предусмотрено налоговых льгот по налогу на прибыль организаций (снижение ставки до 13,5%) и налогу на имущество организаций (установление нулевой ставки) на период до 3 лет – для инвесторов, осуществляющих новое строительство и инвестиционные проекты, которые включены в реестр приоритетных проектов Мурманской области, на период до 10 лет - для инвесторов, осуществляющих стратегические инвестиционные проекты [7]. Можно констатировать тот факт, что правительство области старается проводить последовательную политику в области регулирования инновационных процессов на территории региона.

Разумеется, требования к «обустройству» инновационной инфраструктуры административной и рыночной различаются весьма значительно. Более того, эти отличия во многом зависят от общей финансовой политики, проводимой государством в инновационной сфере. Но на примере Мурманской области заметно позитивное желание региональных органов управления сформировать инновационно восприимчивую среду, так как есть понимание, что сформированная инновационная система позволит вывести экономику региона из зоны преимущественно сырьевой направленности. Для этого есть все необходимые условия.

Необходимо иметь в виду, что фаза промышленного освоения инноваций связана с деятельностью малых инновационных форм, а также крупных промышленных компаний, относящихся к сфере высокорисковых областей экономики. Законодательством на федеральном уровне данная деятельность обеспечена лишь частично в сфере малого предпринимательства (Федеральный закон от 14.06.1995 г. «О государственной поддержке малого предпринимательства в РФ») и инвестиционной политики. Но этот правовой акт не акцентирует внимания на приоритетах инноваций и наукоемкого производства. В действующем законодательстве, посвященном инновационной деятельности, слабо прописаны стимулы развития инфраструктуры инновационного бизнеса, и в первую очередь структур, аналогичных технопаркам.

Из этого следует, что организация промышленного освоения, разработка и распространение инноваций требует совершенствования действующего законодательства, как на федеральном, так и региональном уровнях.

Инновационная политика Мурманской области, являясь частью экономической политики, носит специфический характер, обусловленный следующими факторами:

- моноструктурой производства и нецелесообразностью в ряде случаев его диверсификации, созданием новых производств в связи с повышенными издержками;
- сырьевым характером специализации региона с постоянным ухудшением естественных условий добычи сырья и возрастанием издержек производства, сложной экологической обстановкой;

– ограниченной возможностью перетока трудовых ресурсов в рамках отдельных населенных пунктов и между ними, отсутствием возможности выезда большей части граждан, достигших пенсионного возраста;

– нарастанием проблем обеспечения населения продовольствием и непродовольственными товарами в связи с разрушением системы государственных поставок;

– ограниченностью (недостаточностью) финансовых и «бартерных» ресурсов для поддержания уровня жизни населения, особенно слабо защищенных категорий, не говоря уже о проведении региональной инновационной политики [8,с.208].

Для развития инновационного потенциала регионов российской Арктики необходимо создать соответствующие благоприятные условия для активизации инновационных процессов. Для этого необходимо принятие мер, направленных на стимулирование инновационной активности производителей высокотехнологичной продукции и услуг. Это задача должна решаться не только на государственном уровне, но и на уровне отдельных экономических агентов, какими являются инновационно-активные организации.

Создание необходимых условий для осуществления ускоренного и устойчивого инновационно-технологического развития в промышленно развитых странах определяется наличием и активным использованием комплекса факторов, обеспечивающих как формирование потенциала новых научных идей и изобретений, так и эффективную реализацию его в интересах экономического роста и повышения качества жизни [9].

В число этих факторов входят:

– масштабы и уровень потенциала сферы научных исследований и разработок;

– наличие обоснованных приоритетов научно-технологического развития и разработанных на их основе перечней критических технологий;

– обеспечение своевременной оценки перспектив образования и развития крупных рынков новых технологий;

– наличие и поддержание на должном уровне потенциала и стимулов, способствующих экономическому росту на основе использования инноваций.

«Секретом» современного ускоренного научно-технологического развития лидирующих промышленно развитых стран является нахождение оптимального соотношения, баланса между конкуренцией и сотрудничеством в сфере науки и технологий при активной государственной поддержке. Наиболее успешной управленческой новацией стало сегодня всемерное стимулирование развития исследовательских и технологических партнерств, нацеленных на увеличение масштабов использования новых технологий, прежде всего на основе передачи и коммерциализации результатов государственных исследований и разработок.

Центральное место во всей этой деятельности принадлежит активной регулирующей роли государства, выступающего одновременно в качестве организатора, банкира, гаранта, как инстанции, ответственной за развитие фундаментальной науки, как сферы стратегических интересов, высшего образования других отраслей «индустрии знаний», а также обеспечивающего постоянное совершенствование правовой базы научно-технологического развития.

Учитывая все вышеизложенное можно утверждать, что сырьевые отрасли и промышленные комплексы регионов Арктики не в меньшей мере восприимчивы к инновационному развитию, чем отрасли так называемых «критических технологий», к тому же обладают высоким инвестиционным потенциалом. Быстрое развитие в условиях обострения конкуренции на мировых рынках требует самого пристального внимания к совершенствованию организации инновационной деятельности, как со стороны органов регионального управления, так и бизнеса.

Литература

1. Анализ факторов научно-технологического развития в контексте цивилизационных циклов. Под редакцией Ю.В. Яковца, В.Л. Абрамова. – М.: МИСК, 2012. 456 с. – С.14
2. http://minec.gov-murman.ru/content/strat_plan/sub02/sub03/
3. Большой экономический словарь. М.: Институт новой экономики, 2002. С.254

4. В.Л. Квинт Методология исследования региональных проблем научно-технического прогресса и программы их разработки // Экономические проблемы научно-технического прогресса в регионе. Сборник научных трудов. Под редакцией Ю.Г. Бендерского, В.Л. Квинта. Новосибирск, 1985. 136 с. – С.11
5. А.Н. Пилясов, Стратегия развития Арктической зоны России на период до 2020 года // Форум 2010: Стратегическое планирование в регионах и городах России: стратегии модернизации и модернизация стратегий. URL: <http://www.2010.forumstrategov.ru/upload/documents/pilyasov.pdf>
6. Закон Мурманской области от 31.05.2004 N 484-01-ЗМО «Об инновациях и инновационной деятельности в Мурманской области» (Принят Мурманской областной Думой 17.05.2004)
7. Постановление Правительства Мурманской области от 03.08.2011 N 375-ПП «О сценарных условиях и основных параметрах прогноза социально-экономического развития Мурманской области на 2012 год и плановый период 2013 и 2014 годов»
8. Селин В.С. Экономическая стратегия переходного периода // Северный экономический район: проблемы, тенденции, перспективы развития / отв. редактор Г.П. Лузин. – Санкт-Петербург, Изд-во «Наука», Санкт-Петербургское отделение. – 1992. – 256 с.
9. Перспективы преодоления технологического отставания и повышения конкурентоспособности экономики. – М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2006. – 49 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Гаджиев Ю.А., к.э.н., с.н.с., зав. лабораторией

Шляхтина Н.В., соискатель, инженер

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

На современном этапе в связи с нарастающей глобализацией и активизацией процессов регионализации повышение конкурентоспособности стран и регионов становится приоритетной задачей их экономического развития. Решение ее во многом определяется переходом экономики на инновационный путь развития. А он, в свою очередь, непосредственно зависит от уровня научно-инновационного потенциала. В целях разработки и реализации адекватной региональной политики инновационного развития, и ее оперативной корректировки необходим постоянный мониторинг уровней научно-инновационного потенциала регионов РФ. В этой связи исследование различных методов оценки научно-инновационного потенциала является весьма актуальной теоретической и практической задачей

Научно-инновационный потенциал и его составляющие. Современная отечественная и зарубежная экономическая литература представлена множеством работ исследующих инновационное развитие стран и регионов, но лишь малая часть их посвящена вопросам, раскрывающим его суть. Само понятие «инновационный потенциал» еще не имеет однозначной трактовки, отсутствует комплексное изучение его сущности и структуры как социально-экономического феномена.

Обзор отечественной и зарубежной литературы показывает²⁷, что в большинстве случаев категория «инновационный потенциал» трактуется и как совокупность ресурсов, и как способность системы их эффективно использовать для перспективного инновационного развития страны или региона. Его структура представлена – ресурсной, инфраструктурной и результативной составляющими [4].

Ресурсная составляющая инновационного потенциала является своего рода «плацдармом» для его формирования. Она включает в себя следующие основные компоненты, имеющие различное функциональное назначение: материально-технические, информационные, финансовые, человеческие и другие виды ресурсов.

²⁷ Подробно понятие инновационный потенциал рассмотрено в работе [1; 10].

Материально-технические ресурсы, являются вещественной основой, определяющей технико-технологическую базу инновационного потенциала, которая впоследствии будет влиять на масштабы и темпы инновационной деятельности.

Информационные ресурсы это модели, алгоритмы, программы, проекты и т.д., которые переводят материальные факторы из латентного состояния в активное. Данный вид ресурсов не самостоятелен, лишь объединившись с другими видами ресурсов – опытом, трудом, квалификацией, техникой, технологией, энергией, сырьем, он выступает как движущая сила инновационного потенциала.

Финансовые ресурсы, характеризуется совокупностью источников и запасов финансовых возможностей, которые есть в наличии и могут быть использованы для реализации конкретных целей и заданий. Наряду с обеспечивающей функцией, финансы выполняют и страховую функцию, дублируя, а также измеряя в денежных единицах материально-технические, информационные, человеческие и другие ресурсы.

Человеческие ресурсы, выступают главной творческой силой, поскольку человек обладает навыками, знаниями, способностями и генерирует новые идеи, воплощаемые затем в инновационной деятельности.

Вторая, инфраструктурная составляющая инновационного потенциала, выступает связующей между ресурсной и результативной составляющими и выражается в способности системы на принципах коммерческой результативности привлекать ресурсы для инициирования, создания и распространения различного рода новшеств. Она включает оценку ресурсов государственной поддержки для создания благоприятного инновационного климата, а также инфраструктурные ресурсы инновационной сферы – наличие и дальнейший рост инвестиционных институтов, свободных экономических зон, технопарков, бизнес инкубаторов, инновационных и информационных центров, центров трансфера технологии.

Третья, результативная составляющая инновационного потенциала отражает конечный результат реализации имеющихся возможностей, т.е. выступает его целевой функцией. Важность этой составляющей и целесообразность обособленного выделения подтверждается тем, что ее увеличение, в свою очередь, способствует развитию других составляющих, в частности ресурсной.

Здесь не выделяется научный блок инновационного потенциала, поскольку поэлементно он присутствует во всех его составляющих.

Методологические подходы к оценке инновационного потенциала региона вытекают из его сущности, раскрытой нами выше. Принимая во внимания, основные составляющие, а также ограниченность исходной информационной базы, предлагаемой официальной статистикой, оценка научно-инновационного потенциала будет осуществляться на основе показателей всех компонентов и отдельных элементов первой, ресурсной составляющей и частичном использовании элементов третьей, результативной.

Методологические подходы оценки научно-инновационного потенциала. В современной отечественной и мировой теории и практике существует множество методик и показателей для оценки и сравнительного анализа уровня инновационного потенциала стран и регионов. Наиболее известные и широко используемые методики разработаны различными международными организациями.

Методика экспертов Всемирного экономического форума (ВЭФ) для оценки конкурентоспособности [4; 7, с. 255-256]. В ней оценка инновационного потенциала дается на основе интегрального индекса научно-технического потенциала, рассчитываемого на базе четырех инновационных показателей: число патентов на 1 млн. населения, позиция страны по уровню технологического развития, вклад иностранных инвестиций в инновационную деятельность местных фирм, число пользователей Интернет на 10 тыс. чел.

Методика Комиссии европейских сообществ (КЕС) [4, с. 13]. Она разработана Директоратом по предпринимательству КЕС и предлагает 17 инновационных индикаторов,

разделенных на четыре группы: 1) человеческие ресурсы; 2) создание знаний; 3) передача и применение знаний; 4) инновационное финансирование, выход продукции на рынки.

Методика Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [4, с. 13]. Она включает следующие показатели: удельный вес высокотехнологичного сектора экономики в продукции обрабатывающей промышленности и услугах; инновационная активность; объем инвестиций в сектор знаний (общественный и частный), включая расходы на высшее образование, НИОКР, а также в разработку программного обеспечения; разработка и выпуск информационного и коммуникационного оборудования, программного продукта и услуг; численность занятых в сфере науки и высоких технологий и др.

Методика Американского научного фонда (NCF) [6, с. 81-87; 8, с. 51-52]. Она предназначена для оценки технологической конкурентоспособности стран мира и включает пять обобщающих индикаторов. Из них четыре – индикатор национальной ориентации (NO), индикатор социально-экономической инфраструктуры (SE), показатель технологической инфраструктуры (TI), индекс производственного потенциала (PS), рассматриваются как «входные», определяющие условия инновационного развития, а пятый – показатель технологического состояния производства и экспорта высокотехнологичных продуктов (TS) – как «выходной», характеризующий результаты инновационной деятельности.

Отмеченные выше методики вполне пригодны для оценки достаточно высокого инновационного потенциала развитых стран, но малоприспособлены для развивающихся стран с низким потенциалом, поскольку не учитывают ряда факторов, которые накладывают ограничения на стимулирование инновационной деятельности.

В российской практике можно отметить широко известную *методику оценки инновационного потенциала регионов национального рейтингового агентства «Эксперт РА»*. Это агентство на основе ограниченного круга показателей проводит ежегодное исследование рейтинга инновационного потенциала российских регионов в рамках оценки инвестиционного потенциала субъектов РФ.

Методика интегральной оценки инновационного потенциала региона предложена В. К. Заусаевым, С. П. Быстрицким и Н. Ю. Криворучко [3, с. 44]. Она включает пять групп показателей, оказывающих прямое воздействие на инновационные процессы – макроэкономическая, инфраструктурная, правовая, кадровая и экономическая группы. Используются следующие показатели: душевые доходы населения; количество занятых в сфере науки; инвестиций в основной капитал; количество страховых и кредитных организаций; затраты на технологические инновации и их удельный вес в общем объеме отгруженной продукции инновационно активных организаций; количество организаций, занимающихся исследованиями и разработками, а также ведущих подготовку аспирантов и докторантов; численность аспирантов и докторантов; персонала, занятого исследованиями и разработками; докторов и кандидатов наук.

В коллективной монографии В. Г. Матвейкина, С. И. Дворецкого и др. [4] дается развернутая методология оценки инновационного потенциала региона. Выделяются три оценочных блока: ресурсный, инфраструктурный и результативный и соответствующие им наборы показателей. Однако она не доведена до своего логического завершения – создания самой методики расчета.

Своеобразная методика оценки инновационного потенциала разработана О. С. Москвиной [5]. В ней используется комплекс ресурсных и результативных характеристик, отражающих все изменения, происходящие в инновационной сфере региона. Все показатели в ней сгруппированы в пять оценочных блоков – кадровый, технико-технологический, финансовый, научный и результативный. Определяются верхние и нижние пороговые значения всех показателей, и фактические показатели сопоставляются с пороговыми значениями. Однако этой методикой пользоваться затруднительно, поскольку отсутствуют единые для всех регионов пороговые значения.

Таким образом, обзор подходов к измерению инновационного потенциала показывает, что нет какой-либо единой для всех стран и регионов методики его оценки. Вместе с тем анализ

обнаружил их определенное сходство, поскольку во всех них для оценки инновационного потенциала используются более или менее схожий набор первичных показателей и метод индексов. Наиболее приемлемой для российских условий представляется методика, используемая в ЕС. Однако ее прямое заимствование невозможно из-за относительно низкого уровня развития инновационного потенциала страны и регионов и отсутствия многих показателей, в частности, отражающих выход продукции на рынки, а также незарегистрированностью отечественных патентов в общепризнанных мировых патентных организациях – ЕПО – Европейская патентная организация (European Patent Organization) и USPTO – Американский офис патентов и торговых марок (United States Patent and Trademark Office).

Методика оценки научно-инновационного потенциала. Для его оценки и сравнения северных регионов предлагается применять методику, близкую по содержанию к методике ЕС, но расчет индексов заменить на методы факторного анализа (главных компонент) и иерархического кластерного анализа. Использование этих методов позволяет, *во-первых*, охватить неограниченное число первичных показателей с последующим сокращением их до небольшого количества без какого-либо видимого ущерба для всестороннего отражения сущности инновационной деятельности, *во-вторых*, четко группировать регионы по уровню инновационного потенциала с целью адресного воздействия на инновационное развитие регионов и, *в-третьих*, не исключает возможности выявления состояния отдельных видов инновационного потенциала региона.

Алгоритм оценки включает несколько последовательных шагов. Вначале осуществлена инвентаризация всех известных показателей и отобраны индикаторы, отражающие создание новых знаний и способность коммерциализировать имеющиеся научные разработки, которыми располагает региональная статистика. Затем для оценки степени дифференциации региональных показателей по ним рассчитываются статистические характеристики – среднее, медиана, мода, стандартное отклонение, максимум, минимум, дисперсия, асимметрия и эксцесс. Далее производится сокращение размерности показателей методом главных компонент факторного анализа, для проведения более объективной и достоверной классификации. Наконец, методом иерархического кластерного анализа выделяются группы регионов разного уровня инновационного потенциала [2; 9]. За исключением первого шага все остальные осуществляются с помощью программного пакета SPSS [11].

Литература

1. Гаджиев Ю., Акопов В., Стыров М. Межрегиональные различия в научно-инновационном потенциале Российской Федерации. // Общество и экономика, 2009. - №2
2. Жуковская В.М., Мучник И.Б. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях. – М.: Статистика, 1976. – 150 с.
3. Заусаев В.К., Быстрицкий С.П., Криворучко Н.Ю. Инновационный потенциал восточных регионов России // ЭКО, 2005. № 10. С. 40-52
4. Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития: монография / В.Г. Матвейкин, С.И. Дворецкий, Л.В. Минько и др. – М.: «Издательство Машиностроение – 1», 2007. – 284 с.
5. Москвина О.С. Инновационный потенциал как фактор устойчивого развития региона. [Электронный ресурс]. URL: http://journal.vscs.ac.ru/php/jou/30/art30_02.php. Дата обращения 28.01.2014
6. Нестеренко Ю. Мировой опыт формирования национальных инновационных систем и возможности России // Проблемы теории и практики управления, 2006. № 1. С. 81-87
7. Пилипенко И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Смоленск: Ойкумена, 2005. – 496 с.
8. Ратьковская Т.Г. Условия инновационного развития в Сибирском федеральном округе: региональная дифференциация // ЭКО, 2007. № 4. С. 51-52
9. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ. Пер. с англ. / Дж.-О. Ким, Ч.У. Клекка и др.: Под ред. И.С. Енюкова. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 215 с.

10. Шляхтина Н.В. Теоретические подходы к определению инновационного потенциала // материалы Итоговой Всероссийской науч.-теорет. конф. «Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. – Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2013. – Ч.2. С. 270-273
11. SPSS Base 12.0 Руководство пользователя. – М., 2004

Горячевская Е.С., н.с.

Цукерман В.А., к.т.н., доц., зав. отделом
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН, г. Апатиты

На современном этапе стратегическое значение инновационного развития отечественной экономики приобретают сырьевые отрасли северных территорий, которые могут и должны играть роль «локомотива». Очевидно, что и в обозримой перспективе регионы Севера и Арктики сохранят за собой сырьевую специализацию с достаточно высоким удельным весом экспорта продукции. Такая, ориентированная на реальный спрос стратегия, соответствует перспективным условиям глобальной промышленной кооперации при сохранении или даже росте потребностей в соответствующих видах сырья. Промышленное производство ресурсных отраслей является ведущим заказчиком на новое высокотехнологичное оборудование [1].

Одним из основных факторов снижения рисков будет выступать именно инновационная модернизация ресурсных отраслей Севера и Арктики. За последние годы происходил спад промышленного производства (таблица 1).

Таблица 1

Индекс промышленного производства, в% к предыдущему году

	2008	2009	2010	2011	2012	2013*	2013 к 2008,%
Ненецкий АО	108,8	111,7	95,2	90,2	98,7	98,8	-9,19
Мурманская область	93,9	96,6	105,1	100,2	101,4	99,2	5,64
Ямало-Ненецкий АО	105,7	103	111,1	105,2	101,9	99,4	-5,96
Республика Саха (Якутия)	101,4	86,5	119,7	112,1	102	100,4	-0,99
Камчатский край	100	99,3	117	142,9	113,4	95,2	-4,80
Магаданская область	103,7	109,6	103,6	107,5	103	109,5	5,59
Чукотский АО	108,5	120,5	97,3	93,4	95	103,1	-4,98
Регионы Севера и Арктики	102,5	103,9	107	107,3	102,2	100,8	-1,66
Российская Федерация	100,5	92,1	107,7	104,2	102,6	99,9	-0,60

* усредненные данные с января по октябрь

По имеющимся данным в 2013 году спад производства продолжился, что явилось одной из основных причин снижения развития экономики.

Считается, что сырьевые рынки наиболее «капризны», т.е. в максимальной мере подвержены колебаниям спроса и предложения, а следовательно, и изменениям ценовой конъюнктуры. Сложившуюся ситуацию можно считать относительно новой даже в теоретическом аспекте, и связана она как с особенностями последнего мирового финансово-экономического кризиса (он в меньшей мере затронул реальный сектор и в большей – финансовую сферу), так и со специфическим положением сырьевого сектора в экономике страны [2].

Ниже приведен краткий анализ деятельности наиболее крупных промышленных компаний, функционирующих непосредственно в северных регионах.

ОАО ГМК «Норильский никель» – лидер горно-металлургической промышленности России, крупнейший в мире производитель никеля и палладия, один из крупнейших производителей платины и меди. Помимо этого компания производит многочисленные сопутствующие металлы: кобальт, родий, серебро, золото, иридий, рутений, а также селен, теллур

²⁸ К настоящему времени Закон «Об Арктической зоне Российской Федерации» не принят, поэтому в работе рассмотрены регионы, находящиеся на территории Крайнего Севера

и серу. Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности компании представлены в таблице 2.

Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности
ОАО «ГМК «Норильский никель» [3]

	2010	2011	2012
Выручка от реализации металлов в ценах 2010 года*, тыс. руб.	292154511	214965027	340122902
Производительность труда, тыс. руб./чел.	3715	4195	3520
*так как в выручке 47% занимает никель, выручка приводилась в соответствии с индексами цен на никель			

Выручка за 2010-2012 г.г. увеличилась на 16,4%. Производительность труда за тот же период снизилась на 5,3%.

Основные производственные площадки компании находятся в районах Крайнего Севера. Особенности природно-климатических условий приводят к необходимости решения сложных технических задач в сфере геологоразведочных работ, добычи и переработки руды. На выручку значительное влияние оказывают рыночные цены на металлы. Основную часть выручки компания получает в долларах США, в то время как основные расходы осуществляет в российских рублях.

В инвестиционно-инновационном портфеле ОАО «ГМК Норильский никель» и ОАО «Кольская горно-металлургическая компания» (дочернее предприятие ОАО «ГМК Норильский никель») разрабатываются проекты – электроэкстракция никеля и создание единственного в России промышленного производства электролитного кобальта высших марок. Применительно к файнштейну ГМК «Норильский никель» электроэкстракция никеля может обеспечить вывод значительной доли драгоценных металлов в готовые концентраты по короткой технологической цепочке с соответствующим сокращением потерь металлов и незавершенного производства.

ОАО «Апатит» осуществляет добычу и переработку апатит-нефелиновых руд Хибинских месторождений, которые входят в состав самых крупных и богатых месторождений мира и являются основной базой фосфорсодержащего сырья в России. Основной продукцией предприятия является апатитовый концентрат, кроме того, вырабатываются нефелиновый, эгириновый, сфеновый и титаномагнетитовый концентраты. Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности компании представлены в таблице 3.

Таблица 3

Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности ОАО «Апатит» [4]

	2010	2011	2012
Выручка в ценах 2010 года*, тыс. руб.	36219895	33165413	40274995
Численность персонала, чел.	11853	11597	11348
Производительность труда, тыс. руб./чел.	3056	3031	3988
* приводилась в соответствии с индексами потребительских цен			

Выручка компании увеличилась за 2010-2012 г.г. на 11,2%, производительность труда – на 30%.

Основной товарной продукцией ОАО «ОЛКОН» является железорудный концентрат, щебень строительный и для балластировки железнодорожных путей, ферритовые стронциевые порошки. Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности компании представлены в таблице 4.

Таблица 4

Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности ОАО «ОЛКОН» [5]

	2009	2010	2011	2012
Выручка в ценах 2009 года*, тыс. руб.	5529637	7291576	9749663	9445440
Численность персонала, чел.	2177	2065	2154	2234
Производительность труда, тыс. руб./чел.	2540	4319	6417	5235
* приводилась в соответствии с индексами цен на сталь				

Выручка ОАО «ОЛКОН» с 2009 по 2012 г.г. выросла на 30%, производительность труда – на 21%.

Одной из особенностей горнодобывающей отрасли является подверженность циклическим колебаниям цен на сталь и, как следствие, на железорудный концентрат. На деятельность компании непосредственно влияет изменение спроса в металлургической отрасли, поскольку эта отрасль является потребителем железорудного концентрата.

ОАО «Ковдорский горно-обогатительный комбинат» (далее – ОАО «Ковдорский ГОК») является уникальным предприятием, осуществляющим добычу и обогащение минерального сырья. Компания производит три основных вида продукции – железорудный, апатитовый и бадделеитовый концентраты. Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности компании представлены в таблице 5.

Таблица 5

Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности ОАО «Ковдорский ГОК» [6]

	2010	2011	2012
Выручка в ценах 2010 года*, тыс. руб.	23856920	29344143	27160952
Численность персонала, чел.			3806
Производительность труда, тыс. руб/чел.			7225
Цена на сталь, \$/т	647	750	655
* приводились в соответствии с индексами цен на сталь			

Выручка за 2010-2012 г.г. выросла на 13,8%.

ОАО «АК Алроса» является лидером в мировой алмазодобыче. Добыча алмазов осуществляется в Республике Саха (Якутия) и Архангельской области. Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности компании представлены в таблице 6.

Таблица 6

Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности ОАО «АК «Алроса» [7]

	2009	2010	2011	2012
Выручка в ценах 2009 года*, тыс. руб.	63849137	79687565	71808307	56384239
Численность персонала, чел.	32562	31026	30903	31373
Производительность труда, тыс. руб/чел.	1961	3121	3811	4127
* приводилась в соответствии с индексами цен на алмазы				

Выручка за 2009-2012 г.г. уменьшилась на 9,4%. Производительность труда увеличилась за это же время на 69,4%.

Основными видами деятельности ОАО «Воркутауголь» являются добыча и переработка каменного угля. Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности компании представлены в таблице 7.

Таблица 7

Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности ОАО «Воркутауголь» [8]

	2009	2010	2011	2012
Выручка в ценах 2009 года*, тыс. руб.	11835214	14888304	18643149	17202578
Численность персонала, чел.				7912
Производительность труда, тыс. руб./чел.	1444	3531		3736
* приводилась в соответствии с индексами цен на уголь				

Выручка за 2009-2012 г.г. увеличилась на 36%, производительность труда – на 64,9%.

Деятельность *ОАО «НОВАТЭК»* связана с разведкой, добычей, переработкой и реализацией природного газа. Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности компании представлены в таблице 8.

Таблица 8

Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности *ОАО «НОВАТЭК»* [9]

	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Выручка в ценах 2007 года*, млн. руб.	69321	58720	104113	105816	115363	139633
Численность персонала, чел.	432	442	431	456	273	487
Производительность труда, тыс. руб/чел.	160	179	209	257	645	433
* приводилась в соответствии с индексами цен на нефть						

Выручка за 2007-2012 г.г. выросла в 2 раза, производительность труда – в 2,7 раза.

Деятельность «НОВАТЭКа» подвержена влиянию финансовых рисков, связанных с изменением курса обмена иностранных валют, а также реализации части своей продукции на экспорт.

Основная деятельность *ОАО «Холдинговая компания Якутуголь»* - добыча и реализация угля. Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности компании представлены в таблице 9.

Таблица 9

Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности *ОАО «ХК Якутуголь»* [10]

	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Выручка в ценах 2007 года*, тыс. руб.	16021353	9801226	4916654	7023779	9180900	7673406
Численность персонала, чел.	7837	5352	4506	4283	4633	4604
Производительность труда, тыс. руб/чел.	2044	6229	2177	5652	7459	5714
* приводилась в соответствии с индексами цен на уголь						

Выручка за 2007-2012 г.г. уменьшилась на 52%, производительность труда увеличилась в 2,8 раза.

Основная часть выручки от реализации товарной продукции *ОАО «ХК Якутуголь»* поступает в долларах США. При этом большая часть операционных расходов осуществляется в рублях. Таким образом, изменение курса национальной валюты по отношению к доллару США влияет на финансовое состояние. Также на деятельность компании оказывает влияние изменение цен на уголь.

ОАО «Шахта нагорная» (Чукотский АО) является угледобывающим предприятием. Приоритетное значение имеет добыча каменного угля подземным способом. Производство каменного угля в течение последних пяти лет является убыточным. Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности компании представлены в таблице 10.

Таблица 10

Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности *ОАО «Шахта нагорная»* [11]

	2009	2010	2011	2012
Выручка в ценах 2009 года*, тыс. руб.	48095	146958	230431	161498
* приводилась в соответствии с индексами цен на уголь				

Выручка увеличилась в 3,4 раза.

Существующий уровень производства не покрывает текущие затраты и не позволяет самостоятельно осуществлять капиталовложения с целью поддержания и повышения результатов производственной деятельности. Основное технологическое оборудование имеет износ порядка 50%. Отгрузка угля потребителям средствами морского транспорта возможна только в период благоприятных погодных условий, который длится с середины июня до середины октября.

Основными видами производственной деятельности ОАО «Шахта угольная» (Чукотский АО) является добыча угля подземным способом. Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности компании представлены в таблице 11.

Таблица 11

Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности ОАО «Шахта угольная» [12]

	2008	2009	2010	2011	2012
Выручка в ценах 2008 года*, тыс. руб.	360539	361402	355543	304052	255695
Численность персонала, чел.	282	291	305	306	296
Производительность труда, тыс. руб/чел.	1279	1376	1489	1444	1452
Объем продаж, т	315949	315550	307581	262442	220835
Среднегодовая цена продукции, руб.	1092	1210	1395	1587	1835
* приводилась в соответствии с индексами цен на уголь					

Выручка за 2008-2012 г.г. сократилась на 29,1%, объем продаж упал на 30,1%, а среднегодовая цена продукции выросла на 68%.

Основные риски связаны с состоянием угольной отрасли. Ухудшение ситуации в отрасли и деятельности компании может быть вызвано общим падением производства в российской экономике и динамикой цен на уголь.

ОАО «Рудник Каральвеем» (Чукотский АО) – горнорудная компания – занимается разведкой, добычей и переработкой рудного и рассыпного золота на месторождении Каральвеем. Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности компании представлены в таблице 12.

Таблица 12

Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности ОАО «Рудник Каральвеем» [13]

	2008	2009	2010	2011	2012
Выручка в ценах 2008 года*, тыс. руб.	94883	801966	1685594	1164001	1308240
Численность персонала, чел.		635	879	849	
Производительность труда, тыс. руб/чел.		1410	2626	2451	
Цена золота, \$/oz	882	985	1208	1577	1672
* приводилась в соответствии с индексами цен на золото					

Выручка за 2008-2012 г.г. выросла в 14 раз, при этом цена золота выросла в 2 раза.

Можно констатировать, что промышленное развитие экономики Севера и Арктики происходит в основном за счет экстенсивных факторов – увеличения объемов производства. На предприятиях сырьевой направленности отмечается низкая инновационная активность и единичные случаи реализации инновационных проектов.

Литература

1. Селин В.С., Цукерман В.А. Инновационное развитие России и ресурсно-сырьевой комплекс Севера // Модернизация. Инновации. Развитие. 2013. № 4. С. 61-67.
2. Селин В.С. Северные регионы России: экономическая динамика и проблемы развития // Регион: экономика и социология. 2011. № 4. С. 3-18.
3. Годовой отчет ОАО «ГМК Норильский никель» за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=564&type=2> (дата обращения: 27.01.2014)
4. Годовой отчет Открытого акционерного общества «Апатит» за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.phosagro.ru/ori/111/company49.php> (дата обращения: 27.01.2014)
5. Годовой отчет ОАО «ОЛКОН» за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.olcon.ru/rus/disclosure/index.phtml> (дата обращения: 27.01.2014)

6. Годовой отчет ОАО «Ковдорский горно-обогатительный комбинат» за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurochem.ru/ru/investors-ru/#.UvDZs_vqUx8 (дата обращения: 28.01.2014)
7. Отчет ОАО «АК «Алроса» за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=199&type=2> (дата обращения: 3.02.2014)
8. Годовой отчет ОАО «Воркутауголь» за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=7767&type=2> (дата обращения: 27.01.2014)
9. Годовой отчет ОАО «НОВАТЭК» за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=225> (дата обращения: 3.02.2014)
10. Годовой отчет ОАО «ХК Якутуголь» за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=373> (дата обращения: 3.02.2014)
11. Годовой отчет ОАО «Шахта нагорная» [Электронный ресурс]. URL: <http://e-disclosure.azipi.ru/organization/1754218/> (дата обращения: 3.02.2014)
12. Годовой отчет ОАО «Шахта угольная» за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shahta-ugolnaya.ru/DOC/rep12.20.pdf> (дата обращения: 3.02.2014)
13. Годовой отчет ОАО «Рудник Каральвеем» за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://disclosure.lprime.ru/portal/default.aspx?emId=8703009509> (дата обращения: 3.02.2014)

КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ НА СЕВЕРЕ

Дружинин П.В., д.э.н., доц., зав.отделом

Поташева О.В., к.э.н., н.с.

Прокопьев Е.А., к.э.н., м.н.с.

Институт экономики Карельского НЦ РАН, г. Петрозаводск

В докладе рассматривается влияние климатических изменений на развитие сельского хозяйства и пути адаптации к происходящим процессам в регионах Северо-Западного федерального округа (СЗФО). Построены модели, позволяющие выявить влияние различных факторов, прежде всего температуры и осадков на урожайность различных сельскохозяйственных культур. Исследование степени влияния климатических изменений на экономику российских регионов и инновационной деятельности для адаптации к ним выполняется по проекту №12-22-18005a/Fin, который поддержан и финансируется РГНФ.

В работах Ч.Чанга, О.Дечинеса, М.Гринстоуна, Р.Мендельсона, В.Нордхауса и Д.Шоу рассматривалось влияние потепления на развитие экономики. Наиболее тщательно изучалась урожайность различных культур на региональном уровне, для оценки изменения которой рассматривались различные виды уравнений. Было показано, что влияние изменения средних по сезонам осадков и температуры значительно и нелинейно. Был отмечен положительный эффект замены одной культуры на другую, более урожайную, при повышении средней температуры в регионе. Исследования в других странах показали, что условия для роста урожайности появляются в более северных регионах, в них возможен рост урожайности за счет улучшения климатических условий и смены культур на более урожайные и требовательные к теплу. В то же время в южных регионах условия, как правило, ухудшаются.

Влияние климатических изменений на сельскохозяйственное производство в РФ, прежде всего на урожайность, исследовалось в работах С.Сиптица, С.Огнивцева, Ф.Ерешко, О.Сиротенко, Х.Абашиной, В.Павловой и других. Заметные климатические изменения последних лет способствовали росту количества исследований. Положительные климатические сдвиги связаны с ростом продолжительности вегетационного периода и расширением зоны земледелия, а также косвенно может повлиять сокращение отопительного сезона и увеличение сроков навигации. Мягкие зимы способствуют повышению урожайности озимых, а при дальнейшем повышении температуры большее распространение могут получить такие теплолюбивые культуры, как подсолнечник. Соответственно могут снизиться затраты и увеличиться сельскохозяйственное производство, и по оценкам некоторых экспертов, РФ может получить прибавку до 0.6% роста ВВП.

В России по аналогии с результатами, полученными для американских регионов, при потеплении выигрыш должны получить центральные и северные регионы, в частности регионы СЗФО. Для оценки данного влияния строится системное описание происходящих процессов, изучаются особенности развития региона, выделяются и описываются основные факторы, определяющие изменение показателей сельского хозяйства, прежде всего урожайности, собираются и анализируются данные по факторам и урожайности, строятся графики показателей, позволяющие выявить существующие зависимости.

После проведенного анализа данных разрабатываются модели, основу которых составляют регрессионные уравнения, в которых урожайность по регионам рассматривается в зависимости от выделенных факторов: климатических, агротехнических, состояния почвы, социально-экономических характеристик, уровня менеджмента, технологического уровня и особенностей конкретной культуры. Уравнения урожайности по регионам строятся по временным рядам для одного региона или по пространственным данным по регионам за один год.

В качестве климатических характеристик обычно рассматриваются средняя температура,

сумма активных температур и суммарные осадки за разные периоды (за год, за сезон, между уборками урожая, от посева до уборки, за июнь, за июль и за третью декаду июня). Поскольку временные ряды короткие, и количество факторов должно быть минимальным, то можно использовать гидротермический коэффициент за разные периоды, на практике наилучшая связь с урожайностью при рассмотрении периода от посева до уборки. Климатические характеристики были представлены в виде полиномов второй степени или модуля отклонений от оптимальных значений. Из агротехнических показателей рассматривались внесение минеральных и органических удобрений на гектар посевов и площадь посевов. Социально-экономические показатели позволяют учитывать состояние сельского хозяйства региона (объем и динамика инвестиций в сельское хозяйство), уровень развития экономики регионов, динамику развития экономики регионов (ВРП в сопоставимых ценах) и некоторые другие особенности. Проблемой является учет почвенных характеристик для региона, почвенно-экологический индекс и другие показатели рассчитываются по локальным территориям и построить средний по региону показатель сложно. Также пока не исследовалось влияние изменения амплитуды колебаний температуры.

В докладе представлено исследование влияния различных факторов на урожайность основных культур, выращиваемых в Карелии и других регионах Северо-Запада. Часть информации была получена из статистических справочников ФСГС, также для расчетов использовались результаты проведенных ранее исследований и информация, собранная ВНИИГМИ-МЦД, институтами РАН и другими ведомствами.

Урожайность зерновых в регионах СЗФО падала до начала 2000-х годов, затем стала расти, что близко к динамике ВРП исследуемых регионов. Зерновые выращивают в основном сельскохозяйственные предприятия, также в отдельные годы значима доля крестьянских (фермерских) хозяйств, а хозяйства населения практически не занимаются зерновыми. Значит, для данных регионов должны быть значимы изменения в уровне менеджмента и технологий, которые происходят в организациях. Также на наблюдаемую динамику урожайности зерновых повлияло сокращение посевных площадей. Анализ графиков показал, что рост средней и эффективной температуры не ведет к росту урожайности зерновых.

Урожайность картофеля изменялась достаточно хаотично, она колебалась, не имея какой-либо тенденции. Положительные изменения в экономике в 1999-2005 гг. никак не сказались на урожайности картофеля. Объяснить данное явление можно тем, что велика доля посевов личных подсобных хозяйств (например, в Карелии примерно 90%), в которых отсутствуют технологические изменения. Анализ графиков показал, что урожайность картофеля заметно растет с ростом активной температуры и снижением суммарных осадков.

Динамика урожайности овощей отличается от других культур, урожайность овощей после непродолжительного спада в начале 90-х годов стала расти. Исключение составляет Псковская область, где урожайность практически не выросла, оставшись на уровне 1990 г. Увеличение урожайности в значительной степени связано с вложением инвестиций в освоение современных технологий. Выращиванием овощей занимаются, в основном сельскохозяйственные предприятия. Например, в Карелии благодаря трансграничному сотрудничеству реализовывались инновационные проекты, направленные на передачу опыта и современных технологий по выращиванию овощей. В ходе реализации проектов урожайность резко росла и даже, несмотря на то, что из-за несоблюдения технологий через некоторое время она немного падала, тем не менее, она оставалась на более высоком уровне, чем до начала реализации проекта. В Карелии примерно половину овощей выращивали сельскохозяйственные предприятия, в Псковской области наоборот, примерно 2/3 приходится на хозяйства населения, мало восприимчивые к изменениям технологий. Анализ графиков показал, что с ростом средней и активной температуры урожайность овощей растет.

По трем основным культурам были построены уравнения с использованием стандартных статистических пакетов. Оценивались линейные и мультипликативные функции.

Расчеты по линейной функции проводились с включением квадратичной зависимости от температуры и осадков:

$$Y(t) = A(t) + a \times T^2(t) + b \times T(t) + c \times R^2(t) + d \times R(t) + e \times M(t) + f \times X_i(t)$$

где: Y – урожайность; A – нейтральный технический прогресс; T – температура; R – осадки; M – объем внесенных удобрений относительно 1990 г.; X_i – социально-экономические и прочие характеристики; t – год, a, b, c, d, e, f – определяемые в ходе расчетов параметры. Часть расчетов проводилась при $a=0$ и $c=0$.

Расчеты также проводились по линейной приростной функции:

$$\Delta Y(t) = B(t) + a \times \Delta T(t) + b \times \Delta R(t) + c \times \Delta X(t)$$

где: ΔY – прирост урожайности относительно предыдущего года; ΔT – прирост температуры относительно предыдущего года, ΔR – прирост количества осадков относительно предыдущего года, ΔX – прирост социально-экономических и прочих характеристик.

На основе получаемых по строящимся функциям оценок и климатических сценариев, предлагаемых экспертами, можно строить и исследовать различные сценарии развития сельского хозяйства. Для приближенных оценок степени влияния климатических изменений рассматривалось несколько вариантов изменения средней и активной температуры и суммарных осадков к 2030 г. (два варианта с повышением температуры и один с понижением на 1°).

Для зерновых было получено, что дальнейший рост средних температур ведет к снижению урожайности выращиваемых сельскохозяйственных культур. Рост урожайности может обеспечить переход к другим сортам и культурам, и изменение технологий. Для картофеля рост активной температуры и снижение суммарных осадков оказались значимыми факторами, и их изменение может способствовать росту урожайности картофеля на 5-10% в рассматриваемых сценариях. Использование активных температур вместо средних дает более ясную картину, и более высокие статистические характеристики. Для овощей ситуация близкая. Рост активных температур и снижение осадков ведут к росту урожайности овощей на 5-10%.

На основе проведенных расчетов можно сказать, что автоматического роста сельскохозяйственного производства не произойдет, ожидаемое в рассматриваемых сценариях потепление создаст потенциал для роста, для использования которого потребуются определенные усилия. Рост урожайности за счет потепления при сохранении традиционных культур будет незначителен, не превысит 10%. Большой эффект дадут повышение уровня менеджмента и переход к более современным технологиям. Также оказать положительное влияние может изменение структуры посевных площадей, постепенный сдвиг на север выращиваемых культур, переход к позднеспелым и более урожайным сортам и к новым, более теплолюбивым культурам, что требует уже сейчас увеличения вложений в сельскохозяйственную науку. Для того чтобы использовать открывающиеся возможности, и минимизировать ожидаемые потери, необходима адаптация регионов к ожидаемым климатическим изменениям и ориентация сельскохозяйственной науки на адаптационные проекты.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ ПРОМЫШЛЕННЫМ РАЗВИТИЕМ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ СЕВЕРА

Жаров В.С., д.э.н., проф., г.н.с.

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН

**декан экон. факультета Кольский филиал Петрозаводского государственного университета,
г. Апатиты**

Основу экономики регионов Севера составляет промышленное производство, поэтому очень важно обеспечить эффективное управление долговременным инновационно-технологическим развитием северных территорий.

В настоящее время в каждом субъекте Федерации разрабатываются Стратегии социально-экономического развития на длительный период времени, в рамках реализации которых формируются другие различные документы стратегического характера – стратегии развития отдельных сфер экономики региона и программы развития (например, в Мурманской области после принятия обновленной Стратегии социально-экономического развития предполагается в течение ближайших лет формирование инновационной, инвестиционной и финансовой стратегий).

К сожалению, до сих пор в большинстве таких Стратегий отсутствует связь заявленных в них целей, во-первых, с возможностями реального достижения значений целевых показателей, и, во-вторых, с механизмом их достижения, который, как правило, в Стратегиях не прописан достаточно четко, либо предполагается, что он будет разработан отдельно. В результате Стратегии оказываются практически нежизнеспособными, то есть представляют собой документ с благими пожеланиями, далеко оторванными от существующей и перспективной реальности.

Главная проблема такого сложившегося годами положения заключается, по нашему мнению, в том, что Стратегии разрабатываются несистемно, то есть входы системы (поступающие в экономику региона ресурсы) оказываются оторванными от выходов (результатов функционирования системы). В результате не прослеживаются аналитические зависимости между входами и выходами в виде соответствующих факторных экономических моделей, в которых и фиксируется связь между причинами получения результата и самим результатом. Именно это и не позволяет определять связь между заявленными целевыми показателями (например, производительность труда, среднемесячная зарплата в перспективном периоде и т.п.) и необходимыми ресурсами, прежде всего финансовыми, что и приводит к недостижимости значений целевых показателей.

Такая ситуация связана с тем, что, во-первых, для разработки Стратегий предварительно должно осуществляться прогнозирование будущего развития в многовариантной проработке, которое и должно показать реальные варианты развития. Во-вторых, при осуществлении прогнозирования должны использоваться такие экономико-математические модели, которые позволяют осуществлять согласование будущих результатов и необходимых для этого ресурсов. В настоящее время в таких случаях активно используется имитационное динамическое моделирование, но в разрабатываемых имитационных моделях, как правило, функциональные связи между результатами и затратами ресурсов не являются аналитическими зависимостями, то есть не представляют собой вышеуказанные факторные модели.

Необходимый тип имитационных моделей для прогнозирования развития экономики регионов-субъектов Федерации разработан нами еще в конце 1990-х годов, причем модели были дважды опробованы на фактическом материале – статистических данных развития Мурманской области в предпрогнозный период времени, что позволило подтвердить реальную их применимость на практике. Однако в настоящее время даже такую модель необходимо трансформировать для определения возможных вариантов инновационно-технологического промышленного развития, поэтому, с одной стороны, требуется выявление зависимости между желаемым уровнем инновационности развития и необходимым для этого объемом инвестиций, а, с другой стороны, нужно определить зависимость между ростом производительности труда и необходимым объемом инвестиций. В этом направлении существуют и теоретические посылки и отдельные практические разработки, но до конца проблема не решена.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Иванова М.В., д.э.н., доц., зав. кафедрой
Щеглова А.Н., к.э.н., ст. преподаватель
Кольский филиал ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет», г. Апатиты

Мурманская область, с точки зрения ее геополитического и геоэкономического положения, роли в обеспечении обороноспособности страны, запасов природных ресурсов, является одним из наиболее крупных и экономически развитых регионов, входящих в состав арктической прибрежной зоны. Кроме того, Мурманская область обладает базовыми элементами *национальной инновационной системы*, что дает ей преимущество в возможностях *регионального инновационного развития*. В области сложился определенный научно-образовательный и научно-технический комплекс, что в совокупности создает необходимую основу для инновационного развития региона. Инновационный комплекс области включает высшие учебные заведения, научно-исследовательские и научно-технические организации с мощным научным и промышленным технологическим потенциалом, малые инновационные предприятия и объекты инновационной инфраструктуры.

В научно-техническом потенциале области значительную долю, как по объему финансирования, так и численности работающих, занимает Кольский научный центр РАН. По состоянию на начало 2013 году общее число работающих в центре составило 1491 чел, в том числе: научных сотрудников – 642 чел., 4 действительных члена академии наук, 3 чл.-корр. РАН, 96 докторов наук, 319 кандидатов наук, 94 аспирантов и 49 соискателей ученой степени [1].

Научно-технологическая сфера способствует производству инноваций, влияющих на изменение структуры экономики и формирующих новый способ удовлетворения сложившихся общественных потребностей. В научно-технологической сфере выделяют звенья, обеспечивающие цикл создания инновации, однако не всегда это заканчивается ее коммерциализацией. Однако просто приращение знаний само по себе не принесет экономического или иного эффекта, если оно не будет воплощено с помощью инноваций и инвестиций в принципиально новые или усовершенствованные системы машин, технологические процессы, источники энергии и т.п.

Необходимость активизации процессов распространения и обмена знаний определяет объективную потребность в развитии социально-образовательной сферы. Звенья социально-образовательной сферы, обеспечивают необходимые связи между всеми субъектами системы, т.е. представляют собой своеобразные «мосты» между бизнесом, наукой и образованием (рис. 1).

Создание малых инновационных предприятий будет способствовать созданию новых рабочих мест, продвижению результатов научных исследований и конструкторских разработок в реальный сектор экономики. В настоящее время в Мурманской области организационная инфраструктура поддержки инноваций и продвижения на рынок инновационной продукции включает в себя около восьми различных организаций, однако, они распределены по территории Мурманской области неравномерно, большая их часть расположена в г. Мурманске, а также в г. Апатиты. На стадии инновационного развития, даже в небольших экономиках, как правило, существует довольно широкий круг отраслей и фирм, способных конкурировать на международном уровне. Однако конкурентные преимущества значительной части этих отраслей и отраслевых кластеров опираются на традиционно сильные секторы экономики. Многие инновационные компании в отрасли возникают в сферах, тесно взаимодействующих с традиционными. Точками инновационного роста могут стать моногорода области – Кировск, Мончегорск, и приграничные районы Алакуртти.

Поэтому актуальным остается вопрос об активизации и поддержке инновационного предпринимательства, что требует создание уже апробированных структур по всей территории Мурманской области - технопарков, бизнес-инкубаторов, инновационно-технологических центров, центров трансфера технологий.

Одним из важнейших инновационных элементов региона является сложившаяся система высшего профессионального образования, которое способствует аккумуляции и обмену знаниями и в результате позволяет скоординировать комплексную региональную стратегию с другими политиками в области образования, промышленности и рынка труда.

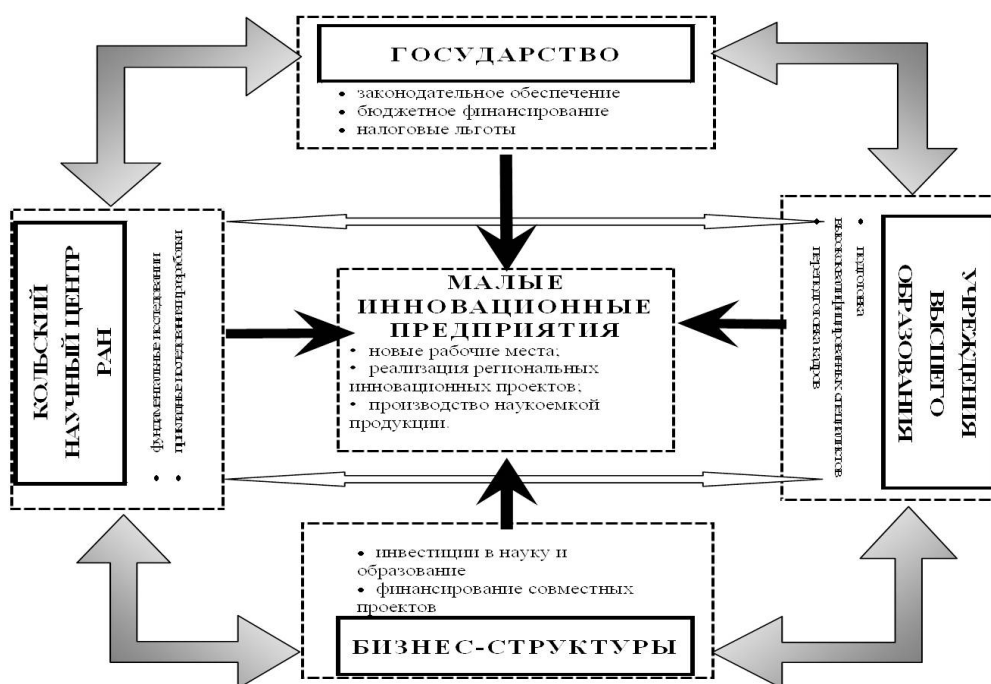

Рис.1. Схема взаимодействия Кольского научного центра РАН, высших учебных заведений и бизнес-структур в Мурманской области

По состоянию на 2012-2013 учебный год в Мурманской области функционировало 28 учреждений высшего профессионального образования. Из них 15 государственных: 2 вуза и 13 филиалов, и 13 негосударственных: 1 институт, 1 академия и 11 филиалов. Расположены вузы следующим образом: в г. Мурманске – 21, в г. Апатиты – 3, в г. Кировске – 2 и по одному в г. Мончегорске и Кольском районе.

Несмотря на достаточно развитую систему высшего образования в регионе, доля занятого в экономике области населения, имеющего высшее профессиональное образование, всегда была несколько ниже среднего показателя по стране, кроме того, в последние годы, наметилась тенденция к ее снижению (2009 г. – 27,8%, 2010 г. – 27,0%, 2011 г. – 26,7%, по РФ – 28,8%, 28,7%, 29,5%, соответственно) [2]. Снижение доли лиц с высшим образованием в составе занятого населения можно объяснить, прежде всего, миграционным оттоком населения трудоспособного возраста.

Постепенно начала снижаться и численность студентов (в 2005 г. – 39,0 тыс. чел., в 2011 г. – 28,4 тыс. чел., в 2012 г. – 25,4 тыс. чел.).

По состоянию на 2012/2013 учебный год во всех вузах Мурманской области обучалось 25,4 тыс. чел., в том числе: по очной форме обучения – 8,2 тыс. человек (32,3%), по заочной форме обучения – 17,2 тыс. человек (67,7%). За счет бюджетных средств обучалось 5,6 тыс. чел. (22%), с полной компенсацией затрат за обучение – 19,8 тыс. студентов (78%) [3].

Кроме уменьшения общего контингента студентов в регионе значительно снизилась и доля студентов, получающих образование по очной форме обучения. Если в 2000/2001 учебном году на очном отделении обучалось 60% от общего контингента студентов, а на вечернем и заочном отделениях – 40%, то в 2012/2013 – 32% и 68% соответственно, в среднем по РФ 43% и 57% соответственно.

Данная тенденция объясняется снижением числа выпускников общеобразовательных школ (как правило, образование по очной форме обучения предпочитают получать сразу после

окончания школы) и уменьшением количества бюджетных мест, выделяемых региону. С 2007/2008 учебного года в Мурманской области число принятых в вузы студентов стало превышать число школьников, получивших аттестат о среднем (полном) общем образовании.

Демографическая ситуация в области такова, что в ближайшие годы численность выпускников школ, следовательно, и число абитуриентов, претендующих на очную форму обучения, будет продолжать уменьшаться. Согласно данным статистики²⁹ ситуация стабилизируется только после 2017 года, т.е. только с 2017-2018 гг. можно будет ожидать рост числа абитуриентов.

Таким образом, неблагоприятная демографическая ситуация и естественное снижение числа абитуриентов является проблемой номер один для региональных вузов, поскольку они ориентированы на подготовку специалистов прежде всего из числа жителей области. Решение проблемы снижения количества выпускников общеобразовательных учреждений, возможно путем расширения перечня программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, то есть усилением акцента в подготовке специалистов имеющих профессиональное образование и относящихся к средней возрастной категории.

Еще одной серьезной проблемой является то, что система высшего профессионального образования в Мурманской области слабо связана с рынком труда и формируется, в основном, с ориентацией на удовлетворение спроса населения, а не на потребности экономики региона в квалифицированных кадрах. Для того чтобы региональная система высшего профессионального образования играла заметную роль в инновационном комплексном социально-экономическом развитии Мурманской области, *необходимо расширение программ профессиональной подготовки и переподготовки кадров, в том числе ориентированных на инновационное развитие региона.* Особенно актуальным становится построение системы подготовки и переподготовки кадров для овладения навыками бизнес-проектирования, оценки эффективности инновационных проектов, проведения маркетинговых исследований, формирования бизнес-команды и разработки внедренческих мероприятий по реализации проектов, учитывающих специфику работы на Севере.

Можно констатировать, что основными угрозами инновационного развития области являются:

- разрушительные трансформации в сфере образования
- бессистемное инновационное развитие региона, отсутствие соответствующего регионального проекта
- инерционный тип развития сфер науки и образования, недостаточное участие их в ВРП
- формирование стратегий регионального развития без учета императивов инновационной экономики.

Правительство области проводит «фрагментарную» политику в области регулирования инновационных процессов на территории региона.

Совокупность накопленных структурных экономических и социальных проблем, а также внешние тенденции развития экономики государства приводит к возникновению **вызовов инновационного развития** области. В первую очередь необходимо формирование инновационной культуры региона – готовности и способности общества к инновациям во всех их проявлениях: в производстве, управлении, образовании, законодательстве.

Литература

1. Основные показатели обеспечения и результатов деятельности КНЦ РАН в 2008-2012 гг. [Электронный ресурс] // Кольский научный центр РАН - Режим доступа: http://www.kolasc.net.ru/russian/news/arc12/indicators2008_2012.pdf
2. Регионы России Социально-экономические показатели. 2010, 2011, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru
3. Состояние системы высшего профессионального образования Мурманской области [Электронный ресурс] // Правительство Мурманской области. Официальный портал органов исполнительной власти. – Режим доступа: http://www.edu-murman.ru/profobr_3

²⁹ Динамика статистических показателей системы общего образования [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Мурманской области. – Режим доступа: <http://minobr.gov-murman.ru/about/statist.html>

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ПРОМЫСЛОВОГО ФЛОТА СЕВЕРНОГО БАССЕЙНА

Куранов Ю.Ф., к.э.н., вед. научн. сотр.

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН, г. Мурманск

Влияние расширяющихся процессов глобализации, вступление России в ВТО актуализируют вопросы повышения на международном уровне конкурентоспособности и инновационного потенциала российских предприятий. Это в полной мере относится к рыбохозяйственному комплексу (на государственном, бассейновом, региональном уровнях) и, прежде всего, к его базовой составляющей - промышленной деятельности. Обновление на инновационной основе производственно-технической базы предприятий рыбной отрасли, основных и инфраструктурных объектов, оказывает все большее воздействие на количественные и качественные показатели функционирования рыбохозяйственного комплекса в целом, становится определяющим при оценке его перспектив развития и конкурентоспособности.

На Северном бассейне воспроизводственные процессы с начала девяностых годов прошлого века характеризуются длительным спадом в инвестиционной деятельности, что выразилось в снижении производственного потенциала (выбытие больших судов, плавбаз, транспортных мощностей), прогрессирующем старении (физическим и моральным) производственного аппарата, пополнение флота преимущественно средними и малыми судами бывшими в эксплуатации. Последнее было обусловлено рядом причин:

- масштабным сокращением промышленной деятельности в отдаленных (преимущественно южных) районах Атлантического и Тихого океанов;
- концентрация промышленной деятельности в Северо-Восточной части Атлантики и западных районах Арктического океана, что определялось, прежде всего, наличием высоколиквидных и валютоемких объектов донного промысла (треска, пикша, палтус, и др.) в Баренцевом и Норвежском морях;
- расширением количественного состава добывающих предприятий на основе передислоцированных с других бассейнов судов и дробления традиционных флотов;
- действовавшей до 2004 года системы квотирования, которая базировалась на ежегодном распределении биоресурсов между пользователями пропорционально судовым промышленным мощностям (зарегистрированных и лицензированных на право осуществления промышленной деятельности федеральными органами), находящихся в их собственности. Промысловые мощности судов определялись в соответствии с утвержденными положениями по коэффициентам, установленными с учетом технологических и энергетических мощностей судов.

Неуправляемый и неконтролируемый в полной мере до середины 90-х годов процесс пополнения добывающего флота, преимущественно на новых предприятиях, обусловил сложившееся в итоге превышение (в 2 – 3 раза) излишних мощностей на донном промысле (табл. 1).

Вместе с этим, в условиях либерализации внешнеэкономической деятельности, под воздействием конъюнктурных и конкурентных факторов, необходимости выполнения международных соглашений в девяностые годы значительные средства направлялись на ремонт, модернизацию и переоборудование действующего флота. В частности:

- выполнялись массовые работы по переоборудованию рефрижераторных траулеров и части сейнер-траулеров в морозильные суда, ярусники и краболовы;
- модернизировались рыбофабрики с заменой технологического оборудования для выпуска продукции, удовлетворяющей международным требованиям стандартов качества;
- проводились масштабные работы по увеличению судовых мощностей по заморозке и трюмов;

– производилось техническое дооборудование судов в соответствии с требованиями ратифицированных Россией Международных Конвенций и Соглашений (по сепарации льяльных вод, установке селективных досок, оборудования для обеспечению безопасности мореплавания и др.);

– рост цен на судовое топливо в последние годы активизировал работы направленные на энергосбережение, модернизацию силовых установок.

Таблица 1

Изменение численности и состава добывающих судов Северного бассейна

Группы и типы судов	Количество судов (на начало года), ед				Средний период эксплуатации, лет	
	1990	2000	2006	2013	2000	2013
1. Крупные суда	25	22	15	13	13,5	23,4
2. Большие суда	158	50	30	15	19,9	24,6
3. Средние суда	221	326	245	157	16,1	25,3
4. Малые и маломерные суда (мощность свыше 55,0 кВт)	12	33	70	83	11,4	20,9
5. Всего судов	416	423	360	268	-	-
5.1 Суда (средние и малые) построенные после 1995 г.	-	9	16	12	-	11,8
5.2 Суда несерийные (бывшие в эксплуатации)	-	37	66	64	-	-
5.2.2 Средние	-	37	66	49	-	30,1

Наиболее существенные структурные и инновационные изменения происходили в группе среднетоннажных судов (табл. 2).

Таблица 2

Изменение состава и структуры средних добывающих судов Северного бассейна (на начало года)

Группы и типы судов	Количество судов, ед.			
	1990	1996	2002	2008
1 Морозильные суда тралового промысла	118	221	216	161
1.1 Суда серийные	118	215	180	110
1.1.1 Специализированные на донном промысле	82	153	109	63
1.1.2 Универсальные (донный и пелагический промысел)	36	62	71	47
1.2 Суда несерийные (из стран Западной Европы)	-	6	36	51
2 Рефрижераторные суда	101	80	79	28
3. Суда ярусоловы	2	7	21	16
4. Краболовы	-	-	-	21
5. Средние суда (п.п. 1 – 4)	221	298	316	226
5.1 Переоборудованные суда :	-	19	31	46
5.1.1 Морозильные универсальные	-	14	16	16
5.1.2 Краболовы				16
5.1.3 Ярусоловы		5	15	14

В рассматриваемый период существенно (в 3,5 раза) снизилась численность рефрижераторных судов. На первом этапе (до 1996 года) это происходило за счет их переоборудования в морозильные, в последующие годы (после 2002 г.) – за счет выбытия (табл. 2).

В девяностые годы росло влияние ярусного промысла, основу которого составляли не квотируемые объекты. В 1991-1998 гг. количество ярусных судов колебалось в пределах 6-11 единиц, а уловы достигли 13 тыс.т. К 2002г. количество ярусных судов возросло до 20 единиц, а их вылов (с учетом НИР) составлял 29-30 тыс.т. В дальнейшем объемы ярусного промысла снизились (табл. 3).

Структура вылова по специализации на донном промысле предприятий
Северного бассейна в Северной Атлантике, %

Группы и типы судов	1996	2000	2004	2008	2012
1. Траловый промысел	98,2	89,3	93,4	93,3	95,3
1.1 Океанический промысел	97,9	89,3	89,0	83,9	87,1
1.2 Прибрежный промысел	0,3	0,5	4,4	9,4	8,2
2. Ярусный промысел	1,8	10,2	6,6	6,7	4,7
3. Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

С середины 1990-х годов прошлого века получила развитие система приобретения судов по «бербоут-чартеру» из стран дальнего зарубежья (с последующей покупкой или возвратом). Как правило, это суда, прошедшие инновационные ремонты и модернизацию, по своим техническим характеристикам (энерговооруженности, скорости хода, уровню механизации труда и автоматизации управления технологическими процессами, навигационному и поисковому оборудованию) превосходят имеющиеся на бассейне. При всей противоречивости факторов приобретения и использования судов из дальнего зарубежья в целом они оказали положительное воздействие. Их производительность как на донном, так и пелагическом промысле превышает (в 1,5 – 2,0 раза) показатели традиционных групп судов.

Увеличение прибрежной квоты в 2004 году обусловило рост в составе добывающих предприятий численности малых и маломерных судов. Расширение прибрежного промысла за пределы 12 – ти мильной зоны позволило использовать более эффективные (среднетоннажные) суда, что значительно снизило потребность в малых и маломерных судах.

Закрепление за предприятиями (с 2004 г.) долей на квотируемые объекты промысла по «историческому принципу» на пятилетний, а в последующем на десятилетний период стимулировал процесс списания излишних промысловых мощностей, в наибольшей степени, среднетоннажных. Снижение участия в промысле устаревших средних серийных специализированных и рефрижераторных судов происходит не только по причине сокращения их численности, но и возрастания времени нахождения в отстое, вне эксплуатации.

Увеличение объемов освоения биоресурсов донного промысла более эффективными (на данный момент) судами имеет устойчивую положительную тенденцию. В целом несерийные суда осваивают в Северо – Восточной Атлантике (СВА) более половины донных видов рыб (табл. 4).

Общая структура вылова донных видов рыб на промысле в СВА

Группы и типы судов	Структура вылова, %		
	1996	2004	2011
1. Общий вылов	100	100	100
1.1 Суда серийные	93,8	64,6	46,9
1.1.1 Средние	84,2	55,2	40,6
1.2 Суда несерийные	6,2	35,4	53,1
1.2.1 Средние	6,2	34,7	45,5

Вместе с тем, нарастание физического износа промыслового флота и приближение его к критическому уровню требуют активизации воспроизводственного процесса, реализации более кардинальных форм и методов обновления на основе строительства (приобретения) новых судов. В целом промысловые суда используемые на Северном бассейне менее конкурентны по отношению к тем, которые определяют потенциал развитых рыболовных стран. Они уступают им по техническим, промысловым и технологическим возможностям, менее производительны и более энергозатратны. Обновление флота необходимо сопрягать с приведением его суммарных мощностей с возможностями сырьевой базы, с учетом практики достигнутого уровня технико-

экономических показателей и структурных изменений в составе промысловых флотов развитых рыболовных стран.

Модернизация действующих судов (рыбообрабатывающих цехов, морозильных трюмов, энергетических силовых систем) лишь частично расширяют их конструктивные возможности. Отсутствие высокопроизводительных и специализированных судов, помимо других факторов организационного и биологического характера, ограничивает освоение водных биоресурсов даже в традиционных промысловых районах Российской экономической зоны.

В 2009-2012 гг. объемы вылова Северного и Западного бассейнов (включая Балтийское и Белое моря) колебались в пределах 1108,0-1224,0 млн т, в том числе в открытых районах Атлантики – 161,0-162,0 млн т. При этом общий объем освоения ОДУ водных биоресурсов Северной Атлантики в этот период колебался в пределах 79,0-85,0%. Постоянно недоосваиваются сайда, сайка, креветка, окуни (пелагические) и другие виды рыб. Так, непосредственно в Баренцевом море недоосвоение перечисленных видов ВБР (сайда, сайка, креветка) в 2006-2008 гг. изменялось в объемах 50,0-91,0 тыс. т. С учетом недоосвоения мойвы (2009-2012 годы) рассматриваемые показатели возросли до 109,0-169,0 тыс. т.

Наиболее наглядно сложившуюся ситуацию можно проиллюстрировать на примере освоении запасов мойвы. После снятия моратория на промысел мойвы в период 2009-2012 гг. освоение российской квоты колебалось в пределах 47,0-82,0%, общий объем квоты снизился с 152,0 до 99,0 тыс. т. В 2010 г. приведенные показатели были, соответственно, на уровне 71,0% и 110,0 тыс. т. В этот же год квота Норвегии на вылов мойвы составляла 245,0 тыс. т, освоение – 98,0%. В структуре вылова Норвегии основная доля (70,8%) приходилась на сейнеры (кошельковый лов) [1] и только 12,3% – на траулеры. Российские предприятия осуществляли промысел траулерами, средняя производительность которых (76,3 т/сутки лова) была значительно ниже норвежских сейнеров. При этом на фоне не полного освоения и снижения отечественного вылова мойвы рос ее импорт. Так, за январь-ноябрь 2013 г. по отношению к аналогичному периоду 2012 г. импорт мойвы увеличился на 16,8% (до 60,4 тыс. т), средние импортные цены выросли на 19% [2].

Таким образом, наблюдается недолов малорентабельных промысловых объектов. Связано это с отсутствием в составе флота высокопроизводительных судов, в первую очередь, сейнер-траулеров для кошелькового лова, а также с недостатками в системе надления квотами, заключающимися, в частности, с невозможностью их оперативного перераспределения. В создавшихся условиях целесообразно разработать экономический механизм, стимулирующий приобретение сейнер-траулеров и модернизацию береговой рыбоперерабатывающей базы в целях выпуска ликвидной пищевой продукции и производства рыбной муки из малоценных видов рыб.

Совершенствование орудий и методов лова способствовали снижению в странах Северной Европы объемов тралового промысла при облове как пелагических, так и донных видов рыб. Так, в Норвегии траловый промысел обеспечивает не более 45,0% общих уловов, по треске и пикше – не более одной трети. На Северном бассейне на пелагическом промысле используются разноглубинные тралы. Донные виды рыб осваиваются преимущественно донными тралами, объемы ярусного промысла в структуре общего вылова в последние годы не превышают 6,3-6,4%.

В настоящее время Норвегией разрабатываются предложения по введению ограничений, направленных на сокращение использования донных тралов и расширению щадящих и менее затратных пассивных методов лова донных видов рыб. Принятие этих предложений потребует в будущем структурных изменений в составе флота и орудий лова.

В России происходит сокращение выпуска непищевой продукции, которая преимущественно производится на судах. В Мурманской области, например, в последние три года на выпуск непищевой продукции направлялось 9,0 – 14,0% пелагических видов рыб, утилизация отходов от разделки в море не превышала 1,5%. С учетом некондиционных приловов (10,0 – 15,0%) потенциальные возможности по увеличению выпуска рыбной муки составляют 12,0 – 15,0 тыс.т и в 2,0 – 2,5 раза превышают фактические объемы. При ужесточении требований по безотходной переработке всего поднятого на борт улова, что уже практикуется в исключительных

экономических зонах некоторых иностранных государств, повышается необходимость в использовании высокотехнологичных и производительных рыбомучных установок.

Избыток мощностей на донном промысле и действующая система квотирования водными биологическими ресурсами исключают возможности ресурсной поддержки новостроя. В связи с этим предлагается, помимо действующих преференций, при строительстве судов на отечественных предприятиях, ввести налоговые льготы на прибыль и использовать налоговые каникулы на период окупаемости проектов.

Возможности обновления промыслового флота, интенсивность и формы реализации этого многогранного процесса в значительной мере определяются, помимо факторов рассмотренных выше, действующей нормативно – правовой базы, и что не маловажно – направленностью государственной политики в сфере рыболовства. Одним из инструментов этого воздействия может стать, на наш взгляд, разработка и принятие мер по стимулированию активизации горизонтальных интеграционных процессов в целях объединения предприятий с ограниченными ресурсными возможностями.

Литература

1. Зиланов В.К., Клочков Д.Н., Шатохин Б.Н. Резервы мойвенного промысла: итоги 2012 г., причины недолова, перспективы. Рыбное хозяйство, № 3, с. 38-41, 2012
2. Объем рынка мойвы увеличился. - Режим доступа: <http://fish.gov.ru/presscentre/news/Pages/025880.aspx> свободный. – Загл. с экрана

ОТРАСЛЕВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ ИНТЕНСИВНОГО ТИПА В УСЛОВИЯХ СЕВЕРА

Павлов К.В., д.э.н., проф., зав. кафедрой

НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий», г. Ижевск

В последнее время всё больше внимания уделяется вопросам формирования в России инновационной экономики, что совершенно справедливо, т.к. это позволит уменьшить зависимость уровня и темпов социально-экономического развития страны от получаемых доходов вследствие экспорта сырьевых ресурсов. Важно также и то, что в результате этого улучшится имидж России, которую пока ещё нередко отождествляют с сырьевым придатком капиталистического мира. Таким образом, в целом мировой опыт действительно свидетельствует о том, что рост инвестиций в инновационные сферы экономики способствует ускоренному развитию народнохозяйственного комплекса страны и повышению среднего уровня жизни.

Однако это только в целом, а в каждом конкретном случае вложение инвестиций в инновационные сектора далеко не всегда способствует росту прибыли и доходов – так, в фундаментальной науке известно немало случаев, когда вложение средств не только не окупалось, но и приводило к негативным результатам. Кстати, руководство России в последнее время нередко критикует различные ведомства и организации в связи с тем, что существенные инвестиции в создание нанотехнологий пока ещё не дают ожидаемого результата. В этой связи совершенно справедлива постановка вопроса о том, насколько эффективны те или иные инвестиции и инновации.

Однако, на наш взгляд, в современных условиях этого не достаточно и кроме осуществления социально-экономической оценки эффективности инвестиций и инноваций необходимо осуществлять оценку последствий внедрения инвестиций и инноваций с точки зрения их влияния на усиление процессов интенсификации общественного воспроизводства. В этой связи нами предлагается выделять инвестиции и инновации интенсивного или экстенсивного типов в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экстенсификации. Важно также в общей структуре инвестиций и инноваций

выделять удельный вес, долю каждой из этих двух групп. Целесообразность осуществления такого рода классификации инвестиций и инноваций во многом объясняется тем обстоятельством, что в последнее время существенно возросла актуальность использования интенсивных методов хозяйствования. Прежде всего, это связано с демографическим кризисом последних лет – как известно, на 1000 жителей России умерших сейчас приходится в 1,5 раз больше, чем родившихся (приблизительно 15 человек против 10). В этой связи осуществление мероприятий трудосберегающего направления интенсификации представляется весьма своевременным и эффективным.

В других странах могут быть актуальными и иные направления интенсификации. Так, например, в среднеазиатских странах СНГ – Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Киргизии исключительно важным являются водосберегающее направление интенсификации общественного производства. В Японии, где сравнительно немного крупных месторождений природных ресурсов, весьма актуально материалосберегающее направление интенсификации, здесь же в связи с крайне ограниченным характером земельных ресурсов большое значение имеет также землесберегающее направление интенсификации. В большинстве стран мира весьма актуально энерго- и фондосберегающее направления.

Более того, даже в разных регионах одной и той же страны актуальными могут быть разные направления интенсификации: на Дальнем Востоке и на Севере России большое значение по-прежнему (т.е. как и во времена социалистической экономики) имеет трудосберегающее направление, в старопромышленных регионах Урала - в Свердловской области, Удмуртской Республике, Челябинской области – крайне актуально фондосберегающее направление интенсификации. В Белгородской области, где на высоком уровне развиты металлургическая и горнодобывающая отрасли промышленности очень эффективно осуществление мероприятий материалосберегающего направления. Таким образом, кроме выделения двух групп инвестиций и инноваций, способствующих интенсификации или экстенсификации, в первой группе целесообразно выделить несколько подгрупп, соответствующих разным направлениям интенсификации – трудо -, фондо-, материалосберегающему и т.д. в соответствии с региональной, отраслевой и структурной спецификой экономики той или иной страны. Напомним, что говоря о процессах экстенсификации и интенсификации, имеются в виду два принципиально различающихся способа достижения производственной цели. При одном происходит количественное увеличение использования ресурса, при втором на единицу выпуска продукции при решении производственной задачи экономится ресурс. Целесообразно определять поэтому интенсификацию производства как реализацию мероприятий, имеющих своим результатом экономию стоимости совокупности применяемых ресурсов. Ресурсосберегающим направлением интенсификации производства является реализация мероприятий, в результате которых экономится ресурс, например, живой труд. Таким образом, предложенный подход понимания процесса интенсификации позволяет говорить и об интенсификации производства, и об интенсификации использования отдельных факторов производства, не отождествляя эти понятия [3].

Таким образом, если существующую функциональную зависимость между экономическим результатом (обозначим его Э) от использования какого-либо ресурса (обозначим Р) представить в виде $\mathcal{E} = f(P)$, то в случае экстенсивного использования ресурса его увеличение приведёт к пропорциональному росту экономического эффекта, тогда как при интенсивном использовании ресурса его увеличение приведёт к большему росту эффекта. Иначе говоря, если имеем два значения ресурса P_1 и P_2 , причём $P_2 = n \times P_1$ (n – коэффициент пропорциональности), то в случае экстенсивного использования ресурса $\mathcal{E}_2 = n \times \mathcal{E}_1$, а в случае интенсивного использования $\mathcal{E}_2 > n \times \mathcal{E}_1$. Как можно видеть, интенсивное использование ресурса (труда, фондов, материалов, воды и пр.) обусловлено ростом ресурсоотдачи (производительности труда, фондоотдачи, материалоотдачи и т.д.), правда в вышеозначенной функциональной зависимости следует учитывать также временной лаг.

Оценить, относится ли тот или иной инвестиционный ресурс к экстенсивному и интенсивному типу также можно на основе использования таких показателей, как капиталотдача (капиталоёмкость) и фондоотдача (фондоемкость), но не только с их помощью. Для этого, в частности, можно также использовать мультипликатор. В этой связи напомним, что в соответствии с макроэкономическим подходом объём национального дохода страны находится в определённой количественной зависимости от общей суммы инвестиций и эту связь выражает особый коэффициент – мультипликатор, причём увеличение национального дохода равно приращению общей суммы инвестиций, помноженному на мультипликатор (обычно мультипликатор обозначают буквой К).

Для количественной оценки экстенсивных и интенсивных инвестиций мультипликатор следует представить в виде суммы двух слагаемых:

$$K = K_{\text{экт}} + K_{\text{инт}}, \text{ где}$$

$K_{\text{экт}}$ – характеризует влияние экстенсивных, а $K_{\text{инт}}$ – интенсивных инвестиций на национальный доход. Обычно в реальной хозяйственной практике используют как экстенсивные, так и интенсивные инвестиции, поэтому, как правило, и $\frac{K_{\text{экт}}}{K}$, и $\frac{K_{\text{инт}}}{K}$ больше нуля, но меньше единицы. В маргинальных случаях, когда имеет место использование либо только экстенсивных, либо только интенсивных инвестиций (что соответствует классическому экстенсивному или интенсивному способам общественного воспроизводства), $\frac{K_{\text{экт}}}{K}$ либо $\frac{K_{\text{инт}}}{K}$ соответственно равны единице, тогда как второе соотношение равно нулю.

Учитывая, что в соответствии с макроэкономической теорией величина мультипликатора связана с предельной склонностью к потреблению и сбережению, выделение в мультипликаторе двух вышеозначенных слагаемых позволит также количественно оценить влияние экстенсивных и интенсивных инвестиций на показатели предельной склонности к потреблению и сбережению, а, соответственно и определению оптимальных параметров доли потребления и сбережения в национальном доходе, что имеет большое значение при разработке эффективной стратегии социально-экономического развития, т.к. от этого зависит и средний уровень жизни населения, и темпы технического перевооружения экономики.

Целесообразно, на наш взгляд, кроме общего показателя мультипликатора, характеризующего связь объёма национального дохода с общей суммой инвестиций, выделять и так называемые частные показатели мультипликатора в соответствии с различными направлениями интенсификации общественного воспроизводства. Иначе говоря, это означает, что в общем объёме инвестиций следует выделять те, реализация которых приведёт к более интенсивному использованию определённого вида ресурсов – энергетических, материальных, водных, трудовых и т.д., причём в частных показателях мультипликатора также необходимо выделять два слагаемых, т.е.

$$K_{pi} = K_{pi \text{ экт}} + K_{pi \text{ инт}}, \text{ где}$$

K_{pi} – частный мультипликатор для i -го вида ресурсов;

$K_{pi \text{ экт}}$ – показатель, характеризующий влияние на национальный доход инвестиций, реализующих экстенсивный вариант использования i -го вида ресурсов;

$K_{pi \text{ инт}}$ – показатель, характеризующий влияние на национальный доход инвестиций, реализующих интенсивный вариант использования i -го вида ресурсов.

Как и в случае общего мультипликатора, для частных показателей мультипликатора величины $\frac{K_{pi \text{ экт}}}{K_{pi}}$ и $\frac{K_{pi \text{ инт}}}{K_{pi}}$ могут принимать любые значения в интервале от нуля до единицы, причём крайние значения этого интервала (т.е. ноль или единицу) они принимают, также как и для общего мультипликатора, лишь в случае исключительно экстенсивного (т.е. когда используются только экстенсивные инвестиции), либо исключительно интенсивного (т.е. когда используются только интенсивные инвестиции) способа воспроизводства. Для смешанного же способа

воспроизводства (т.е. когда используются как экстенсивные, так и интенсивные инвестиции – случая, наиболее часто встречающегося в хозяйственной практике) рассмотренные выше соотношения обязательно будут принимать значения, больше нуля, но меньше единицы.

Говоря о смешанном способе воспроизводства, следует уточнять, идёт ли речь о преимущественно экстенсивном (т.е. когда преобладают экстенсивные инвестиции) или же о преимущественно интенсивном (т.е. когда преобладают интенсивные инвестиции) способе воспроизводства [2]. Важно учитывать также то, что, говоря об экстенсивном, интенсивном и смешанном типах воспроизводства, всегда следует уточнять, идёт ли речь о воспроизводстве с учётом использования всех ресурсов в целом (и лишь только в этом случае, на наш взгляд, имеет смысл использовать термин «общественное воспроизводство»), либо же речь идёт об экстенсивном, интенсивном и смешанном типах воспроизводства, основанных на использовании лишь определённого вида ресурсов (или же совокупности некоторых, но не всех видов ресурсов). Например, рассматривают же в специальной литературе только воспроизводство населения или воспроизводство основного капитала – всё это подтверждает справедливость предложенного нами подхода. Таким образом, учитывая, что инвестиционные ресурсы – особый вид ресурсов, которые используются в процессе воспроизводства любого другого вида ресурсов – трудовых, капитальных, материальных, водных, энергетических, природных и т.д., для определения экстенсивных и интенсивных инвестиций наряду с показателями фондоотдачи и капиталотдачи целесообразно использовать также показатель мультипликатора и его две составляющих. Что касается инноваций, то и здесь, на наш взгляд, целесообразно учитывать те социально-экономические последствия, к которым приводит их внедрение в реальную хозяйственную практику и поэтому, подобно инвестициям, выделять инновации интенсивного или экстенсивного типов в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экстенсификации. Кроме этого, целесообразно выделить несколько групп инноваций, соответствующих разным направлениям интенсификации общественного воспроизводства.

Выделять разные виды и типы инноваций особенно важно в связи с тем обстоятельством, что инновации считаются формой реализации НТП, тогда как сам НТП считается важнейшим фактором интенсификации общественного воспроизводства. Поэтому получается, что инновации вроде как всегда соответствуют процессу интенсификации производства, что, однако, не соответствует действительности – на самом деле инновации могут способствовать как усилению интенсивного характера общественного воспроизводства, так и процессу экстенсификации (например, когда внедряются недостаточно новые инновации или инновации, внедрение которых не способствует экономии какого-либо ресурса).

Выделение инвестиций и инноваций экстенсивного и интенсивного типов важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Дело в том, что процесс интенсификации является важнейшим условием повышения конкурентоспособности национальной экономики, причём в обозримом будущем роль и значение этого процесса в связи с исчерпанием и усложнением условий добычи и эксплуатации ряда важных природных ресурсов ещё более возрастут. В связи с этим внедрение инвестиций и инноваций интенсивного типа будет способствовать также повышению экономической безопасности страны.

Рассматривая различные формы и направления инвестиций с точки зрения их влияния на процесс интенсификации общественного производства в России, следует отметить, что доля интенсивных инвестиций в общей структуре иностранных инвестиций существенно меньше по сравнению с аналогичным показателем в структуре внутренних инвестиций, что, на наш взгляд, в значительной степени объясняется нежеланием Запада технологически усиливать российскую экономику. Сравнивая прямые и портфельные инвестиции, можно констатировать, что в первом случае возможности реализации интенсивных инвестиций существенно выше, чем во втором.

Как известно, в зависимости от выбранной инвестиционной стратегии субъекта хозяйствования выделяют несколько различных портфелей инвестиций и, в частности,

консервативный портфель, когда предполагается инвестирование в мало доходные, но стабильные объекты; доходный портфель, в соответствии с которым инвестиции осуществляются в объекты, гарантированно приносящие высокие доходы и рискованный портфель, формирование которого связано с осуществлением инвестирования в объекты, приносящие наибольший, но не гарантированный доход. Целесообразность выбора конкретного портфеля инвестиций с точки зрения максимального использования имеющихся потенциальных возможностей в отношении внедрения интенсивных инвестиций в значительной мере определяется отраслевой и региональной спецификой, однако можно констатировать, что в будущем в связи с усложнением условий осуществления общественного воспроизводства значение рискованного портфеля как предпосылки роста доли интенсивных инвестиций существенно возрастет. Таким образом, можно видеть, что лишь создание системы эффективных и взаимосвязанных мер и условий хозяйствования на разных уровнях иерархии - макро-, мезо- и микроуровне позволит существенно увеличить использование в обозримом будущем в российской экономике интенсивных инноваций и инвестиций, однако наибольшее значение в этой системе всё же имеет использование комплекса мер государственного регулирования развития народнохозяйственного комплекса страны.

Интенсификация общественного производства является одной из важнейших тенденций развития мировой экономики [1]. Особенно эта тенденция проявляется в развитых капиталистических странах. Это объясняется тем обстоятельством, что интенсификация, важнейшим фактором которой является научно-технический прогресс, является обязательным условием и материально-технической основой существенного повышения социально-экономической эффективности и ускорения темпов развития народно-хозяйственного комплекса страны. Интенсификация производства является также одним из важнейших факторов повышения конкурентоспособности отечественной продукции.

Действительно, в современных условиях именно наукоемкие технологии – роботизация, биотехнология, электронно-вычислительная техника позволяют достигать высоких стандартов, уровня и качества жизни. Достаточно сказать, что Япония, не имеющая сколько-нибудь серьезных запасов природных ресурсов, стала одной из ведущих держав мира благодаря, прежде всего, эффективному использованию научно-технического потенциала, причем далеко не только своего (как известно, Япония является крупнейшим импортером лицензий). То же самое можно сказать и про другую быстроразвивающуюся страну – Южную Корею.

Значение процесса интенсификации в связи со все более возрастающей дефицитностью невозпроизводимых природных ресурсов в обозримой перспективе еще более возрастет. Вместе с тем во многих постсоциалистических странах в последнее время темпы и уровень интенсификации производства все еще недостаточно высоки. Все это справедливо и для стран СНГ, в том числе для России и Украины. И это при том, что в советский период о необходимости всемерной интенсификации говорилось на всех уровнях общественной иерархии, в том числе и на самом высоком.

Развитие российской экономики до последнего времени преимущественно было связано с использованием экстенсивных факторов (недозагруженными мощностями и незанятой рабочей силой, а также внешней конъюнктурой). Однако ускорение социально-экономического развития, намечаемое на ближайшее десятилетие, не может основываться на весьма ограниченных по своим возможностям экстенсивных факторах. Необходимо использовать качественно новый физический и человеческий капитал, а также результаты благоприятных условий хозяйствования. Чтобы ускорить экономический рост, необходим поиск новых, устойчивых источников развития и активизация процесса интенсификации производства.

Актуальность перехода на интенсивный способ хозяйствования определяется также и тем, что в трудные годы экономического спада проблемам интенсификации не придавалось должного значения. В настоящее время, когда возникли благоприятные предпосылки развития, интенсификация предполагает вовлечение в общественное производство всего имеющегося потенциала страны и все более рационального его использования.

Раньше, в условиях плановой экономики в России о необходимости всемерной интенсификации экономики постоянно говорили руководители всех уровней. Многие в этом направлении делалось: внедрялись новые технологии на предприятиях, ускоренными темпами развивались фундаментальная и прикладная наука, в стране были широко развиты изобретательство и рационализация, причем в этой деятельности наша страна занимала одно из первых мест в мире. Другое дело, что новинки у нас не всегда оперативно внедрялись, в то время как в передовых странах за любое усовершенствование на производстве специалисты получают хорошее вознаграждение. В Японии, к примеру, в фирмах существуют кружки качества, деятельность которых стимулирует проявление инновационной активности трудящихся этих фирм как с материальной, так и с моральной точек зрения.

Необходимость в стране перехода к рыночным отношениям многие специалисты объясняли также и обстоятельством, что рынок должен был еще более повысить уровень интенсификации общественного производства, главным фактором которой является НТП. Однако результат получился прямо противоположным. В последнее время не только не произошло усиления интенсивного характера производства, существенного повышения темпов его роста, но и значительно снизился уровень интенсификации. На это указывают следующие факты. Такой важный показатель интенсификации, каким является производительность труда, существенно снизился (в сельскохозяйственных предприятиях, например, за десятилетний период рыночных реформ этот показатель снизился более чем на 20%, соответственно затраты труда на производство центнера зерна за это же время возросли с 1,6 человеко-часов до 2,4). О снижении уровня интенсификации российской экономики в переходный к рыночным отношениям период свидетельствуют и другие показатели. В последнее время почти во всех отраслях существенно уменьшились коэффициенты обновления основных фондов. Это привело к тому, что на многих предприятиях степень их износа приближается к 100%.

Тенденция снижения темпов интенсификации производства в условиях рыночной реформы проявляется в разных регионах страны. В итоге средний уровень технооснащенности и конкурентоспособности российской экономики еще более отделился от мировых стандартов. В целом темпы внедрения новых технологий в промышленности России в 1990-х годах и начале XXI века резко снизились: если удельный вес предприятий и организаций, осуществляющих разработку и использование нововведений, в начале рыночных реформ превышал 16%, то сейчас этот показатель составляет около 5%. Особенно низка инновационная активность в сельскохозяйственном машиностроении и промышленности строительных материалов. А общая доля новой и усовершенствованной продукции составляла в последнее время лишь около 12% от всего объема отгруженной продукции инновационно-активных предприятий.

В последнее время многие руководители об интенсификации экономики вспоминают редко, хотя именно интенсификация является по-прежнему важнейшим фактором роста социально-экономической эффективности производства и конкурентоспособности продукции. В этой связи нелишне напомнить, что основу экономического потенциала развитых стран составляют новейшие наукоемкие производства: роботизация, генная инженерия, биотехнология и т.п. Поэтому чтобы в обозримой перспективе существенно повысить уровень и качество жизни россиян, необходимо принять срочные меры для повышения эффективности и темпов роста интенсификации производства.

Особенно это актуально для регионов с высоким инновационным потенциалом, к которым относятся, например, регионы Урала, традиционно являющиеся флагманами российского ВПК. Инновационные процессы в такого рода регионах в последнее время существенно затормозились. На предприятиях машиностроительного комплекса снизился удельный вес новых изделий в общей структуре выпускаемой ими продукции, слабо идет внедрение новых технологий, научно-исследовательских, опытно-конструкторских разработок.

Произошедшее за последнее десятилетие снижение темпов интенсификации вполне объяснимо: финансовых ресурсов часто не хватало не только на техническое обновление

производства, но и на выплату заработной платы. Поскольку в последнее время ситуация в российской экономике несколько улучшилась (прежде всего, за счет благоприятной внешней конъюнктуры в отношении энергоносителей, традиционно составляющих основу российского экспорта), появившиеся резервы целесообразно использовать на повышение интенсификации производства, а следовательно, и роста конкурентоспособности продукции.

Переход на интенсивный путь развития в различных отраслях народного хозяйства имеет свою специфику. Она определяется рядом особенностей, присущих отрасли: характером НТП, соотношением живого и овеществленного труда в процессе производства, социально-экономическими условиями организации труда, степенью влияния природных факторов и т.д. Характер направленности интенсификации производства в отрасли, сроки проведения мероприятий, сосредоточенных на усилении интенсивного характера процесса производства, в значительной мере определяются той ролью и местом, которое занимает отрасль в экономике народного хозяйства на данном этапе его развития, а также условиями воспроизводственного процесса.

Имеются существенные различия в протекании этого процесса и на региональном уровне. Так, например, в зависимости от того, относится определенный регион к трудодефицитному или трудоизбыточному, эффективность трудосберегающего направления интенсификации регионального производства будет существенно различаться. Значительное влияние на направленность интенсификации в регионе оказывает и такой фактор, как преимущественное размещение в нем предприятий, занимающихся выпуском средств производства или предметов потребления. Например, несомненное преобладание на Кольском полуострове природоэксплуатирующих производств на первый план выдвигает скорейшее внедрение других ресурсосберегающих технологий. Можно выделить большое количество других причин и факторов, от которых будут зависеть направленность, темпы и уровень интенсификации воспроизводства в регионе.

При этом следует отметить связь и взаимовлияние отраслевых и региональных особенностей процесса перевода экономики на рельсы интенсивного развития. Так, скажем, приоритетность и значимость процесса на двух идентичных предприятиях одной отрасли, но расположенных в разных регионах будут, скорее всего, неоднозначными, что может быть связано с такими обстоятельствами, как отнесение этой отрасли в первом регионе к отрасли российской специализации, тогда как во втором случае эта же отрасль относится к вспомогательным или обслуживающим отраслям другого региона. Поэтому при характеристике отраслевых особенностей интенсификации какой-то однотипной группы предприятий, расположенных в известном регионе, целесообразно помимо общеотраслевых указывать и такие особенности, которыми отличается интенсифицирование производства предприятий этой отрасли в этом регионе, иначе говоря, помимо общеотраслевых особенностей учитывать и региональные.

К отраслям специализации ряда регионов Северного экономического района, например, Мурманской области, в значительной мере определяющих характер развития экономики всего региона, относятся такие отрасли промышленности, как горная и рыбная. Это обстоятельство было определяющим для выбора предприятий именно этих двух отраслей в качестве объекта исследования для изучения вопроса о выявлении отраслевых особенностей интенсификации; в других отраслях, которые невозможно все рассмотреть в силу их многочисленности, подобные особенности должны быть несколько иными, хотя, разумеется, совпадения здесь совершенно не исключены.

Большим своеобразием отличается процесс интенсификации производства в рыбной промышленности. Специфический характер интенсификации производства в этой отрасли определяется особенностями организации производства и труда в море и размещением предприятий на окраинных территориях, характером сырьевой базы, значением рыбного хозяйства и рядом других факторов.

Рыбная промышленность – самая фондоемкая отрасль пищевой промышленности, в которую входит еще около 40 других отраслей (в том числе мясная, маслосыродельная, молочная, сахарная, хлебопекарная и др.). В связи со все увеличивающейся фондоемкостью рыбной отрасли (в первую очередь ее добывающей подотрасли) особое значение приобретает фондосберегающее направление интенсификации производства. Следующей очень важной особенностью рыбной промышленности является низкий уровень механизации и автоматизации производства. В среднем в отрасли доля ручного труда выше, чем в аналогичных отраслях агро-промышленного комплекса (АПК) на 12%. В связи с этим важную роль играет трудосберегающее направление интенсификации производства.

Производство на рыбообрабатывающих предприятиях характеризуется высокой материалоемкостью продукции. Больше половины всех затрат в структуре себестоимости приходится на сырье и материалы. На некоторых береговых предприятиях по отдельным видам биоресурсов при производстве теряется до 50% ценных веществ. Это в значительной мере связано с тем, что основные технологические методы переработки сырья на протяжении последних лет существенно не менялись, тогда как видовой состав осваиваемых биоресурсов претерпел значительные изменения. Поэтому большое значение для повышения эффективности имеет и материалосберегающее направление интенсификации производства.

Таким образом, одной из важнейших отличительных особенностей процесса интенсификации рыбопромышленного производства является острая необходимость проведения и трудо-, и фондо-, и материалосберегающих мероприятий интенсификации, тогда как в других отраслях, как правило, преобладает необходимость проведения какого-либо одного ресурсосберегающего направления интенсификации производства. Нужно искать такие пути усиления интенсивного характера производства, которые способствовали бы экономии как овеществленного, так и живого труда. Другая отличительная черта процесса интенсификации в рыбной промышленности заключается в большой зависимости добычи и обработки рыбной продукции от природных факторов и специфического характера сырьевой базы. Среди них следует выделить сезонность, подвижность предмета труда и скоропортящийся характер сырья.

Комплексность как специфическая черта, отличающая рыбное хозяйство от многих других отраслей промышленности, существенно влияет на процесс интенсификации производства в отрасли. Наличие в рыбной промышленности различных специализированных отраслей и подотраслей способствует установлению между ними более тесных и сложных связей по кооперированию производства, оказывает определенное влияние на такие важнейшие составляющие интенсификации, как процессы специализации и комбинирования предприятий. Комплексный характер отрасли в значительной степени определяет направленность главного фактора интенсификации производства – научно-технического прогресса.

Рассмотрим отраслевые особенности интенсификации горнопромышленного производства. Сравнивая горную промышленность с рыбной, нельзя не заметить в характеристике этих двух отраслей ряд однотипных параметров: природоэксплуатирующая направленность производства, существенная зависимость от природных факторов, комплексность производства. Это обстоятельство объясняет совпадение некоторых особенностей интенсификации горно- и рыбопромышленного производств. Так, если взять в качестве объекта рассмотрения только производственное объединение «Апатит», то можно увидеть, что это сложный взаимосвязанный комплекс горнодобывающих и обогатительных цехов, транспортных и вспомогательных производств, включающих три подземных и два открытых рудники, три обогатительные фабрики. В технологическом цикле объединения присутствуют почти все виды работ, характерные для различных горных предприятий, а именно: вскрыша, бурение, взрывные работы, экскавация, транспортировка руды на открытых горных работах; проходка, бурение, производство массовых взрывов, различные варианты добычи, электровозной откатки и выдачи руды на подземных горных работах; железнодорожные перевозки; дробление, измельчение, классификация, флотация, обезвоживание готового продукта, в обогатительном производстве; содержание отвалов и

хвостохранилищ; все виды обеспечивающих производств. Кроме апатитового концентрата (с полезным компонентом P_2O_5) из апатито-нефелиновых руд Хибинского массива вырабатываются также нефелиновый концентрат (с полезным компонентом Al_2O_3) – сырье для производства алюминия, титано-магниевого концентрат и титановые белила, ведется работа по разработке технологии извлечения из руды других полезных компонентов, сфена, эгирина. Проблема комплексного использования запасов апатито-нефелиновых руд Хибинского массива с дальнейшей переработкой и использованием всех полезных элементов в народнохозяйственном масштабе, к сожалению, до сих пор не решена. Используется весьма небольшая часть нефелина, все остальное в качестве отходов апатитового производства в течение долгих лет складывается в хвостохранилищах, нанося экологический ущерб и значительно снижая производительность труда коллектива и прибыль предприятия. Таким образом, и в горной промышленности комплексный характер производства оказывает существенное влияние на направленность и эффективность процесса интенсификации.

Существенно сказывается на интенсификации горнопромышленного производства и такой фактор, как невозобновляемость добываемого сырья (в отличие от биоресурсов). Помимо общеотраслевых особенностей интенсификации горнопромышленного производства, на протекание этого процесса на предприятиях горнопромышленного комплекса Мурманской области значительное влияние оказывают и региональные условия, как то: суровый климат, большая продолжительность зимнего периода, значительная удаленность от рынков сбыта и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс интенсификации производства в каждой из двух рассмотренных отраслей промышленности имеет свои особенности, которые в значительной степени связаны со спецификой отраслевого воспроизводства, причем некоторые из выявленных особенностей присущи этому процессу на предприятиях обеих отраслей. Важно также отметить, что на протекание этого процесса существенное влияние помимо общеотраслевых оказывают и выявленные региональные особенности. На наш взгляд, проведя исследования, можно выявить особенности интенсификации производства и в любой другой отрасли народного хозяйства, часть из которых, возможно, будет совпадать с уже определенными.

Более подробное рассмотрение проблемы усиления интенсивного характера производства на основе прогрессивных форм НТП позволяет сделать вывод о том, что в новую систему управления НТП, которая формируется в процессе развития рыночных отношений, должны включаться следующие компоненты: разработка общей стратегии НИОКР; финансирование крупных программ; система научно-технической информации, аккумулирующая мировой опыт; льготы и субсидии, стимулирующие инновационную активность предприятий и их подразделений и ряд других.

В развитых странах государство в значительной мере контролирует и определяет развитие новых форм НТП, причем его функции не сводятся только к микроэкономическому регулированию рынка, хотя и это весьма важная сфера его деятельности, ибо, именно контролирующие функции центральных органов власти, например, оберегают отрасли от чрезмерной монополизации, способствуя тем самым более быстрому развертыванию НТП. Особенно велика роль государства в поддержке и стимулировании развития сферы НИОКР, причем в последнее время это прежде всего проявляется в формировании государственной научно-технической политики, основанной на учете приоритета общеэкономических целей развития и включающей систему определенных мероприятий, таких, как прямое финансирование НИОКР, развитие инфраструктуры обеспечения этой сферы, использование контрактной системы для осуществления крупных научных проектов и программ и ряд других. Но представляется, что особенно большие возможности в системе регулирования и государственного стимулирования НТП имеются в осуществлении разумной налоговой и амортизационной политики.

Например, в Японии промышленным компаниям, осуществляющим капиталовложения в передовое оборудование, используемое для исследований и разработок новой технологии, налоговое законодательство предоставляет право вычесть из налога на прибыль 7% от величины

таких инвестиций. В Великобритании еще 50 лет назад были введены налоговые скидки по инвестициям, которые предоставляются компаниям в первый год эксплуатации машин и оборудования. В Ирландии размер скидок, получаемых компаниями в первый год эксплуатации оборудования, достигает 100%. Следует сказать, что налоговые льготы по инвестициям в новые производственные фонды в той или иной форме используются почти во всех развитых странах. Правда, в таких странах, как Великобритания, Франция, ФРГ решающую роль в стимулировании инвестиций в ряде отраслей промышленности играют не налоговые скидки, а амортизационная политика. В Великобритании, например, многим компаниям разрешено списание полной стоимости технически передового оборудования в первый год его функционирования.

Приведем ряд фактов, подтверждающих значение и роль государственного регулирования НТП в развитых капиталистических странах вопреки иногда встречающемуся в специальной литературе мнению, что высокие темпы НТП в передовых странах обусловлены только закономерностями рыночного хозяйствования (хотя, разумеется, наличие развитого рынка – обязательное условие ускорения НТП, но велика в этом и роль государства). В большинстве ведущих стран государство покрывает около половины всех расходов на НИОКР, соблюдая при этом определенные политические, экономические и научно-технические приоритеты. Так, в США, где в последние десятилетия резко возросла роль частного сектора, государство финансирует почти половину расходов на науку, свыше 50% затрат на НИОКР берет на себя государство Великобритании и Франции, более 40% – в ФРГ.

Государство активно содействует осуществлению комплексной автоматизации производства. Так, разработка, производство и внедрение робототехники почти во всех развитых странах осуществляется при активном содействии государства – государственное стимулирование развития робототехники проводится в Японии, ФРГ, Франции, Великобритании, Канаде и других странах. Развитие роботизации возведено в ранг национальных приоритетов. В значительной мере то же самое можно сказать и о государственном стимулировании развития биотехнологии, освоения космического пространства, развития полупроводниковых технологий, ядерной энергетики и других важнейших направлений НТП. Источниками финансирования НТП в развитых капиталистических странах выступают государственные бюджеты, государственные специальные фонды, собственные средства промышленности фирм, частных некоммерческих организаций и вузов, а также иностранный капитал.

Формы и методы государственного стимулирования и регулирования процесса интенсификации в переходный период могут быть самыми разнообразными. В этой связи полезно использовать полезный зарубежный опыт. Это могут быть следующие полезные формы стимулирования; финансирование из бюджета разных уровней, из специальных финансовых фондов — инновационных, инвестиционных, научных; ускоренная амортизация основных фондов; льготный порядок отнесения затрат, связанных с усилением интенсивного характера производства на себестоимость продукции; дифференцированное кредитование и налогообложение с учетом источников получаемых доходов и направлений расходования прибыли; дифференцированное ценообразование и целевые дотации на научно-техническую продукцию; таможенные и валютные льготы для экспортно-импортных операций, содействующих дальнейшей интенсификации; предоставление консультационных, информационных и других услуг государственными организациями и т. д. Представляется, что в настоящее время особое внимание следует уделить косвенным методам государственного стимулирования, прежде всего, в налоговой и амортизационной политике.

Литература

1. Андреев В.А., Павлов К.В. Интенсификация общественного производства в свете институциональной теории / Общество и экономика. 2006. № 6. С. 152-162
2. Александров Г.А. Курсом интенсификации. М.: Экономика, 1998. 158 с.
3. Павлов К.В. Интенсификация экономики в условиях неопределённости рыночной среды. М.: Магистр, 2007. 271 с.

ЗАКОН ИЗМЕНЕНИЯ СРЕДНЕСУТОЧНЫХ ТЕМПЕРАТУР

Савоткин Н.А., г. Кировск

Температура – функция многих переменных величин и обобщающее следствие переносов тепловой энергии в атмосфере и океанах. На температуру в данном месте и заданное время влияет бесконечное множество причин, поэтому ее точное значение предсказать маловероятно. Так как все эти процессы происходят под действием солнечного излучения, то средние значения всех параметров атмосферы должны закономерно изменяться в течение года.

В 80-х годах Мурманское радио в прогнозах погоды каждые десять дней сообщало рекорды декады, средние температуры и другие важные сведения, причем, охватывался период с 1918 года (табл. 1).

Таблица 1

Средние и рекордные температуры по Мурманской области в 1918-1980 годы

Месяц	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
max	+7	+6,5	+7,4	+19	+28	+26,8	+31,4	+28	+21	+16,5	+6	+5,4
дата	28.01.49	23.02.75	3.03.77	14.04.18	1929	8.06.61	1957	?	1934	1944	15.11.32	28.12.48
min	-46,7	-50	-28,8	-32	-6	-2,8	+2	+3	-10,1	-26	-32,2	-34,4
дата	7.01.85	1985	3.03.48	13.04.66	1932	2.06.27	1920	?	29.09.28	1968	29.11.25	29.12.33
Средн.	-10...-14	-10...-14	-8	-1...-4	+4	+6,5	+9...+14	+9...+12	+1	+1	-4	-8

Обобщим эти сведения графически (рис.1).

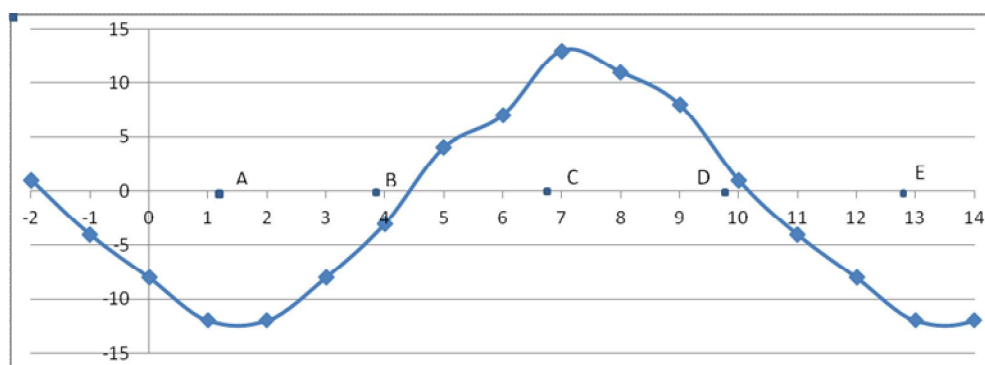

Рис.1. Изменения средних температур по Мурманской области (1918 – 1980 гг.)

На оси абсцисс отмечены точки А – перигелия, В – весеннего равноденствия, С – летнего солнцестояния, D – осеннего равноденствия, E – зимнего солнцестояния. Из общей закономерности ход изменения температур нарушается в июне и августе. Первое объясняется большими затратами энергии на таяние льдов и снега на озерах и в горах в конце мая и начале июня. Второе – преобладанием северного движения воздуха от полюса в июле и августе. Переход температур через 0 происходит позже моментов равноденствия.

Анализ графика средних температур и его продолжения показывает наибольшее соответствие уравнению

$$y = A \sin(\omega t + \varphi) + y' \quad (1)$$

или

$$y = A \cos(\omega t + \varphi) + y' \quad (2)$$

где А – амплитуда, ω – угловая частота, t – время, φ – фаза.

По графику $A = 13^\circ\text{C}$, $\omega = 2\pi/T = 2\pi/12 \approx 0.5 \text{ мес}^{-1}$, где Т – период, равный периоду обращения Земли вокруг Солнца.

Если за начало координат взять точку весеннего равноденствия, то уравнение средней температуры будет иметь вид

$$t^0 = 13\sin(0.5t + 0.2) + 0.6 \quad (3)$$

где фаза 0,2 и начальная температура определены по графику. Учитывая погрешность измерения температур, определения средних температур и другие факторы, можно с достаточной точностью считать описание изменений средних температур в течение года в Мурманской области уравнением

$$t^0 = 13\sin 0.5t \quad (4)$$

где t^0 в градусах Цельсия, t в месяцах.

Проверим этот вывод на исследовании независимых наблюдений автора за ходом утренних температур в городе Кировске в 2007-2011 годы.

По наблюдениям автора средние температуры по Кировску менялись следующим образом (рис. 2). Несимметричность относительно оси абсцисс объясняется установкой термометра на стене второго этажа внутри «коробки» зданий. В защищенной от ветров территории в отопительный сезон температура выше.

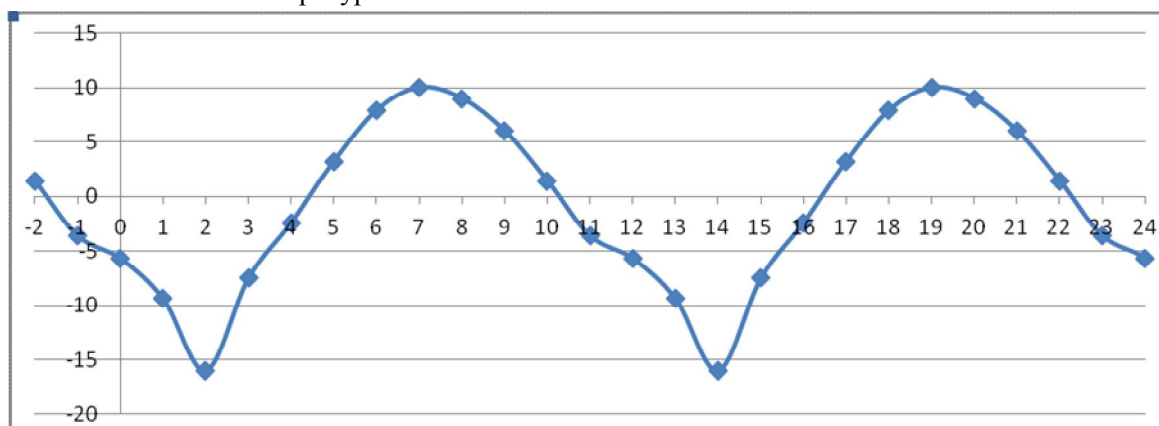

Рис. 2. Изменения средних утренних температур в г. Кировске в 2007 – 2011 гг.

Следует отметить повышение утренних температур за последние три года и ранний переход через ноль градусов в 2011 году.

Описание изменений средних температур формулой гармонических колебаний подтверждает и исследование дневных температур по данным GISMETEO. По этим данным отступлений от синусоиды нет

Найденный закон изменения средних температур может служить основой для построения прогноза погоды на достаточно длительный период времени.

Найденные закономерности изменения средних температур справедливы и для других широт. По исследованию результатов наблюдений Вайншенкера Е.А. (г. Мценск Орловской области) изменения средних температур описываются уравнением гармонических колебаний с другими параметрами. Параметры уравнения для каждой местности находятся из наблюдений температур за длительный период

На основании выше изложенного можно считать доказанной гипотезу:

СРЕДНЕМЕСЯЧНАЯ ТЕМПЕРАТУРА ЗА ДЛИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД МЕНЯЕТСЯ ПО ГАРМОНИЧЕСКОМУ ЗАКОНУ

$$t_{cp}^0 = A^0(\sin 0.5t + \varphi) + C^0 \quad (5),$$

где A^0 , φ , C^0 – постоянные для данной местности величины, t_{cp}^0 – температура в °С; t – время в месяцах.

Исследования таблиц средних температур по Мурманской области, городу Кировск Мурманской области и городу Мценск Орловской области позволили установить закономерности изменения среднегодовых температур и выразить эту закономерность формулой. Некоторые выводы, сделанные на основании полученных закономерностей, не совпадают с общепринятыми.

Например, глобальное повышение температуры за последние 50 лет получилось не более 0.2 градуса Цельсия, а не несколько градусов, как это сообщается в журналах. Учитывая погрешности измерений, получаем нулевое повышение глобальной температуры.

Возможности применения полученных закономерностей для прогноза погоды на длительный срок автором были использованы дважды. Летом и осенью 2011 года (до 10 октября) Гидрометцентр прогнозировал необычайно суровую зиму 2011-2012. Прогноз же, составленный на основании найденных закономерностей изменения среднемесячных и среднегодовых температур, учета изменений их с октября 2010 по сентябрь 2011 года (собственные наблюдения температур), с большой точностью предсказал погоду на ноябрь – апрель такой, какой она оказалась в действительности. Уверенность в ходе изменения температур и осадков была такой, что автор провел в подтверждение эксперимент с посадкой картофеля осенью. Ожидаемые температуры до января позволяли картофелю пройти все стадии яровизации. Прогнозируемые морозы до тридцати градусов в начале февраля картофель не повредят: он успеет пройти яровизацию и к этому времени будет укрыт метровым слоем снега. Эксперимент прошел успешно. Картофель дал в два раза больший контрольного урожай, хотя полностью не вызрел – в начале августа были сильные заморозки (минимальный термометр зафиксировал -3.5 градуса). Эксперимент проведен в дачном поселке около горы Ловчорр, Кировский район.

Второй прогноз на зиму 2013-2014 по состоянию на 31 января тоже оказался точнее Гидрометцентра, обещавшего суровую зиму. По составленному прогнозу ожидается до января температура около 0, с января по февраль обычные для окрестностей Кировска морозы в районе 20 градусов, с обычным среднемесячным ходом температур, начиная с последней декады февраля.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ СЕВЕРНОГО ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Сухарев М.В., к.э.н., с.н.с.

Институт экономики Карельского НЦ РАН, г. Петрозаводск

Приступая к исследованию региональной инновационной системы в Карелии, мы исходили из следующих гипотез:

1. До 1991 года в республике уже существовал созданный в рамках централизованной социалистической экономики комплекс структур, которые можно назвать региональной инновационной системой. Составляющими элементами этой системы были научные и учебные заведения, система научной и технической информации (ЦНТИ, библиотеки), отраслевых научных институты, призванные реализовывать научно-техническое развитие.

2. Эта инновационная система советского типа являлась составной частью региональных кластеров лесозаготовительной и лесоперерабатывающей промышленности и машиностроения (хотя в то время такая терминология не использовалась, но это были весьма развитые территориальные кластеры).

3. В период 1990 – 2000 гг. большая часть этих систем пришла в упадок (резко ухудшилось комплектование библиотек, финансирование и снабжение литературой центров ЦНТИ, многие отраслевые институты были закрыты или превратились в подразделения ПетрГУ).

4. В период экономического подъема 2000 – 2008 годов должны были начать создаваться контуры новой региональной инновационной системы, основанной уже на рыночных принципах.

5. Инновационный процесс в республике имеет очень незначительный масштаб вследствие разрушения старой системы и недостатка средств для обновления оборудования и технологий. Отрицательную роль играет также институциональная нестабильность.

Нами были обследованы более семидесяти предприятий республики и получена информация, которая изменила часть этих предположений. Оказалось, что в действительности в республике идет интенсивный инновационный процесс, связанный с внедрением нового

оборудования, технологий, материалов, форм организации бизнес-процессов. Это внедрение скандинавских технологий в лесозаготовке, импортных линий в лесопереработке, новых инструментов и материалов в строительстве и т.д. Но эти инновации, в основном, связаны с импортом нового оборудования и технологий из-за рубежа.

Региональная инновационная система – это организованная взаимосвязанная система факторов, участвующих в инновационном процессе на территории региона. Для уточнения понятия «инновационная система» можно использовать определение «инновационной инфраструктуры»: *«Инновационная инфраструктура - это совокупность объектов инновационной деятельности и взаимосвязей между ними, которые производят новые знания и новшества, преобразуют их в новые продукты и услуги, обеспечивают их распространение и потребление в условиях рынка. Инновационная инфраструктура является связующим звеном между результатами научных исследований и рынком, государством и предпринимательским сектором экономики. Основу инфраструктуры национальной инновационной системы составляют центры трансфера технологий, инновационно-технологические центры, технопарки и территории высоких технологий, фонды поддержки научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, фонды стартового и венчурного финансирования, центры подготовки специализированных кадров (персонала) и по информационному обеспечению инновационной деятельности и др.[1].*

В условиях российских регионов к этому списку следует добавить высшие учебные заведения, в которых часто имеются подразделения, выполняющие научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИР и ОКР), отраслевые институты, учреждения Академии наук, учреждения распространения информации (библиотеки, центры НТИ, консалтинговые организации). Все перечисленные организации являются взаимосвязанными частями целостной (холической) региональной инновационной системы, и «выпадение» какого-то из элементов нарушает работу всей системы.

С теоретической точки зрения, следует различать инновации, созданные впервые в мире, и инновации, импортированные и впервые примененные на данной территории. В Карелии (как и вообще в России в настоящее время) мы наблюдаем почти 100% импортированных инноваций (хотя имеются отдельные примеры мировых инноваций).

Т.Ф. Гареев различает импорт инноваций в виде трансфера и диффузии [2]: *«трансфер технологий – это передача научно-технических знаний и опыта для оказания научно-технических услуг, применения технологических процессов, выпуска продукции». Он отличает трансфер, осуществляемый в рамках коммерческой сделки, от диффузии, которую определяет следующим образом (там же): «диффузия научно-технических знаний и информации, в отличие от коммерциализации технологий, является некоммерческим элементом трансфера научно-технических достижений».*

В Карелии мы наблюдаем как трансфер, так и диффузию инноваций. Причем не только технологических, но и организационных.

После отмены монополии внешней торговли предприятия получили доступ к мировому рынку. Это предоставило им возможности не только для сбыта своей продукции, но и для приобретения современного оборудования и материалов. С другой стороны, они оказались в условиях конкуренции с другими участниками глобализирующегося рынка, что заставляет их поднимать качество выпускаемой продукции до уровня мировых стандартов.

Карелия – регион, значительную часть производства в котором создает лесной комплекс. Валовой региональный продукт в 2012 г. составил 145 млрд. рублей. При этом обрабатывающие производства дают 54 миллиарда рублей [3].

Экспорт продукции из Карелии в 2012 г. составил 1,2 млрд. долларов, по среднему курсу доллара в 2012 году около 31 руб. за доллар, это составляет 37 млрд. рублей или 25,6% всего ВРП. Это очень большая часть ВРП, что обуславливает сильную зависимость региона от мировых цен на продукцию лесного и горнодобывающего комплексов.

Приграничное расположение ведет к интенсивным контактам предпринимателей и специалистов Карелии с финскими и шведскими коллегами, что интенсифицирует получение знаний о используемой за рубежом технике, технологиях и материалах, способах организации производства и организационных формах предприятий.

В результате многие из лесозаготовительных предприятий Карелии перешли на использование «скандинавских технологий» в добыче леса. Это связано с использованием принципиально новой техники и технологии заготовки леса (связки харвестер-форвардер, сортиментная заготовка).

Наше обследование показало, что предприниматели испытывают незначительную потребность в услугах центров ЦНТИ. В качестве источников информации о новом оборудовании и технологиях они назвали рекламную информацию и интернет, который доступен во всех районных центрах Карелии.

Любое предприятие с числом занятых больше нескольких десятков постоянно получает большое количество рекламной информации от производителей оборудования, материалов, от консалтинговых фирм. Если же у них возникает потребность уточнить какую-либо информацию, они могут воспользоваться поисковыми машинами в интернет.

При приобретении достаточно сложного и дорогого оборудования (например, машины для производства фанеры, линии для производства пиломатериалов, дробильно-сортировальной линии) поставщик, помимо оборудования, предлагает передачу технологии производства на данном оборудовании и обучение персонала, выполняя, таким образом, функции сразу нескольких элементов инновационной системы.

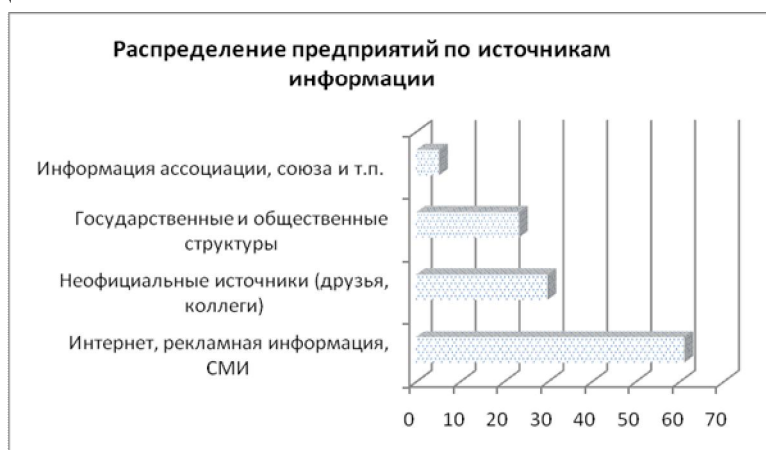

Рис. 1. Распределение предприятий по источникам информации о новом оборудовании, материалах, технологиях

В то же время ряд руководителей предприятий в интервью с нашими сотрудниками выражали сожаление по поводу закрытия или коммерциализации отраслевых институтов.

Директор строительной организации указывал, что в советский период они получали от этих организаций информацию о новых технологиях и оборудовании, стандартах, получали официальную информацию о стандартах. Проводились регулярные региональные, союзные и «министерские» семинары и школы. Директор птицефабрики говорил о том, что раньше они получали новые селекционные породы птицы, получали рекомендации по организации питания, предотвращению эпидемий, лекарственные средства.

В настоящее время подобное обслуживание приобретается только за плату, причем цены слишком высоки для региональных малых и средних предприятий.

Основным сдерживающим фактором в использовании инноваций является недостаток собственных средств предприятий и недоступность кредитов.

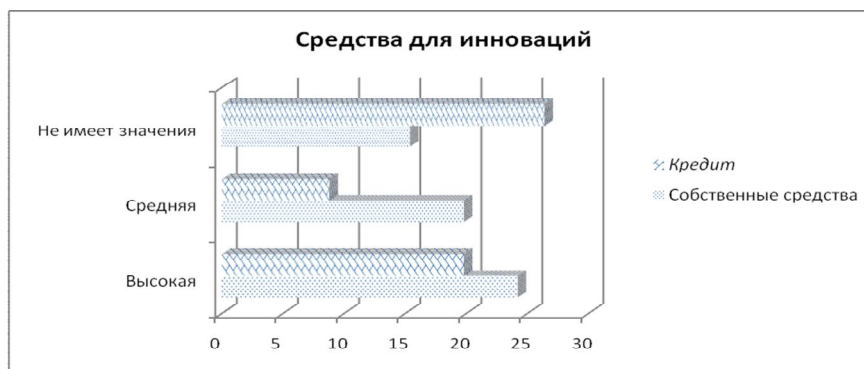

Рис. 2. Распределение предприятий по значимости доступности источников средств для внедрения инноваций

Неожиданно высокий процент предприятий, отсутствие доступного кредита для которых не имеет значения, обусловлен, на наш взгляд, тем, что это малые предприятия, не имеющие планов модернизации, во-первых, и привыкшие пользоваться собственными средствами. Это говорит о том, что у нас еще не сложилась *культура* пользования кредитом, распространена патриархальная установка боязни долга.

Еще одним путем получения средств для модернизации производства является участие в инвестиционных проектах. Хотя эта практика уже получила распространение в Карелии, но все еще сравнительно мало предприятий принимают в ней участие.

Рис. 3. Распределение предприятий по участию в инвестиционных конкурсах и проектах

Стимулирование инновационного развития на региональном уровне

Для развития инновационных процессов в регионах можно рекомендовать следующие механизмы:

Создание системы информационной, юридической, консалтинговой поддержки малого и среднего бизнеса. Необходимо развивать инфраструктуру, включающую в себя центры по оказанию правовых и информационных услуг предпринимателям. При создании системы поддержки малого предпринимательства в первую очередь добиваться ее развития на районном и муниципальном уровнях, с тем, чтобы они были максимально приближена к малым и средним предприятиям (МСП).

Создание региональной корпорации (ассоциации) развития. Такая корпорация может использовать неработающие промышленные зоны и другие местные ресурсы для привлечения инвестиций. Главное – это назначение инициативных и не склонных к коррупции руководителей и постоянный контроль со стороны региональной власти и общественности, диалог с предпринимателями.

Микрофинансирование МСП. Обеспечить развитие микрофинансовых институтов: кредитных кооперативов, других небанковских кредитных институтов и, в первую очередь, государственных систем частно-государственного партнерства, предоставляющих на возвратной основе средства для развития МСП.

Образовательная поддержка бизнеса. Образование и повышение квалификации руководителей и специалистов МСП, квалифицированных рабочих на основе специальных программ образования, созданных с учетом специфики МСП. Образовательные программы должны содействовать подготовке специалистов широкого профиля, обладающих необходимыми знаниями в области финансов, маркетинга, менеджмента, управления человеческими ресурсами.

Маркетинговая поддержка МСП. Власти республики и муниципальных образований должны помогать МСП в продвижении их товаров и услуг на российский и международный рынки. Организация выставок и ярмарок.

Поддержка уровня конкуренции. Система мер, направленных на приближение институциональных условий к ситуации «идеального рынка». Снижение транзакционных издержек, особенно для МСП.

Создание промышленных площадок, технопарков. На этапе создания МСП они испытывают большие трудности с поиском площадок для размещения. Наличие в регионе таких площадок облегчает появление новых производств.

В последнее время предлагается ряд инновационных управленческих систем управления развитием территорий. Одна из них – это предложенная академиком В.М. Полтеровичем концепция системы интерактивного управления ростом (СИУР) [4].

Историческим предшественником СИУР является индикативное планирование, показавшее очень хорошие результаты во многих странах за вторую половину XX века и которое в своем развитии становилось все более интерактивным.

Действительно, рассматривая вопрос с позиций когнитивной экономики [5, 6], видно, что структура процесса принятия решений, определяющая систему планирования, будет совершенно разной в случае централизованной плановой экономики, где имеется один главный, действительно суверенный, субъект планирования, и в случае свободной рыночной экономики, где субъектов планирования очень много. Поскольку частного предпринимателя или корпорацию невозможно законным образом принудить следовать какому-то государственному плану развития, систему индикаторов приходится строить, основываясь на многоступенчатом процессе согласования планов развития самостоятельных предприятий и органов государственного управления, включая федеральный и региональный уровни.

Процесс согласования подразумевает, помимо простого обмена информацией, сложный многосторонний коммуникативный процесс, включающий элементы «борьбы сценариев», оценку угроз и рисков, возникновение и перегруппировку коалиций, определенный торг по поводу затраты усилий и дележа вероятных выигрышей.

Участие в системе, подобной предлагаемой В.М. Полтеровичем, элементов региональной инновационной системы (ВУЗов, НИИ, организаций культуры и др.), может стать важным фактором превращения СИУР в действенный инструмент регионального развития.

Мы предлагаем развить предложенную Полтеровичем систему за счет использования современных информационных-коммуникационных средств [7].

В такой СИУР используется сетевая распределенная система поддержки принятия решений, основанной на современных ИКТ-технологиях и теоретических принципах делиберативной демократии. Разрабатываются когнитивные механизмы принятия решений, существуют интернет-технологии обсуждения проблем и принятия решений. Предлагаемый комплекс организационных и технических решений, обеспечивающих совместное выдвижение, обсуждение и коррекцию сценариев роста регионов, который может являться частью будущей системы управления развитием региона или даже государства в целом.

Литература

1. Проект "Основы политики Российской Федерации в области развития национальной инновационной системы на период до 2010 года и дальнейшую перспективу" - поручение от 12.01.2004 N мП-пр-82 межведомственной рабочей группы Совета Безопасности Российской Федерации по проблемным вопросам формирования национальной инновационной системы Российской Федерации, с. 6-7
2. Т.Ф. Гареев. Трансфер технологий и диффузия инноваций как элементы инновационного процесса. Вестник ТИСБИ № 4. 2005 год. с. 203-207
3. Статистический справочник «Экономика Северо Западного федерального округа, 2010-2012 гг.», АНО СПЭСР СЗФО, Санкт-Петербург, 2013 г. – 68 с.
4. Полтерович, В.М. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики, №4, 2008. с. 4-24
5. Egidi, M., Rizzello, S. Cognitive Economics: Foundations and Historical Evolution. Working paper No. 04/2003 Università di Torino, 2003, 16 p
6. Walliser, B. Cognitive Economics. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2008. - 182 p.
7. Сухарев М.В. Когнитивный подход и инновационные методы регионального управления // Экономика Северо-запада: проблемы и перспективы развития № 4 (30), 2006 г. с. 63-70

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ С ЕДИНИЧНЫМ И МЕЛКОСЕРИЙНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ КОЛЬСКОГО РЕГИОНА

Турчанинова Т.В., к.э.н., доцент

Мурманская академия экономики и управления, г. Мурманск

Храпов В.Е., д.э.н., доц., гл. науч. сотр.

Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина Кольского НЦ РАН, г. Апатиты

Невозможно представить приморский регион без баз размещения, технического обслуживания и сервиса для судов флотов различных назначений. Социально-экономическое развитие любого региона, как правило, опирается на использование собственного потенциала, а этот потенциал базируется на наличие развитой промышленности и обеспечивающей инфраструктуры, использования природных ресурсов и наличия трудового потенциала. Любой приморский регион заинтересован в интенсивности развития морехозяйственной деятельности, как одного из факторов потенциала и Мурманская область не является исключением.

На территории Мурманской области базируются суда флотов различных назначений, а именно: военно-морской, морской торговый, рыбопромысловый, другие коммерческие суда флотов различных назначений. Суда вышеперечисленных флотов размещаются в местах их базирования на Кольском полуострове, а также в существующих портах Мурманской области. В территориальной близости, как правило, с базами размещения флота, размещаются предприятия технического обслуживания, ремонта и сервиса судов. Страны с развитой рыночной экономикой, отличались иными подходами к технической эксплуатации флота от подходов, сформированных в Советском Союзе, которые базировались на системе плано-предупредительного ремонта, сформулированной по критериям «используемый ресурс» судна. Судоремонтные предприятия строились под потребность в ремонте узлов и механизмов судна, независимо от его настоящего технического состояния.

По данному сценарию происходило создание судоремонтных предприятий на Кольском полуострове. Причем судоремонтные предприятия технически и технологически были оснащены оборудованием, не только для выполнения судоремонтных работ на судах, но и располагали технологическим оборудованием по выпуску машиностроительной продукции, с полным технологическим циклом имея в своем составе литейные и кузнечные производства. Судоремонтные предприятия по набору технологического оборудования и технологических

процессов относятся к машиностроительным предприятиям с единичным и мелкосерийным производством, поэтому они способны выполнять уникальные разовые машиностроительные заказы.

С наступлением девяностых годов прошлого столетия и некогда «стройный» судоремонт трансформируется под потребности рынка и переживает до настоящего времени, период выживания, который, по нашему мнению, затянулся. В этот период происходят кардинальные изменения на рынке судоремонтных работ и в структуре судоремонтных предприятий Кольского полуострова.

В настоящее время, судоремонт Кольского полуострова структурно можно разделить на две группы: первую из которых, составляют частные предприятия, а их около пятидесяти, а вторую - открытые акционерные общества со сто процентным государственным капиталом, представленные судоремонтными предприятиями военно-промышленного комплекса. Судоремонтные предприятия второй группы, а именно: СРЗ-35, СРЗ «Нерпа», СРЗ-82, СРЗ-10 вошли в состав Объединенной судостроительной корпорации (ОАО «ОСК»), а конкретно в Северный центр судоремонта «Звездочка» с головным предприятием в г. Северодвинске Архангельской области. Для данных предприятий можно считать времена выживания прошли и в настоящее время они целенаправленно восстанавливают свои ранее утраченные позиции. Их дальнейшее развитие будет происходить в рамках ОАО «Объединенной судостроительной корпорации» и принятой в декабре 2012 года Государственной программы Российской Федерации «Развитие судостроения на 2013 – 2030 годы» (*Об утверждении государственной..., 2012*).

Судостроительные предприятия будут выступать «локомотивом», за которыми будут «тянуться» судоремонтные предприятия, обеспечивающие необходимые элементы технической эксплуатации судов и морских сооружений на всех этапах их жизненного цикла. Поэтому данная государственная программа, по нашему мнению, будет направлена на все предприятия, входящие в ОАО «ОСК», в том числе и судоремонтные предприятия Военно-промышленного комплекса Кольского полуострова. В рамках корпорации, можно предположить, что будет *сформирована новая идеология кооперации различных предприятий; налажена связь с машиностроительными предприятиями, выпускающих морскую технику; восстановлена связь с научными центрами; восстановлены центры по подготовке инженерно-технических, управленческих и рабочих специальностей для нужд всех предприятий и многие других проблем.*

Следует понимать, что основная задача для предприятий корпорации является обеспечение обороноспособности страны и это работа не одного дня.

Морехозяйственная деятельность любого приморского региона состоит не только из обеспечения обороноспособности, но и из других направлений: морские перевозки, рыбная ловля, геологоразведка, добыча полезных ископаемых, суда метеоразведки, научно-исследовательские и т.д. Отсюда можно сделать вывод, что потребность в судоремонтных предприятиях Мурманской области остается актуальной и в настоящее время, ибо на её территории сохраняют свои базы флота и суда различных назначений, да и территориальное расположение области на транспортных магистралях Арктики, предполагает возрастание значимости морехозяйственной деятельности для региона. В рамках Государственной программы Российской Федерации «Развитие судостроения на 2013-2030 годы» уделяется внимание развитию гражданской морской и речной техники, и можно предположить, что судоремонтные предприятия ВПК будут нацелены на рынок судоремонтных работ гражданского флота, но вряд ли, в ближайшей перспективе они смогут завладеть этим рынком. Опыт девяностых годов прошлого столетия показал, что предпринятая попытка ремонтировать гражданские суда судоремонтными предприятиями ВПК себя не оправдала.

Кроме баз технического обслуживания, морехозяйственную деятельность любого приморского региона невозможно осуществлять без наличия портовых сооружений. Анализируя исторические вехи развития порта Мурманск, можно согласиться с тем, что порт во все времена был востребован и будет он востребован в будущем. Особенно его значение возрастает при освоении запасов природных ресурсов в Арктике. На III Международном форуме «Арктика: настоящее и будущее» в г. Санкт-Петербурге губернатор Мурманской области М.Ковтун заявила: «Проект развития Мурманского транспортного узла включен в федеральную целевую программу «Развитие транспортной системы России (2010 – 2015 годы)». Проект предполагает создание действующего круглогодично глубоководного морского хаба-центра по переработке контейнерных, нефтеналивных грузов, перевалке угля и минеральных удобрений,

интегрированного в международный транспортный коридор «Север-Юг»» (*Проект МТУ..., 2013*). Реализация данного проекта создаст новый импульс развития порта Мурманск и активизации морехозяйственной деятельности приморского региона.

В настоящее время без реализации проекта Мурманского транспортного узла грузооборот порта Мурманск увеличивается. По информации Федерального Агентства морского и речного транспорта Федерального государственного унитарного предприятия «Росморпорт», за 10 мес. 2013 года грузооборот составил 26051 тыс.тонн, а в 2012 году он составил за этот период 19082 тыс.тонн. причем количество судов, заходящих в п.Мурманск в 2011 году составило 6641, 2012 году – 6812, а ожидаемое в 2013 году – 6900. Подобную тенденцию можно отнести к повышению прибыльности во фрахтовом сегменте судов грузоподъемностью от 40 000 тонн. В условиях конкуренции на рынке портовых услуг, по мнению экспертов, начинают «выигрывать» те порты и стивидорские компании, которые способны эффективно обрабатывать именно крупнотоннажные суда. Рынок сервисных услуг в порту (в т.ч. судоремонта) должен перестраиваться под общее направление и перспективы развития базового порта. Это, в первую очередь, касается тех пятидесяти частных судоремонтных предприятий, расположенных в черте порта Мурманск и специализирующихся на ремонте и техническом обслуживании судов гражданского флота. Для этого этим предприятиям необходимо дальнейшее развитие, которое невозможно без решения некоторых проблем: недостаточная загрузка судоремонтных предприятий, таможенное законодательство, недоступность к кредитным ресурсам, устаревшая техника и технологии, кадры, чрезмерная налоговая нагрузка, высокая стоимость кВт.час э.энергии, административные барьеры, потерянная связь частных судоремонтных предприятий с региональными органами власти и т.д.

Конечно, мы понимаем, что налаженная связь судоремонтных предприятий с администрацией области не обеспечит загрузку судоремонтных предприятий, но поиски решения этой проблемы позволят решить многие другие проблемы.

Первое, что необходимо решать – это проблему «незаходных» судов. По оценке Союза рыбопромышленников Севера, ежегодно, по самым скромным подсчетам, выполняется за рубежом (Норвегия, Дания, Исландия) техническое обслуживание и ремонт отечественных судов на сумму 3,5 млн.долларов США. Основная причина «незаходки» судов в российские порты, по нашему мнению, лежит в самих судовладельцах и их нежелании это делать по причине усложненных таможенных процедур, высоких тарифов родных отечественных портов и приобретенного опыта размещения судов на стоянку и техническое обслуживание в иностранных портах, которые стали родными, например, для Мурманских рыбаков порты Норвегии. Преодолеть нежелание судовладельца возможно, через изменения правил распределения квотных ресурсов на вылов биоресурсов рыболовными судами. Необходимо в новых правилах распределение квотных ресурсов (старые действуют до 2018 г.) предусмотреть норму распределения квоты в зависимости от обслуживания судна в отечественных портах (выгрузка, погрузка, смена экипажа, заправка топливом, судоремонтные работы, снабжение и т.д.).

Второе, упрощение таможенных процедур по опыту стран ЕС, например, Польши и стран Прибалтики. В настоящее время от машиностроителей нет предложений судовых механизмов, отвечающих рыночным требованиям, поэтому следует надеяться на реализацию государственной целевой программы «Развитие гражданской морской техники» на 2009-2016 годы (*О Федеральной целевой программе ...2011*). Но до тех пор, пока отечественное машиностроение не справится с поставленной задачей, данную проблему можно решить в рамках свободной экономической зоны. Нам не известна причина отказа Мурманской области от создания портовой свободной экономической зоны, но мы уверены, что другого экономического механизма, позволяющего развиваться территории человечество еще не придумало. И опыт использования свободных экономических зон во многих развитых странах с рыночной экономикой доказывает это.

Третье. В настоящее время невозможно определить объем рынка судоремонтных работ по причине использования устаревшей системы планово-предупредительного ремонта, которая используется в системе технической эксплуатации флота. Многие эксперты считают, что необходимо изменить парадигму технического обслуживания и ремонта судов, необходим отход от критериев «назначенный ресурс» на критерий «по техническому состоянию». Тем более, что современные суда уже строятся с идеологией новых критериев. Например, ОАО «Совкомфлот» при проектировании и строительстве судов типа «Николай Гуженко» и «Василий Данков» закладывали идеологию насыщения оборудованием судна системой датчиков и измерительных приборов, позволяющих контролировать состояние корпуса, механизмов и систем судна при

работе во льдах и в условиях низких температур, в период их эксплуатации. Постоянный контроль параметров технического состояния судна и его систем, позволяет использовать безразборную диагностику и по ее результатам продлевать время эксплуатации механизмов, устройств и судна в целом. Опыт показывает, что подобное судно, получает подтверждение класса контролирующего органа (Российского Регистра судоходства, иностранных Ллойда, Веритас и т.д.) в Германии на судостроительной верфи в течение двух недель.

Сложившаяся технология технической эксплуатации флота и выполнение судоремонтных работ на российских судоремонтных предприятиях требует изменения. До тех пор пока этого не произойдет, судоремонтные предприятия не могут определить собственную перспективу и оценить потребность рынка в судоремонтных услугах. Без изменения существующей парадигмы технического обслуживания и ремонта судов, эту задачу не решить. Мы понимаем, что региональные власти не способны реализовать данную задачу, так как она может быть решена только центральной властью, но предложения должны исходить от власти и бизнес-сообществ.

Данная работа длительная по срокам и грандиозна по масштабам, но без изменения парадигмы технической эксплуатации судов невозможно определить перспективы развития судоремонтных предприятий, ведь они создавались под потребность выполнения прежней парадигмы, технического обслуживания судов по критериям «назначенный ресурс».

Четвертое. Опыт развития многих стран с развитой рыночной экономикой показал, что добиться конкурентоспособности как на внутреннем, так и на международном рынке в одиночку невозможно, это можно достичь только в рамках организационных объединений. М.Портер проведя эксперименты и исследования в разных странах доказал, что подобными организационными объединениями может быть кластерное объединение. Мурманская область кластерное развитие определило, как приоритетным в собственной стратегии. Она предполагает создать в регионе шесть различных кластеров, но мы считаем, что в рамках региона можно разработать и внедрить кластерную систему обслуживания флота (КСОФ) как точку роста региональной, а затем национальной экономики. *Для создания судоремонтного кластера в Мурманской области сложились объективные предпосылки, которые связаны с ростом активности в морехозяйственной деятельности в Арктике, восстановление значимости Северного морского пути не только для России, но и многих иностранных государств, комплексного развития Мурманского транспортного узла, а также многих других предпосылок, вытекающих из многолетнего опыта совместной работы судоремонтных предприятий, личных контактов руководителей (собственников) судоремонтных предприятий, территориального местонахождения судоремонтных предприятий (в рамках порта Мурманск) и т.д.*

Рассмотрение и решение данных вопросов на уровне приморского региона, по нашему мнению, позволит сохранить судоремонтные предприятия, не только обеспечивающие обороноспособность страны, но и частные судоремонтные предприятия, сформировавшие предпринимательскую среду в судоремонте расположенные в Мурманской области, работающие в рыночных условиях на рынке гражданского судоремонта и способных на своем опыте и рыночных знаниях обеспечить конкурентоспособность судоремонтных услуг, не только в рамках региональной экономики, но и на национальном уровне.

Литература

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие судостроения на 2013 – 2030 годы» : распоряжение Правительства РФ от 24 декабря 2012г. № 2514 // Собр. законодательства РФ – 2012. № 53 (ч.2). –ст. 8020 – Первоначальный текст документа.
2. О Федеральной целевой программе «Развитие гражданской морской техники» на 2009 – 2016 годы [электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 21 февраля 2008 г. № 103: [ред. от 1 марта 2011г] – Доступ из справ. – правовой системы «Консультант Плюс» - Загл. С экрана – В данном виде документ опубликован не был.
3. Храпов В.Е. Судоремонтное предприятие: планирование, организация, экономика: в 2ч.: учебное пособие/ В.Е.Храпов, Т.В.Турчанинова, Т.А.Храпова; Федеральное агентство по рыболовству, Федеральное гос.бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Мурманский государственный университет». – Мурманск: Изд-во МГТУ, 2012 – 2ч., 558с.

Устинова К.А., м.н.с.

Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

Для России переход к инновационному типу развития является основной целью государственной политики [5, с. 38]. Однако для осуществления подобных преобразований существует множество препятствий: высокая степень износа основных фондов, сырьевая направленность экономики и ее экспортная ориентация, замедление продвижения передовых технологий в производство вследствие недофинансирования, низкая инновационная активность населения [17, с.10-11].

Одной из ключевых проблем является низкая инновационная активность организаций и результативность инновационной деятельности. Так, в России в общем объеме отгруженных товаров в 2011 г. было менее 1% продукции, которая может считаться вновь внедренной или подвергшейся значительным технологическим изменениям. Причиной этого может быть невысокий уровень вложений в технологические инновации. Республика Корея, Япония, США и ряд государств расходуют на эти цели в несколько раз больше, чем Россия. Россия существенно уступает развитым странам и по другим параметрам инновационного развития. По мнению Е.В. Балацкого, Россия не сможет достичь уровня США по производительности труда еще 84 года, по энергоотдаче – 63 года, по экологичности производства – 48 лет [1].

Несмотря на значительное отставание России по уровню инновационного развития от развитых европейских стран, все же существуют положительно влияющие факторы. По данным исследования «Глобальный инновационный барометр 2012»³⁰ ([Global Innovation Barometer 2012](#)) среди них:

– «наличие креативно мыслящих сотрудников, способных находить нестандартные решения» (так считают 56% руководителей предприятий в среднем по 22-м странам; 54% – в среднем по странам БРИК, 64% – среди российских руководителей),

– «наличие сотрудников с более высоким уровнем технической подготовки» (так считают 49% руководителей предприятий в среднем по 22-м странам; 51% – в среднем по странам БРИК, 42% – среди руководителей российских организаций),

– «снижение бюрократических барьеров для доступа к бюджетному финансированию» (так считают 25% руководителей предприятий в среднем по 22-м странам; 33% – в среднем по странам БРИК, 46% – среди руководителей российских предприятий),

– «увеличение объемов государственной поддержки инновационной деятельности» (так считают 34% руководителей предприятий в среднем по 22-м странам; 37% – в среднем по странам БРИК, 29% – среди руководителей российских организаций) [3].

Поэтому в целом можно говорить об убеждениях представителей бизнеса о решающей роли в инновационных преобразованиях кадрового потенциала (в т.ч. инициативы и предприимчивости населения), институциональных аспектов (соблюдение законов и жесткая вертикаль власти), использования новейших технологий. В то время как другим факторам не придается такого существенного значения.

³⁰ Глобальное исследование в сфере инноваций «Global Innovation Barometer» инициировано General Electric и проводится ежегодно. В 2011 г. исследование проводилось среди 2800 руководителей высшего звена управления крупных компаний в 22 странах мира (все респонденты занимают должности вице-президентов и президентов в своих организациях и являются участниками инновационного процесса). Россия в 2011 г. впервые принимала участие в исследовании. Опросы проводились методом телефонных интервью исследовательской компанией [StrategyOne](#). Основные цели исследования – определение факторов, способствующих и мешающих внедрению инноваций, и их восприятия.

Среди факторов, сдерживающих инновационное развитие, на региональном уровне (в Вологодской области) по оценкам руководителей предприятий и заведующих кафедрами вузов, первые места в 2009 г. занимали экономические (в т.ч. финансовые) и кадровые. В меньшей степени затрудняли инновационное развитие территорий институциональные, информационные, политические факторы (рис. 1).

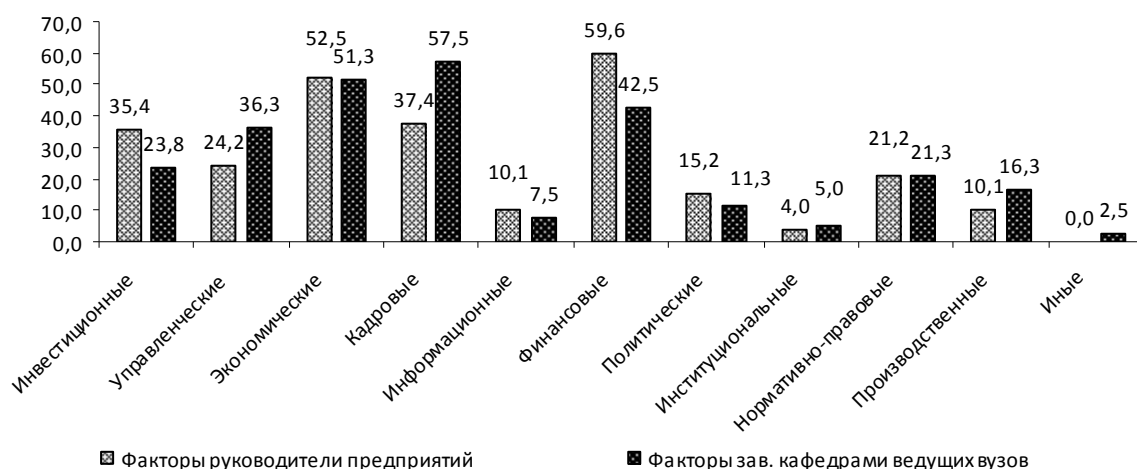

Рис. 1. Факторы, сдерживающие развитие инноваций в Вологодской области в 2009 г., %

При этом следует отметить, что если в 2009 г. оценки опрошенных промышленных предприятий и образовательных учреждений незначительно различались между собой, то в 2011 г. по некоторым позициям отмечены существенные расхождения. Так, среди заведующих кафедрами ведущих вузов по сравнению с руководителями промышленных предприятий было в 6 раз больше тех, кто среди сдерживающих инновационное развитие факторов отмечал производственные, втрое больше тех, кто называл нормативно-правовые. В тоже время среди руководителей предприятий было в пять раз больше тех, кто препятствующими факторами считал управленческие, практически втрое больше тех, кто среди таковых отмечал информационные (рис. 2).

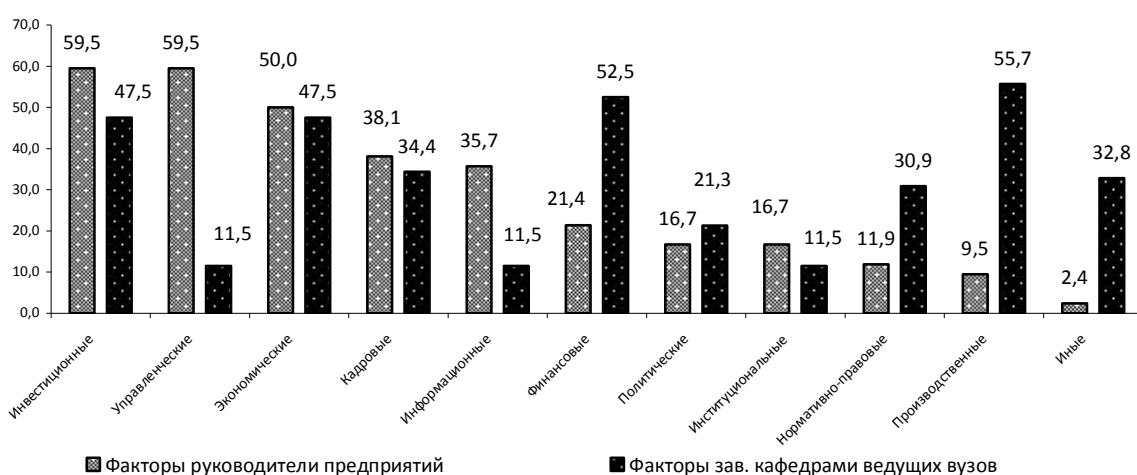

Рис. 2. Факторы, сдерживающие развитие инноваций в Вологодской области в 2011 г., %

Учитывая, что среди препятствующих факторов как в 2009 г., так и в 2011 г. лидирующие позиции занимают экономические (в т.ч. финансовые и инвестиционные), становится значимой оценка финансовых инструментов поддержки инновационной деятельности. Руководители предприятий области, среди наиболее действенных инструментов называли льготный режим налогообложения, использование федеральных целевых программ, стимулирование частного

бизнеса на вложения средств в инновационные проекты. В то время как другие инструменты, на их взгляд, оказывают меньшее влияние на инновационное развитие.

Помимо финансовых ресурсов, одним из факторов, определяющих инновационное развитие, являются кадровые ресурсы. Однако возможности их развития в контексте инновационных преобразований оцениваются на среднем (45%) и низком (31%) уровне. Кроме того, примерно треть опрошенных полагают, что изменения в сфере развития ресурсов не носят системного характера, еще практически столько же считают, что положительных перемен вообще не происходит.

Вместе с тем, среди направлений, за счет реализации которых можно повысить качество человеческих ресурсов, называется улучшение материального положения людей, создание условий для их профессиональной самореализации и карьерного роста. При этом одним из условий, способствующих реализации этих направлений может стать поддержка вузовской и академической науки (табл. 1).

Таблица 1

Инструменты повышения качества человеческих ресурсов, %

Вариант ответа	2009 г.	2010 г.	2011 г.	Абс. откл. (2011-2009)
Улучшение материального положения людей	56,8	57,6	59,5	2,7
Поддержка развития вузовской и академической науки	43,2	60,0	54,8	11,6
Создание условий для профессиональной самореализации и карьерного роста людей	34,1	31,8	50,0	15,9
Создание системы непрерывного обучения и переподготовки кадров	46,6	31,8	40,5	- 6,1
Содействие переходу системы образования на стандарты нового поколения, отвечающие требованиям инновационной экономики	38,6	29,4	35,7	- 2,9
Объединение усилий образовательного и научного потенциалов	28,4	14,1	28,6	0,2
Осуществление системных изменений в медицине	21,6	20,0	23,8	2,2
Обеспечение безопасности жизнедеятельности людей	20,5	12,9	21,4	0,9
Иное	4,5	0,0	4,8	0,3

Источник: Данные опроса заведующих кафедр ведущих вузов Вологодской области. Опрос проводится ежегодно в I-II квартале. Объем выборочной совокупности – 158 кафедр. Ошибка выборки не превышает 5%.

В качестве приоритетов активизации научно-инновационной сферы в регионе может рассматриваться стимулирование крупного и среднего бизнеса к разработке и внедрению инноваций, формирование финансового механизма создания и внедрения инновационных разработок, формирование инновационной культуры в обществе, что в дальнейшем может способствовать усилению инновационной активности населения.

Таким образом, следует отметить, что для реализации инновационного развития территорий необходимо активизировать деятельность региональных органов власти по следующим направлениям:

– совершенствование институциональных аспектов регулирования инновационной деятельности хозяйствующих субъектов (совершенствование законов в области охраны объектов интеллектуальной собственности и защите прав экономических агентов, правовые аспекты стимулирования НИОКР в интересах промышленности и регулирующие процессы передачи результатов исследования в сферы их использования);

– совершенствование экономических аспектов инновационной деятельности хозяйствующих субъектов (освобождение от НДС научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, скидка с налога на прибыль для доходов, полученных за счет реализации

грантов, предоставление на конкурсной основе малым, средним и крупным предприятиям субсидий, создание условий для развития венчурного финансирования инновационных проектов);

– *повышение инновационной активности организаций и населения* (сотрудничество с научно-исследовательскими и инновационными организациями для переобучения и переподготовки кадров, налаживание взаимодействия между промышленными организациями и образовательными учреждениями в целях поиска необходимых кадров и повышения их квалификации).

С учетом приводимых выше направлений регулирования инновационной деятельности можно выделить несколько механизмов активизации инновационной деятельности экономических агентов, включающих как экономические, так и институциональные регуляторы. Их действие направлено на активизацию применения в бизнес-процессах инноваций, стимулирование инвестиций в разработку новых технологий и в создание наукоемких производств, стимулирование интеграции научных и образовательных структур.

Среди недостатков некоторых механизмов – невозможность учета неравномерности распределения ресурсов и инновационного потенциала, невостребованность разработок и их неэффективное использование для решения возникающих проблем, отсутствие некоторых элементов инновационной инфраструктуры. Однако использование нескольких инструментов регулирования инновационной деятельности в комплексе будет способствовать преодолению возникающих проблем и тем самым активизации инновационной деятельности экономических агентов, что в дальнейшем может благотворно отразиться на инновационном развитии региона.

Литература

1. Балацкий, Е.В. Технологический разрыв между Россией и Западом: оценки и прогнозы [Электронный ресурс] / Е.В. Балацкий. – Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/index.php/articles/article/1019>
2. Глазьев, С.Ю. Проблемы реализации интеллектуального потенциала в условиях перехода на инновационный путь развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imepi-eurasia.ru/baner/Glaziev.doc>
3. «Глобальный инновационный барометр 2012» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2012/03/06/4088>
4. Грибова, Е.В. Механизмы стимулирования инновационного развития экономики региона [Электронный ресурс] / Е.В. Грибова. – Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/194497>
5. Гулин, К.А. Проблемы развития сектора науки и инноваций в регионе [Текст] / К.А. Гулин, И.А. Кондаков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – № 2(2). – С. 38-49.
6. Ильин, В.А. Проблемы модернизации российских регионов [Текст] / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – №4(28). – С. 9-20.
7. Инновации и политические приоритеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ratingregions.ru/sites/default/files/apl/doc/3_2/t3b2g52-4.pdf
8. Конаныхина, О.В. Формирование элементов механизма управления инновационной активностью хозяйственных структур в регионе [Текст] / О.В. Конаныхина // Креативная экономика. – 2010. – № 11(47). – С. 80-87.
9. Леонидова, Г.В. Кадровый потенциал науки: Россия и Беларусь / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова // Интеграция науки как фактор строительства Союзного государства: научные материалы Межакадем. совета по проблемам развития Союзного государства. – Вып. 3 / под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. – Мн.: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2011. – С. 218-230.
10. Леонидова, Г.В. Социальный портрет творческих людей [Текст] / Г.В. Леонидова, А.В. Попов // Проблемы развития территорий. – 2012. – № 1(57). – С. 45-54.
11. Леонидова, Г.В. Целевые ориентиры формирования человеческого капитала / Г.В. Леонидова // Экономика. Налоги. Право. – 2011. – № 2. – С. 18-22.
12. Лепский, В.Е. Методологические аспекты инновационного развития России [Электронный ресурс] / В.Е. Лепский. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2012/09/27/>

13. Магомедов, А.А. Организационно-экономический механизм стимулирования инновационной деятельности строительного предприятия [Электронный ресурс]: автореферат на соиск. уч. ст. к.э.н. по специальности 08.00.05. – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/191/18425.php>.
14. Механизмы повышения конкурентоспособности экономики регионов / Смирнов С.Н., Симачев Ю.В., Засимова Л.С., Чулок А.А. [Текст]: препринт WP1/2005/06. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 64 с.
15. Миндели, Л.Э. О проекте Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 г. [Текст] / Л.Э. Миндели // Инновации. – 2011. – № 2 (148). – С. 5-8.
16. Наука. Инновации. Информационное общество 2012 [Текст]: крат. стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 80 с.
17. Проблемы и перспективы развития российских территорий высокой концентрации научно-технического потенциала [Текст]: монография. – М.: Сканрус, 2001.

ПОДГОТОВКА И ПЕРЕПОДГОТОВКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СЕВЕРА И АРКТИКИ³¹

Цукерман В.А., к.т.н., доц., зав. отделом
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН, г. Апатиты

Важнейшим фактором научно-технического прогресса страны в ближайшее время будет выступать инновационная индустриализация [1]. Одной из проблем осуществления инновационной индустриализации Севера и Арктики является подготовка и переподготовка управленческих кадров.

От компетенции менеджеров всех уровней и всех специализаций зависит результат модернизации экономики и инновационного развития. Для северных территорий требуются специалисты новой категории, владеющие различными организационно-экономическими аспектами инновационной деятельности, так называемые инновационные менеджеры. Они должны профессионально владеть принципами коммерциализации технологий, основами маркетинга, теорией и практикой защиты прав интеллектуальной собственности. Кроме того, управленцы должны обладать научно-техническим и экономико-психологическим потенциалом, инженерно-экономическими знаниями, качествами традиционного менеджера и ученого-исследователя, способными оценить эффективность инновационных проектов. Проблема подготовки и переподготовки кадров может решаться различными путями [2].

С 1998 года действует Президентская Программа (далее Программа) подготовки управленческих кадров. В рамках этой Программы на конкурсной основе ежегодно проводится подготовка кадров в ведущих российских университетах по специальностям «Менеджмент», «Маркетинг», «Финансы и кредит» и др. После завершения обучения участникам Программы предоставляется возможность прохождения стажировки на профильных российских и зарубежных предприятиях и организациях. Между тем, отсутствие объективного анализа результатов Программы, на которую тратятся значительные ресурсы, прежде всего финансовые, не позволяет судить об улучшении системы управления проектами в северных регионах. Кроме того, насколько известно автору, большинство участников Программы на Север не возвращаются.

С 1997 года в России официально проводится эксперимент по развитию дистанционного образования управленческих кадров. Настало время обобщить результаты эксперимента.

В различных образовательных учреждениях высшего профессионального образования (ОУ ВПО) проводится подготовка студентов к работе в северных регионах страны. Отметим положительный опыт подготовки кадров Международным институтом государственного

³¹ Исследование выполнено по гранту РГНФ, проект 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития»

управления и Российской академией государственной службы при Президенте РФ. Студенты и слушатели изучают международный опыт и технологии управления, в том числе в кризисных ситуациях, получают навыки в разработке и реализации стратегических и тактических программ, изучают взаимодействие с бизнес-структурами, знакомятся с проблемами устойчивого развития Севера. Большое внимание в учебном процессе уделено изучению зарубежного опыта арктических государств: США, Канады, Исландии, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии [3].

Эффективная подготовка по программам «Бакалавр», «Магистр», «МВА» и «Executive MBA»), а также дополнительным программам непрерывного обучения («Executive Programs») осуществляется в высшей школе бизнеса Московского государственного университета. Тесное сотрудничество университета с ведущими компаниями дает студентам уникальную возможность уже в процессе обучения подключиться к решению практических задач бизнеса, а после окончания школы получить престижную работу и добиться быстрого профессионального роста. В высшей школе бизнеса обучаются и представители северных регионов [4].

В Высшей школе менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета осуществляется подготовка по программе «Executive MBA» модульного формата продолжительностью два календарных года, которая состоит из 14 основных курсов, охватывающих все направления современного менеджмента без специализации по отраслям, а также из 16 курсов по выбору в соответствии с профессиональными и личностными интересами [5].

Double Degree Executive MBA на английском языке проводится совместно с Высшей коммерческой школой Парижа (HEC Paris) по модели «два диплома» продолжительностью 18 месяцев состоит из 13 модулей, которые проводятся в Санкт-Петербурге и Париже. Выпускники программы получают два диплома: диплом СПбГУ с присвоением квалификации «Мастер делового администрирования» (MBA) и диплом «Executive Master of Business Administration» бизнес-школы HEC Paris и Министерства образования Франции.

Основная роль в подготовке управленческих кадров для северных территорий принадлежит сфере ОУ ВПО, где следует детально изучать североведение – комплексную междисциплинарную область исследования, изучающую природно-ландшафтные, экономико-географические и климатические условия северной области России, что позволяет оценить рентабельность разработки природных ресурсов, гражданского и промышленного строительства в конкретных природно-климатических условиях российского Севера [6].

Количество образовательных учреждений уменьшается (табл. 1).

Таблица 1

Образовательные учреждения высшего профессионального образования [7]

Субъект	2009/10		2010/2011		2011/12		2012/2013	
	ВПО	Филиал	ВПО	Филиал	ВПО	Филиал	ВПО	Филиал
Ненецкий АО	-	-	-	-	-	-	-	-
Мурманская область	4	24	4	24	4	14	4	24
Ямало-Ненецкий АО	-	25	-	25	-	19	-	24
Республика Саха (Якутия)	8	22	9	23	9	15	6	19
Камчатский край	3	6	3	7	3	5	2	6
Магаданская область	1	6	1	6	1	2	4	5
Чукотский АО	-	-	-	-	-	1	-	-
Регионы Севера и Арктики	16	83	17	85	17	56	16	78
Российская Федерация	1114	1637	1115	1668	1080	1045	1046	1603

Сокращение числа образовательных учреждений происходит в основном за счет закрытия Филиалов в малых северных городах, которые основным местом проживания северян, и

сокращения бюджетных мест. Такая тенденция привела к существенной деформации структуры образовательных услуг. ОУ ВПО ориентируются на платежеспособность студентов и их родителей, в то время как ежегодно увеличивается дефицит высококвалифицированных управленческих кадров.

Численность студентов за последние годы уменьшается (таблица 2).

Таблица 2

Численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования на 10000 чел. населения [7]

Субъект	ВПО			
	2009	2010	2011	2012
Ненецкий АО	-	-	-	-
Мурманская область	446	404	359	327
Ямало-Ненецкий АО	218	222	194	157
Республика Саха (Якутия)	508	492	437	397
Камчатский край	480	507	453	392
Магаданская область	687	634	602	556
Чукотский АО	-	-	13	25
Регионы Севера и Арктики	468	452	343	265
Российская Федерация	519	493	454	424

В 2012 году по сравнению с 2009 годом количество студентов на 10000 чел. населения уменьшилось почти на 40%.

Только в 4 регионах Севера и Арктики организована подготовка специалистов высшей квалификации (рис. 1), при этом численность аспирантов уменьшается (табл. 3).

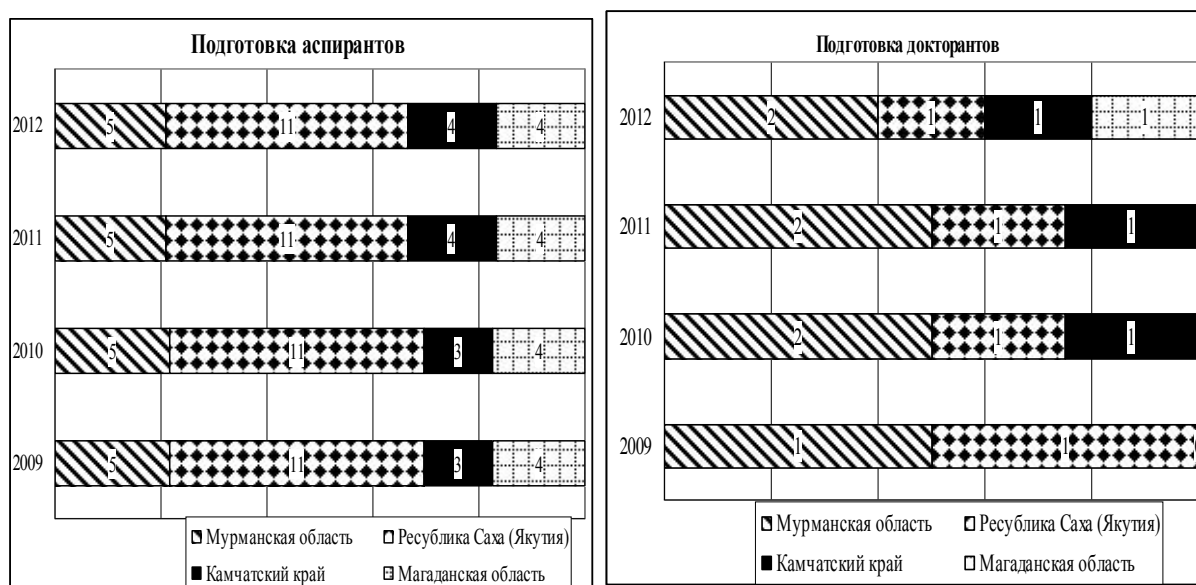

Рис. 1. Организации, ведущие подготовку аспирантов и докторантов в регионах Севера и Арктики [7]

Таблица 3

Численность аспирантов, чел. [7]

Субъект	2009	2010	2011	2012	2012 к 2009, %
Ненецкий АО	-	-	-	-	
Мурманская область	524	504	462	420	-19,85
Ямало-Ненецкий АО	-	-	-	-	

Республика Саха (Якутия)	751	727	746	711	-5,33
Камчатский край	210	150	129	135	-35,71
Магаданская область	50	45	38	35	-30,00
Чукотский АО	-	-	-	-	
Регионы Севера и Арктики	1535	1426	1375	1301	-15,24
Российская Федерация	154470	157437	156279	146754	-5,00

За последние 4 года численность аспирантов уменьшилась почти на 15%, в то время как в РФ произошло уменьшение на 5%.

В целом следует признать, что существующая система подготовки и переподготовки управленческих кадров для северных территорий в различных образовательных учреждениях в новых социально-экономических условиях недостаточно ориентирована на запросы реального сектора экономики и социальной сферы и не в полной мере соответствует потребностям рынка труда северных регионов [8].

Следует отметить, что в инновационно развитых северных странах правительство стимулирует в малых городах подготовку и переподготовку кадров многопрофильного уровня, сочетающих в себе научную и техническую специализацию с профессиями менеджеров, аналитиков, консультантов, т.е. тех специалистов, спрос на которые диктуется организацией инновационного процесса в корпорациях и других секторах национальной инновационной системы.

Практически в каждом малом городе Норвегии имеются университеты, отличительные черты которых – гибкость программ, небольшие группы, неформальная атмосфера, отличное техническое и технологическое оснащение.

В Финляндии в малых городах функционирует двадцать государственных университетов, в том числе десять специализированных.

Швеция традиционно славится качеством своего образования. Всего в Швеции около 60 высших учебных заведений, большинство из которых принадлежит государству или муниципалитетам малых городов.

Следует максимально использовать накопленных в северных странах позитивный опыт непрерывного образования и повышения квалификации в сфере MBA и EMBA-программ по управлению созданием и внедрением инновационных проектов.

Новые экономические реалии диктуют необходимость создания в малых северных городах дополнительной сети ВПО и Филиалов, а не их закрытия. Это способствует более доступному получению высшего образования местной молодежи, снижая масштабы ее переезда на учебу в центральные районы. Безусловно, Филиалы ВПО с подготовкой управленческих кадров следует открывать в городах, где имеются соответствующие научно-педагогический потенциал и условия для организации учебного процесса. Следует отметить, что в малых северных городах подготовка управленческих кадров гораздо эффективнее за счет проведения практических занятий непосредственно на промышленных предприятиях, которые, как правило, являются градообразующими. Закрытие Филиалов должно быть только на основе глубокого всестороннего и объективного обоснования.

С учетом Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [9] (далее Закон) ОУ ВПО необходимо инициировать реализацию основных направлений, содействующих обеспечению повышения качества подготовки специалистов, в том числе:

- модернизацию материально-технической базы;
- формирование современной информационной среды;
- обновление учебников и учебных пособий;
- пересмотр образовательных стандартов и программ.

Между тем, в Законе не конкретизированы направления, которые должны содействовать обеспечению повышения качества подготовки, и не сформулированы особенности системы образования для специалистов, работающих в регионах Севера и Арктики. Для устойчивого

развития региональных инновационных систем этих территорий в рамках образовательного фактора следует законодательно закрепить:

- развитие системы грантов и премий талантливой молодежи из малообеспеченных семей в целях стимулирования их образования;
- развитие контрактной формы подготовки молодых специалистов;
- создание системы прохождения практики студентами;
- введение нормы, предусматривающей обязательную отработку выпускниками, которые обучались на бюджетной основе или по направлению предприятий;
- проведение целевой подготовки и переподготовки молодых специалистов с учетом формирования государственного и частного заказа на подготовку квалифицированных кадров.

Подготовку управленческих кадров различных уровней для северных территорий можно осуществлять как в рамках основных образовательных программ, так и на базе дополнительных образовательных программ целевой подготовки. Требуется создание на Севере современных образовательных комплексов по подготовке и повышению квалификации, включающих специализированные курсы, научные семинары и школы, рассчитанные на различные категории слушателей и сроки обучения, с развитыми интерактивными методами обучения, в том числе использования деловых игр, кейсов, тренингов, мастер-классов и др. [10].

Особая проблема инновационного развития экономики связана с привлечением молодых специалистов для работы на Севере. Система гарантий и компенсаций должна быть направлена на решение важнейшей государственной задачи – обеспечения Севера и Арктики трудовыми ресурсами. Задача исключительно актуальна в настоящее время, поскольку Стратегией развития Севера предусмотрено активное освоение природных ресурсов, в т.ч. арктического шельфа.

Следует восстановить хотя бы ранее действовавшие льготные условия начисления полярных надбавок и реанимировать институт «подъемных» выплат. Очень важной дополнительной гарантией может служить возмещение части расходов на обучение дефицитных кадров, причем эта часть может быть пропорциональна сроку, который специалист обязуется проработать в регионах Севера и Арктики.

Приоритетной стратегической целью системы подготовки и переподготовки управленческих кадров является такое качество предоставляемых образовательных услуг, которое соответствовало бы запросам северных и арктических регионов в новых геоэкономических условиях развития России [11].

Литература

1. Селин В.С. Прогноз инновационной индустриализации Севера и Арктической зоны России // Север и рынок. 2013. № 4. С. 121-128.
2. Меньших Н.Г., Цукерман В.А. Образование как фактор устойчивого развития экономических систем Севера и Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 3. С. 85-89.
3. Международный институт государственного управления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arctic-info.ru/News/Page/ypravlenceskie-kadri-dla-severa-i-arktiki-gotovat-v-ranhigs-pri-prezidente-rf> (дата обращения: 19.01.2014)
4. Высшая школа бизнеса – факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. [Электронный ресурс]. URL <http://www.msu.ru/info/struct/dep/business.html> (дата обращения: 30.01.2014)
5. Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gsom.spbu.ru/> (дата обращения: 5.02.2014)
6. Североведение [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikiversity.wikia.com/wiki> (дата 30.01.2014)
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. 990с.
8. Меньших Н.Г., Цукерман В.А. Об опыте подготовки специалистов для инновационного развития экономики в регионах российского Севера // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 5-6. С. 312-315.

9. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ
10. Меньших Н.Г., Цукерман В.А. Роль высшей школы для инновационного развития экономики Севера // Материалы XVI международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы развития инновационной деятельности» (Евпатория, 23-27 мая 2011 г.). Евпатория: СПД Володченко В.С., 2011. С. 113-117.
11. Селин В.С., Башмакова Е.П. Значение северных и арктических регионов в новых геоэкономических условиях развития России // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. С. 23-39.